

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И.Н. ФАЛАЛЕЕВА

Политико–правовая система
Древней Руси IX–XI вв.

Волгоград 2003

ББК 67.3(2)-1
Ф19

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. каф. теории государства
и права ВолГУ *В.В. Кучма*;
канд. юрид. наук, доц. каф. теории права
и государства и прав человека Волгоградской академии
МВД РФ *М.В. Заднепровская*

Печатается по решению
редакционно-издательского совета университета

Фалалеева И.Н.

Ф19 Политико-правовая система Древней Руси IX—XI вв.
— Волгоград: Издательство Волгоградского государственного
университета, 2003. — 164 с.
ISBN 5-85534-770-2

Монография дает представление о современном состоянии отечественной и зарубежной науки в изучении становления государственности России (до конца XI в.). Работа основана на критическом переосмыслении как широко, так и малоизвестных источников и представляет собой комплексное, системное исследование государственно-правовой истории Древней Руси.

Предназначено для студентов гуманитарных факультетов вузов и всех интересующихся государственно-правовой историей России.

ISBN 5-85534-770-2

© И.Н. Фалалеева, 2003
© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2003

Введение

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Древнерусское государство и право проходят в своем развитии ряд последовательно сменяющих друг друга этапов. Период их возникновения и становления (IX—XI вв.) наименее обеспечен достоверными письменными источниками. По этой причине, несмотря на очень давний и неугасающий интерес к проблеме, многие ее стороны продолжают вызывать дискуссии.

Внимание к периоду становления раннего государства и права на Руси является сегодня вполне обоснованным с точки зрения государственно-правового подхода еще и потому, что институционализация политических и правовых структур происходила здесь на протяжении длительного исторического периода, а условия, способы и механизмы властеотношений именно в этот период приобретали системообразующее значение. На нынешнем этапе исследований государственно-правовой истории созрела необходимость и сложились условия для перехода от изучения отдельных политических и правовых реалий Древней Руси к их комплексному, системному анализу. Такому анализу политико-правовой системы Древней Руси в отечественной историко-правовой литературе формально посвящено ограниченное количество исследований. Но фактический объем работ, в которых так или иначе затрагиваются различные аспекты российского исторического государствоведения и правоведения, очень широк. Здесь следует назвать работы П.И. Беляева, М.Ф. Владимирского-Буданова, А.А. Горского, Б.Д. Грекова, И.Н. Данилевского, М.А. Дьяконова, А.А. Зимина, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, Н.Ф. Котляра, В.В. Мавродина, Е.А. Мельниковой, А.В. Назаренко, А.П. Новосельцева, В.Т. Пашуто, А.Е. Преснякова, О.М. Рапова, В.А. Рогова, Б.А. Рыбакова, А.Н. Сахарова, М.Б. Свердлова, В.И. Сергеевича, С.М. Соловьева, М.Н. Тихомирова, П.П. Толочко, А.П. Толочко, А.Н. Фи-

липпова, И.Я. Фроянова, Л.В. Черепнина, З.М. Черниловского, О.И. Чистякова, Б.Н. Чичерина, Я.Н. Шапова, С.В. Юшкова и др.

Многие фундаментальные положения изучаемой проблемы вплоть до настоящего времени продолжают оставаться дискуссионными. В частности, не существует единого мнения относительно времени, характера и конкретно-исторических условий перехода восточно-славянского общества к государству. Так, С.В. Юшков не связывал появление государственности на Руси с наступлением феодализма столь жестко, как это делали большинство его коллег. Он полагал, что возможен и дофеодальный период в развитии государств, которые возникали в процессе разложения родоплеменного строя, и предлагал называть их «варварскими»¹. Позднее одни исследователи склонны были удревять дату образования Древней Руси и датировать возникновение восточно-славянских княжений VII в., считая их наиболее ранней и элементарной формой государственности². Другие утверждали, что восточно-славянское общество оставалось родоплеменным не только в VIII—IX вв., но и в X—XI вв.³ Но суть спора, как представляется, всегда сводилась к различному пониманию сущности раннего государства и всего комплекса исторических реалий, которые охватывает этот термин.

Сама дискуссионность вопроса об определении сущности раннего государства во многом проистекает из «...логической несоизмеримости явлений древней политической жизни и понятий нашего государственного права», — как точно подметил А.Е. Пресняков⁴.

Известный русский правовед Б.Н. Чичерин отмечал, что только с XV в., когда в Московской земле утверждается единодержавие, можно говорить о Русском государстве. А до тех пор «...это общество, гражданское общество, если хотите, но имени государства ему нельзя дать, ибо в нем нет понятия об обществе, как о едином теле, управляемом единой верховной властью; в нем господствует не общественное право, а частное»⁵. Да и само слово «государь» и «государство» стало употребляться в современном значении лишь в источниках середины XV в.⁶ Уместно ли в этом случае говорить о государстве в Древней Руси применительно к IX—XI вв.?

Сегодня стало очевидным, что такие определения Древнерусского государства, как «варварское», «раннефеодальное», «раннеклассовое», «дружинное», «надплеменное», упускают из

вида важную черту раннего государства — его динамический компонент. Поэтому современные исследователи обратили внимание на следующие характеристики: «государство периода генезиса феодализма» или «государство переходного периода»⁷.

В настоящее время государствоведы и юристы работают над новыми определениями понятия «государства» и его признаков, которые не вытекают бы из привычных и устоявшихся подходов, но выработка которых, возможно, оказалась бы плодотворной для его понимания⁸.

Так, сознавая неадекватность понятия «государство» всему многообразию политических реалий раннего Средневековья, многие исследователи предпочитают оперировать понятием «политическая организация». Последнее употреблено И.Я. Фрояновым для анализа сущности Древнерусского государства с целью подчеркнуть его переходный характер⁹. Аналогичный смысл вкладывают в это понятие и другие ученые, исследуя политические структуры раннефеодальных славянских государств Центральной Европы¹⁰.

Для характеристики государства и права Древней Руси исследователи стали применять и понятие «политическая система»¹¹. Оно входит в арсенал системного метода познания через концепт «система», который обозначает объект, организованный в качестве целостности, где энергия связей между элементами системы превышает энергию их связей с элементами других систем¹². Указанная категория вносит в научный анализ принцип многофакторной зависимости, предполагающий, что наряду с экономическими факторами, а в определенных случаях и вопреки им, политические события и институты зависят и от культурной среды, и от традиций, и от природных особенностей, и от структуры господствующих в обществе ценностей. Это понятие максимально соотносится с цивилизационной парадигмой видения истории государства и права.

В отечественной науке за последние два десятилетия устоялся основной перечень компонентов политической системы. Исследователями выделяются следующие подсистемы: 1) институциональная; 2) нормативно-регулятивная; 3) функциональная; 4) информационно-коммуникативная; 5) идеологическая¹³.

Что касается категории «правовая система», то она используется в современной теории права в основном для того, чтобы охарактеризовать историко-правовые и этнокультурные отли-

чия систем права различных государств и народов. Уточняя ее элементный состав, исследователи предпочитают не закрывать скобки, отмечая, что «...это комплексная, интегрирующая категория, отражающая всю правовую организацию общества, целостную правовую действительность»¹⁴.

В принципе, соглашаясь с положением В.О. Ключевского о том, что «...надобно строго отличать начала, основания порядка и его казуальное развитие... словом, различать право и политику, разумея под политикой совокупность практических средств для осуществления права»¹⁵, отметим, что применение системного подхода предполагает комплексное изучение «оснований порядка» и политики. Это обусловлено целым рядом причин.

Во-первых, как понятие «политическая система», так и понятие «правовая система» содержат в себе однотипные структурные блоки-подсистемы. Во-вторых, в условиях зарождавшегося, становящегося политико-правового организма Древней Руси эти комплексы функционировали как равноценные по отношению друг к другу, и именно в системе проявлялась их нерасторжимая взаимосвязь. Поэтому в трудах некоторых отечественных историков государства и права имеется опыт применения комплексного понятия «политико-правовая система»¹⁶ как для исследования проблем современного периода, так и в исторической ретроспективе. Но концептуально подобный подход впервые был обозначен в статье С.А. Дробишевского¹⁷, а впоследствии развернут в монографическом исследовании В.Н. Сянюкова, посвященном историко-культурным и генетическим аспектам современной российской правовой системы. В.Н. Сянюков затрагивает проблему изучения государственно-правовой системы Древней Руси, отмечая, что «...специфика русской правовой системы во многом предопределяется уже на ранних этапах ее жизни, в том числе через взаимодействие со сложной, нетрадиционной природой государственности России»¹⁸. Вклад названного исследователя во внедрение системного подхода к анализу проблем, связанных с изучением политико-правовой истории, тем более заслуживает внимания, что в отечественных работах понятие «политико-правовая система» еще не приобрело достаточно четких научных очертаний.

Как известно, смысл переходного процесса заключается именно в том, что на его протяжении отрабатываются, отбира-

ются и лимитируются условия и границы будущего развития, институционализируется система власти- и правоотношений. Поэтому для начальных этапов генезиса государства и права логично признать существование некоего «общего поля», охватывающего и предгосударственный, и предправовой период. Преимущество такого подхода состоит в том, что он призван отразить в целостном виде общую панораму зарождающегося политико-правового пространства. Вероятно, именно о таком подходе идет речь, когда в своей типологии политических систем Г. Алмонд выделяет «доиндустриальную», а С. Айзенштадт — «патримониальную империю» и отдельно — «феодалную систему»¹⁹. Поэтому представляется не только методологически допустимым, но и необходимым говорить не о государственно-правовой, а о политико-правовой системе Древней Руси IX—XI вв., поскольку, по нашему мнению, политическая власть предшествует государственной. При этом следует отметить, что исследователи, придерживающиеся взгляда об имманентности политико-юридических явлений всякому человеческому обществу прошлого и настоящего, активно используют термины «политическая организация общества и права», «максимальная политическая организация общества и права» и, наконец, «политико-правовая система»²⁰. К настоящему времени написаны десятки монографий о праве и политической организации общества в «эпоху до цивилизации», но все они являются в основном достоянием зарубежной историографии²¹. Исключение в отечественной историографии составляют работы Д.М. Бондаренко и А.В. Коротаева, где теоретически обосновывается и подкрепляется конкретно-историческим материалом идея о многолинейности социальной эволюции и неуниверсальности государственной формы политической организации²².

Единое основание политической и правовой систем особенно очевидно при обращении к нормативной стороне каждой из них. Эту сторону проблемы можно рассматривать в контексте реализации нормативных функций культуры в целом, связанной с необходимостью для общества поддерживать в нем равновесие, устойчивость, сплоченность его членов, межгрупповые и межличностные взаимоотношения, осуществлять координацию различных видов человеческой деятельности, разрешать конфликты и т. д. Гомогенность политических и право-

вых норм на ранней стадии развития проявляется также в том, что целый ряд из них является одновременно теми и другими. Причем политические нормы могут быть выражены как в нормативно-правовом акте государства, так и в политическом акте непосредственно. Юридические нормы могут иметь политическое значение в том смысле, что к их оценке применяется политический подход, они устанавливаются или санкционируются компетентным государственным органом. Таким образом, именно процесс параллельного, одновременного возникновения и развития политического и правового дискурса во всем соционормативном комплексе культуры делает чрезвычайно сложным и искусственным демаркацию права и политики в Древней Руси.

Наконец, политическая и правовая системы Древней Руси как реальности и как модели при всех различиях между ними являются тесно взаимосвязанными и взаимопроникающими явлениями также и потому, что речь идет о раннесредневековом периоде, когда кровно-родственные связи уже недостаточны, а исключительно экономические — еще слишком слабы, чтобы сделать возможным обновление и развитие общества. В этой ситуации особая доминирующая роль принадлежит переходным, нечетко дифференцированным структурам. В субъектный состав политико-правовой системы Древней Руси входят не только официально признанные политической элитой государственные органы и институты, но и «низовые» корпоративные организации, охватывающие всех подданных и оказывающие преимущественно опосредованное, но нередко и прямое влияние на формирование политики и права. Как отмечают исследователи, в политической системе «наряду с государственными институтами существовали и другие формальные и неформальные объединения, игравшие значительную, а временами и ведущую политическую роль»²³.

Предметом специального анализа будет последовательно каждый из основных компонентов политико-правовой системы. Следует, однако, оговориться о причинах, по которым мы не включаем идеологическую подсистему в общую схему исследования в качестве самостоятельной. Исторические особенности того типа политико-правовой системы, который характерен для раннего Средневековья, не позволяют рассматривать идеологический аспект в отрыве от остальных, так как в период становления ран-

него государства политическая и правовая идеологии доктринально выражены крайне слабо: они как бы «разлиты» во всех подсистемах — институциональной, нормативной, функциональной, коммуникативной. Политическое, идеологическое и теологическое еще вообще не расчленены²⁴. В древнерусской политической и правовой истории настолько своеобразно переплетаются определенные, объективированные формы выражения общественных отношений с феноменами общественного сознания — идеологией и психологией, что в соответствии с задачами нашего исследования представляется нецелесообразным особо выделять и специально характеризовать идеологическую подсистему.

Примечания

¹ Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.

² Королук В.Д. Раннефеодальная государственность и формирование феодальной собственности у восточных и западных славян (до середины XI века). М., 1970. С. 4—5.

³ Фроянов И.Я. К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г.Я. Курбатова. Л., 1991. С. 57—93.

⁴ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 58.

⁵ Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 26.

⁶ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М., 1998. С. 169.

⁷ Котляр Н.Ф. Между язычеством и христианством (эволюция древнерусской государственности в X веке) // Восточная Европа в древности и Средневековье (далее — ВЕДС): язычество, христианство, церковь. М., 1995. С. 26.

⁸ См.: Пастухов В.Б. От государственности к государству // Политические исследования (далее — Полис). 1994. № 2. С. 5—12; Мамут Л.С. Государство: полюсы представлений // Общественные науки и современность (далее — ОНС). 1996. № 4. С. 45—54; Он же. Образ государства как алгоритм политического поведения // Там же. 1998. № 6. С. 85—97.

⁹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 32.

¹⁰ Ронин В.К. Политическая организация славян Центральной Европы и их отношения с западными соседями в VII — начале IX в. // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных государств и народностей. М., 1987.

¹¹ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // Древнейшие государства на территории Восточной Европы (далее — ДГВЕ): Материалы исследований (далее — МИ) 1992—1993 гг. М., 1995. С. 40—41; Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 180.

¹² Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 453.

¹³ Марченко М.Н. Очерки теории политической системы современного буржуазного общества. М., 1985. С. 33; Основы теории политической системы / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.Е. Чиркин. М., 1985. С. 21; Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998. С. 132.

¹⁴ Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 159.

¹⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории: Соч. в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 189.

¹⁶ Кислицын С.А., Кутырев Н.П. Политико-правовые системы и режимы в истории России // Российская историческая политология. Ростов н/Д, 1998. С. 13—47; Политология / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1999. С. 216.

¹⁷ Дробишевский С.А. Историческое место политической организации общества и права: спорные вопросы // Правоведение. 1991. № 4. С. 80—85.

¹⁸ Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 94.

¹⁹ Политология... С. 216.

²⁰ Дробишевский С.А. Указ. соч. С. 84.

²¹ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 233—250.

²² См., напр.: Бондаренко Д.М., Коротаев А.В. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // ОНС. 1999. № 5. С. 128—138.

²³ Марченко М.Н. Указ. соч. С. 16.

²⁴ Куббель Л.Е. Указ. соч. С. 93; История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1986. С. 192.

Глава I

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОДСИСТЕМА

Институциональная подсистема в решающей мере предопределяет содержание политико-правовой системы общества в целом и по отношению к ее отдельным частям выступает основополагающей. Поэтому именно с нее представляется целесообразным начать анализ политико-правовой системы Древней Руси.

Само понятие институциональной подсистемы предполагает, что ее составляют определенные политические институты. Под термином «политический институт» принято понимать: 1) группы людей, уполномоченные обществом выполнять социально-политически значимые функции; 2) созданные в обществе организации для выполнения людьми тех или иных необходимых функций; 3) совокупности материальных и иных средств деятельности, позволяющих представляющим общество организациям или группам лиц выполнять установленные политические функции; 4) совокупности политических ролей и норм, реализация которых имеет жизненно важное значение для каких-то социальных групп или общества в целом¹. Поскольку это — многоаспектное понятие, представляется важным подчеркнуть, что политический институт — не просто «определенная группа людей», но главным образом организованная на нормативной основе форма функционирования политических отношений². Другими словами, политический институт это реализованное средство управления, способ его материализации³. На начальной стадии генезиса политико-правовой системы границы между социально-историческими общностями и их организациями являются очень размытыми, поэтому представляется допустимым отождествлять понятия «субъект» и «институт». При этом вряд ли обоснованно опасаться «удвоения социальных субъектов»⁴, поскольку для стадии институционализации властеотношений этот процесс является неизбежным⁵.

Критерием включения тех или иных общностей в институциональную подсистему в качестве субъектов обычно избирают степень участия в политике и правотворчестве, суверенность политического действия, наличие значительных общественных последствий действия субъекта и т. п.⁶ Но поскольку в период

возникновения и развития политико-правовой системы Древней Руси эти признаки были очень неустойчивыми, представляется целесообразным избрать в качестве критерия возможность влиять на складывание политических отношений, способность к воздействию (силовому, организационному, идеологическому) на другие группы. Тогда в число субъектов институциональной системы Древней Руси IX—X вв. попадают не только учреждения, имеющие строго очерченные организационные формы, но и общности, являющиеся неформальными носителями политико-правовых функций. Обладая признаками социального института: относительно устойчивая структура, наличие руководящего органа, системы норм и правил, регулирующих поведение членов данной общности, — такие группы людей обретают политическую и правовую субъектность лишь в определенные исторические моменты.

Важнейшими субъектами институциональной системы Древней Руси на высшем уровне были князь, Совет при князе, дружинная и вечевая организация, а также собственно народ — «люди». Особое место в указанной системе занимала церковь. В качестве неформальных субъектов в институциональную подсистему на местном уровне входили община и церковный приход, в качестве формализованных — институты посадничества, тысяцких и воеводства.

Один из основных государственно-правовых институтов в Древней Руси олицетворяла собой фигура князя. Несмотря на богатейшую литературу вопроса, не все аспекты этого феномена достаточно полно уяснены, особенно с точки зрения историко-правового анализа. В литературе не без основания отмечается, что для ранних периодов государствообразования разделить «историю и сагу» трудно, подчас невозможно. Очевидно, поэтому вопрос о конкретных формах, в которых осуществлялась верховная власть в период образования государства, до сих пор остается дискуссионным. Известно, что процесс складывания института центральной власти был связан с функциональной дифференциацией, появлением специализированных носителей отдельных видов власти: военной, административной, идеологической. «Дисперсия» власти являлась одной из важнейших характеристик феодального периода в целом⁷.

Собственно, институты политико-правовой системы в Древней Руси еще только начали формироваться. Личность пра-

вителя в исследуемый период не только не отделена от непосредственного функционирования его учреждений, а эти учреждения есть его различные роли, не имеющие пока статуса даже средств управления. Так, Совет при князе, его старшая дружина не могут считаться самостоятельными политическими институтами без участия фигуры князя. Именно его власть и личное участие придают соответствующую модуляцию нарождавшимся политическим институтам: законодательный, исполнительный, судебный или карательный характер. Поэтому для нашего исследования допустимо вышеоговоренное отождествление понятий «институт» и «субъект институциональной подсистемы». Вместе с тем, признавая княжескую власть «учредителем», организатором государственной деятельности, нельзя отождествлять ее с государством в целом.

Характеризуя политико-правовой статус верховной власти в Древней Руси, следует отметить, что слово «князь» — общеславянское. Оно, по мнению лингвистов, заимствовано из германского языка: общеславянское «князь» связано с древнегерманским «*kuning*», означавшим первоначально старейшину рода, имевшего в том числе и сакральные функции; не случайно в болгарском языке «кнез» — старейшина, в словацком «*kňaz*» — священник⁸. По свидетельству арабских источников, в частности, Ибн Русте, власть «царя русов» в IX в. довольно ограничена, поскольку у русов «есть знахари, из которых иные повелевают царем, как будто они их (русов) начальники»⁹. То есть, согласно понятиям ученых арабов, верховный глава славян не был суверенным государем, подобно владетелям восточных стран или Хазарии. Он выступал «вождем из вождей, то есть главой объединения племен, у которых были свои «рааисы», то есть главы или вожди»¹⁰.

В X в. власть киевского князя усиливалась за счет поглощения власти князей других восточно-славянских племенных союзов, что запечатлел договор Игоря с Византией 944 г. Там фигурирует «великий» князь киевский, но вместо «великих» и «светлых» князей договора 911 г., «*под Олгом сущих*», упоминаются просто «князья», подручные Игорю¹¹. Уже русско-византийский договор 971 г. заключен только от имени «князя русско-го» Святослава, а русская сторона названа без упоминания князей: «*...иже суть подо мною Русь, боляри и прочии*»¹², — что свидетельствует о быстром процессе концентрации княжеской власти.

Можно полагать, что титул «великий» к середине X в. действительно сохранялся лишь за киевским князем, тогда как другие племенные князья его утратили. Это должно было означать, что статус их значительно пал по сравнению с началом X в.

Следует к этому добавить, что отечественные исследователи практически единодушны во мнении, что на протяжении конца X — начала XII в. в русской княжеской титулатуре отсутствовал строгий выдержанный иерархический принцип противопоставления киевского князя всем остальным князьям Рюрикова дома¹³. Вопрос этот продолжает оставаться дискуссионным и принадлежит больше области исторического источниковедения. Нам же представляется важным подчеркнуть, что Рюриковичи — потомки Святослава и Владимира — окончательно оттеснили и сменили все остальное «княжье», и политико-правовые отношения в междукняжеской среде конца X — начала XI в. существенно отличались от таковых в IX—X вв. Это обусловлено тем, что институты, поддерживающие и прямо обеспечивающие политико-правовой статус княжеской власти, вырастали вместе с ней и имели амбивалентный характер. Так, по мнению одних исследователей, на протяжении всего X в. князья Рюрикова дома осуществляли обширную «надзаконную» деятельность как «наследственные монархи»¹⁴. По мнению других, положение Рюриковичей, сменивших племенных князей, представляется двойственным. С одной стороны, они являлись наместниками великого князя киевского, что обязывало их поддерживать контакт с Киевом, оказывая ему военную и финансовую помощь, с другой стороны, принимая на себя роль местных князей, «они как бы срастались с туземной почвой, превращаясь в орган власти местного общества»¹⁵. По словам процитированного выше исследователя, князь-наместник был «не монарх, а высший исполнительный орган городской вечевого общины»¹⁶.

Как представляется, подобная полярность мнений вытекает не только из характера источников, но и смешения понятий столичного и удельного княжений. Великий киевский князь и князь-наместник изначально обладали разными статусами. Чтобы точнее определить государственно-правовой статус института княжеской власти в Древней Руси IX—XI вв., следует рассмотреть всю совокупность субъектов его политико-правовой системы.

Немаловажный субъект древнерусской институциональной подсистемы — Совет при князе. Он также являлся предметом большого внимания, в особенности в дореволюционной литературе. Большинство исследователей считали, что князь совещался с особым учреждением (В.О. Ключевский, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.А. Дьяконов). Так, М.Ф. Владимирский-Буданов придавал этому органу большое политическое значение и считал его «необходимым элементом в составе государственной власти каждой земли»¹⁷. Другие, прежде всего надо отметить В.И. Сергеевича и А.Е. Преснякова, отрицали существование такого учреждения в Древней Руси. По их мнению, дума князей с мужами — это только акт думания, действие советывания князя с людьми, которым он доверяет. Полярных точек зрения придерживались и советские ученые. Так, С.В. Юшков считал, что постоянно действующим Советом при князе с середины XI в. была дружина. В.Т. Пашуто полагал, что «феодальный Совет при князе — однопалатный сословный орган, давний устойчивый институт политического строя Древней Руси. В состав совета входили вассалы князя и бояре, в мирное время — духовная знать, в военное время — руководители союзников»¹⁸. Л.В. Черепнин также полагал, что «Боярская дума» была учреждением с достаточно устойчивой организацией: в ее деятельности принимали участие члены княжеской семьи, дружинники, иногда епископы¹⁹.

Исследование А.А. Горского позволяет заключить, что Совет при князе как институт был генетически связан с совещанием князя со своей дружиной²⁰. Ученый приводит следующие данные: Совет князей с лицами иного социального положения по вопросам войны и мира в X—XI вв. упоминается 8 раз, по вопросам престолонаследия в XI в. — один раз, по религиозным вопросам в X в. — три раза, по вопросам права в X в. — два раза и в XI в. — один раз. Кроме того, три упоминания (X в. — 1 раз, XI в. — 2 раза) говорят вообще об обычае князя «думать» с дружиной, одно упоминание (XI в.) — о совещании князя Святополка с «боярами» по поводу обвинений, выдвинутых против Василько. По мнению исследователя, Совет при князе в Древней Руси X—XII вв. не является учреждением с какой-либо четкой организационной структурой, а представляет собой нерегулярные совещания князя со своими приближенными, вер-

хушкой дружины²¹. Нам же представляется, что несмотря на аморфность структуры, Совет при князе являлся важным субъектом институциональной подсистемы, так как служил организационным обрамлением старшей дружины — политической элиты Древней Руси. Поскольку князь в Древней Руси олицетворял политический орган, исполнявший определенные общественно-полезные функции, то и дружина, теснейшим образом связанная с ним и помогавшая ему во всем, неизбежно должна была усвоить аналогичную роль и конституироваться в институт, обеспечивающий совместно с князем нормальную работу социально-политического механизма древнерусского общества. Согласно А.Е. Преснякову, благодаря древнерусской дружине был заложен фундамент нового общественно-политического строя, пришедшего на смену строю вечевых общин²². Еще В.О. Ключевский обратил внимание на правительственный аспект деятельности старшей дружины — боярства. Дальнейшие исследования показали, что именно должностная, служебная роль бояр являлась главным признаком, свойственным этой социальной категории Древней Руси. Это свойство — политическое управление — и характеризовало их как самостоятельный субъект институциональной подсистемы.

Ощущая непрерывную потребность в обороне, Древнерусское государство с самого начала формировалось с опорой на военную организацию. Поэтому так важен вопрос об отношении дружинников к должностям, отражающим так называемый «десятичный» принцип деления общества. Проблема эта издавна порождала споры и имеет богатую историографию. Большинство исследователей признают, что тысяцкие и сотские — должности, происходящие из догосударственных времен²³. Споры главным образом ведутся по вопросу о том, чьи интересы они представляли: земли или князя.

Так, И.Я. Фроянов считает, что «тысяча» и «сотня» — «земские» институты, уходящие корнями в первобытно-общинную эпоху: первая — военная (ополчение, центром которого являлся город), вторая — также и территориально-административная²⁴. Его оппонент М.Б. Свердлов полагает, что десятичная система восходит к доклассовому обществу, но в раннефеодальный период «институт тысяцких стал органом княжеского административного управления, куда назначались княжие мужи и местная

знать». Происхождение власти сотских, по его мнению, неясно: были они выборными или назначались князем, но в XI—XIII вв. сотенная организация входила в систему государственного управления²⁵. Еще ранее М.Н. Тихомиров высказывал мнение, что тысяцкие назначались князьями, однако в своей деятельности они становились представителями городского населения. Постоянные связи тысяцких и сотских с городским населением, по его мнению, содействовали укреплению их власти²⁶.

Определенная двойственность положения тысяцких признается и в новейших исследованиях²⁷. Как представляется, вопрос этот не поддается однозначному толкованию, поскольку в летописных источниках тысяцкие именуется как по территории без указания на князя²⁸, так и по князю, которому служат, без указания на территорию их «тысячи»²⁹. Иногда эти критерии совмещаются. Так, Георгий Симонович, названный в Киево-Печерском патерике тысяцким Юрия Долгорукого, именуется в летописи ростовским тысяцким³⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что термин «тысяцкий» появился в древнерусских источниках не ранее конца XI в.: первое упоминание о тысяцких (Яне и Пуяте Вышатичах: сыновьях воеводы Вышаты, праправнуках Добрыни — дяди Владимира Святославича)³¹ относится к 1089 г. В то же время с термином «воевода», которым названы Претич, Свенельд, Блуд, Волчий Хвост, Иван Творимирович³², мы встречаемся буквально на первых страницах летописи. Следовательно, воеводство главным образом как функция военного руководства «воями» определилось на Руси с середины X в. Про тысяцкого же известно, что ему были свойственны и другие исполнительные функции.

В качестве особенности административного аппарата раннего государства исследователи отмечают его слабую отраслевую специализацию, так как основная масса должностных лиц была занята одновременно в нескольких сферах: хозяйственной, военной и судебной. Очевидно, можно говорить об определенной нерасчлененности в исполнении функций воеводы и тысяцкого в Древней Руси, но при этом необходимо иметь в виду, что продвижение по службе определялось формулой «от воеводы к тысяцкому», а не наоборот.

Представляется, что в процессе политогенеза происходила постепенная эволюция института воеводства в должность

тысяцкого. Эти должности иногда упоминаются парно, иногда совмещаются одним лицом³³, но на ранней стадии становления древнерусской политико-правовой системы определенную роль в этой эволюции сыграл посреднический механизм между местной и центральной политической властью, благодаря которому становление публичной власти происходило более мягко, безболезненно.

Со становлением системы управления раннего государства появляются новые должности, не связанные происхождением с потестарным обществом. Совпадение по времени первых упоминаний о посадниках с ликвидацией самоуправления союзов племенных княжеств показывает, что возникновение института посадничества было напрямую связано с этим процессом.

Большинство исследователей считает, что посадник — это княжеский наместник в городе, где нет князя³⁴. Это подтверждается и летописными сообщениями³⁵. Но существует также точка зрения, возводящая появление этой должности к догосударственным временам, то есть считающая посадничество выборным земским институтом³⁶. Посадники выполняли по отношению к городу и прилежавшей к нему волости функции верховного управления, податные и судебные, то есть те же, которые осуществляли князья, правившие в наиболее крупных городских центрах. Естественно, что при перемене князей новый князь сажал своих посадников³⁷, поэтому первая точка зрения представляется более аргументированной. И все же нельзя не отметить, что со временем связь княжеских наместников с землей усиливается и их власть начинает приобретать двойственный характер. Это особенно ярко проявилось в Новгороде, но уже за пределами рассматриваемого периода.

В новейшей литературе совершенно справедливо отмечается, что при взаимодействии центральной власти и власти на местах могут возникать различные комбинации. Эти системы будут пересекаться, если центральная власть включает в свой административный аппарат органы местной власти, или существовать параллельно, создавая таким образом дуализм политической структуры в средневековом обществе³⁸. В Древней Руси IX—XI вв. взаимодействие центральных и местных органов управления еще не приобрело системный вид. Можно говорить, что управление еще не разделилось окончательно. Очевидно,

поэтому ведущие историки государства и права Древней Руси неопределенно высказывались по поводу этого деления.

Безусловно, главным субъектом институциональной подсистемы являлся народ — «люди». Обращает на себя внимание факт многозначности термина «люди» в древнерусских источниках. Это и народ (этнос или население в широком смысле слова), и простой народ (демос), и социальная верхушка (бояре, княжеское окружение, купцы). Но основным значением этого термина, по мнению специалистов, является «масса рядового свободного населения»³⁹. Именно из этой массы рекрутируются основные субъекты политического и правового процесса. Как полагает М.В. Бибииков, слово «люди», на первый взгляд далекое от юридической точности, стало в Древней Руси основным термином, объединившим политическое и гражданское значение⁴⁰. Летопись часто рисует «людей» в роли консультантов князя даже по вопросам внутрикняжеских отношений⁴¹. В таких случаях «люди» как субъект политических отношений обычно изображаются на вече.

Для отечественной историографии Древней Руси тема вече является одной из центральных. Несмотря на обширную историографию проблемы, вопрос о месте вечевой структуры среди институтов политико-правовой системы Древней Руси не решен окончательно. Если В.И. Сергеевич допускал смешанную форму правления, в которой участвуют, с одной стороны, монархическое начало в лице князя, а с другой — народное в лице вече⁴², то М.Ф. Владимирский-Буданов характеризовал Древнерусское государство только как вечевое, которое совершенно невозможно описать терминами «княжение» или «волость»⁴³. Современные историки не прекращают спор по поводу того, чьи интересы выражало древнерусское вече. Выдвигались и компромиссные точки зрения. Так, В.В. Мавродин высказал мысль, что в зависимости от конкретных политических и социально-экономических обстоятельств вече могло находиться как в руках князей и феодалов (линия С.В. Юшкова, В.Л. Янина), так и простонародья, «черных, меньших людей» (направление Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомирова)⁴⁴. Из последних, придающих вече значение демократического института на протяжении всего периода Средних веков, следует назвать работы И.Я. Фроянова⁴⁵. В монографии же М.Б. Свердлова утверждается, что «вече как верховный орган политического управления и суда было в

Древнерусском государстве X — начала XI в. ликвидировано, поскольку существование веча прямо связано с вопросом о власти, которая уже принадлежала в это время киевской великокняжеской династии и княжескому административному аппарату»⁴⁶.

Все же представляется, что в рассматриваемый период значение веча как политико-правового института периодически актуализировалось, особенно в кризисные моменты социально-политической истории Древней Руси, поскольку этот институт создавал необходимые условия для поиска компромиссов между властью и обществом или формирующимися политическими элитами. К тому же княжеская власть не всегда могла решать самостоятельно вопросы о распоряжении финансовыми и земельными ресурсами, а также вопросы войны и мира. Оставаясь демократичным органом хотя бы по форме, вечевого институт мог с наибольшей степенью эффективности наладить процесс сотрудничества как наиболее приспособленную для этого структуру. Поэтому для периода IX—X вв. его значение как субъекта институциональной подсистемы нельзя переоценить.

Поскольку вечевое собрание было правомочным только на время его проведения, выполнение его воли выпадало на долю его доверенных лиц — Совета старейшин⁴⁷. В.В. Мавродин и И.Я. Фроянов рассматривали «старейшин» и «старцев градских» как представителей родоплеменной знати, исполняющих административно-судебные функции⁴⁸. Проанализировав массовые летописные свидетельства о «городских старцах», С.В. Завадская высказала близкие взгляды⁴⁹. Иная позиция в решении этого вопроса принадлежит М.Б. Свердлову, обратившему внимание на то, что с прекращением преданий о Владимире под 997 г. понятие «старцы» исчезает со страниц Повести временных лет (далее — ПВЛ). «Отсюда, — пишет автор, — мнение, что “старцы” — это племенная знать, исполнявшая судебно-административные функции, не доказано»⁵⁰. По мнению историка, в «старцах» и «старейшинах» преданий X в. в ПВЛ следует видеть местную знать, генетически восходившую к племенной знати, но не саму родоплеменную старшину. В пользу такого понимания эволюции реального содержания древнейшей социальной лексики с корнем *star-* свидетельствует социальное положение выборных или назначенных глав сельского свободного населения — старост. При сборе денег для борьбы со Свя-

тополком в 1018 г. с них брали 10 гривен — почти в два раза меньше, чем с бояр, но в 62,5 раза больше, чем с простых свободных мужей⁵¹. Не примыкая к какой-либо из дискутирующих сторон, отметим, что «старцы градские», являясь политической элитой, не были самостоятельным субъектом институциональной подсистемы. Представляя вече, они являлись составной частью этого института.

В качестве составной части государственной организации Древней Руси традиционно изучается церковь. Признавая значительное влияние церковной организации на идеологические и политические процессы, ускорившие превращение Древней Руси в крупную державу, советские исследователи стремились подчеркнуть вторичность, производность этого института на Руси. Так, Я.Н. Шапов пишет: «Христианская церковная организация появилась здесь в конце X в., а стала играть какую-то роль в XI в., когда государство уже сформировалось и существовало около двух столетий. Этим обстоятельством и определяются, по моему мнению, условия, в которых возникла церковь на Руси. Не она оказывала определяющее влияние на структуру власти, а, наоборот, государственная структура, выработанная уже ко времени создания церковной организации, определила формы и направления развития, по которым шла церковь»⁵².

Как представляется, процитированный автор прав лишь отчасти. Древнерусское государство еще не являлось окончательно сложившимся в период X—XI вв., поэтому процесс взаимовлияния формирующихся государственных и церковных институтов представляется нам не столь прямолинейным. Более правомерно рассматривать церковь как самостоятельный субъект политико-правовой системы Древней Руси, послуживший катализатором развития государства. Из анализа древнерусских княжеских уставов Владимира и Ярослава вытекает, что пожалование княжеской властью десятины со всех доходов в пользу церкви и передача под церковную юрисдикцию целой сферы правоотношений, как формирующихся, так и традиционно регулировавшихся обычным правом, является не столько взаимным закреплением прав и обязанностей церкви и государства, сколько подтверждением прав церкви⁵³. Обеспечивая становление церкви как института, формирующаяся древнерусская государственность приобретала более высокий культурный и меж-

дународный статус, новую идеологию, а также усваивала матрицу будущих властеотношений.

Существенное воздействие на церковно-государственные отношения оказали византийские традиции. Модель церковно-государственных отношений в Византии была выражена в нескольких источниках. Ее основными идеями являются мысль о божественном происхождении княжеской власти, сформулированная в трактате диакона Агапита (VI в.), известная на Руси через Изборник Святослава 1076 г., и тезис о гармоническом сотрудничестве и разделении функций светской и церковной властей. Наиболее ярко эта идея отражена в VI новелле императора Юстиниана, известной на Руси благодаря переводу Древнеславянской Кормчей (Номоканону): «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, — это священство и царство. Первое служит делам Божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят из одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому, если первое поистине безпорочно и украшено верностью Богу, а второе украшено правильным и порядочным государственным строем, между ними будет добрая симфония, с которыми она для пользы человеческого рода предлагается»⁵⁴.

Среди ученых нет единогласия по вопросу о том, какую роль в формировании государственной идеологии на Руси играли эти идеи. Одни исследователи считают, что «раннехристианские и византийские модели отношений между “царством” и “священством” могли... только освятить реальное соотношение сил, если они ему соответствовали, или оставаться без внимания, если они ему противоречили»⁵⁵, в то время как другие полагают, что неофиты не могли воспринять византийскую религиозную доктрину частично или в модифицированном виде. Они должны были усвоить ее целиком, вместе с учением о верховной государственной власти, которое содержалось в ней как ее неотъемлемый атрибут⁵⁶. Существуют и другие точки зрения, совмещающие оба подхода⁵⁷.

Обилие существующих точек зрения демонстрирует, что проблема церкви как оформительницы государственной идеологии и как субъекта политико-правовой системы Древней Руси является далеко не решенной на сегодняшний день. Ведь участие церкви в политической жизни осуществлялось чаще всего

не непосредственно, а по каналам идеологического воздействия, которого нельзя недооценивать, учитывая исключительную роль ее авторитета в Средние века.

Активная роль государственной власти в учреждении на Руси христианства, равно как и невозможность для церкви выполнять свои миссионерские задачи на пространстве огромной державы без непосредственной и самой деятельной поддержки государства, породили тесное сотрудничество между этими основополагающими субъектами политико-правовой системы Древней Руси. В свою очередь, православная церковь в значительной степени компенсировала недостаток государственной централизации. Основанные епископии представляли собой централизованную структуру, которая в основном соответствовала политической.

Следует также обратиться к рассмотрению роли низовых общественных ячеек, атомарных неформальных структур политико-правовой системы Древней Руси — общине и церковному приходу. На общину как на институт политико-правовой системы Древней Руси заставляет взглянуть сразу несколько обстоятельств. Во-первых, на стадии государствообразования община являлась не только объектом воздействия политики, но и субъектом. Общинное управление долгое время успешно уживалось с другими органами власти, служа своеобразным модулятором воздействия власти на общество и сохраняя свой самоуправленческий статус⁵⁸. Во-вторых, община являлась юридическим лицом, первичной административной ячейкой общества, автономной организацией, обладающей функциями внутреннего управления⁵⁹.

Конечно, социально-экономические функции общины выступают более явственно, чем политико-правовые. Тем не менее, учитывая, что в раннем Средневековье индивид мог реализовывать свои права и обязанности чаще всего только как член какой-либо корпорации или социальной группы, то есть «по соучастию», значение общины как субъекта политико-правовой системы Древней Руси представляется бесспорным. Не следует забывать, что община как социальный институт гораздо древнее государства. Тот факт, что община на Руси благополучно доживает до начала XX в., убеждает нас, что государственная власть с самого начала своего формирования намеренно использовала эту структуру для своей опоры. Она перекладывала трудности по реализации сбора налогов на самих

плательщиков, побуждая их в городских и сельских общинах выбирать для этого специальных уполномоченных. Институт дикой виры, зафиксированный Русской Правдой, иллюстрирует лишь начало этого процесса.

Строго говоря, приход, в отличие от мира, не является административной единицей, будучи только духовным сообществом общинников-христиан, но на практике эти понятия совпадали по многим параметрам. Как отмечал Н.П. Павлов-Сильванский: «Наша волостная община Средних веков одинаково с немецкой маркой и французской коммуной была также общиной церковною. Писцовые книги, описывая общинные церкви, отмечают, что они сооружены на мирские средства, стереотипною фразой: “Все церковное — строение мирское”. Мирская церковь имела тесную связь с мирским самоуправлением; церковная трапеза служила местом мирских сходок; в церкви хранилась мирская казна; выборный сотский был часто церковным старостою»⁶⁰.

Политические, религиозные и социальные отношения нельзя рассматривать как абсолютно независимые друг от друга. В чистом виде они существуют только теоретически. Поскольку в политику включается стремление контролировать распределение власти между группами, составляющими общество, то любая общность, так или иначе обладающая разными видами власти, оказывается политизированной. Это относится и к религиозной общине. Сегодня в историографии все более укрепляется точка зрения, согласно которой в процессе становления самосознания, самоидентификации раннесредневековых государств конфессиональный компонент имеет преимущества даже перед этническим⁶¹. Не случайно в новейшей литературе приход как структурная единица средневекового общества стал пользоваться все большим вниманием исследователей⁶². Через приход функционировали и воспроизводились в массовом сознании сущностные идеи государственного строительства. Во-первых, отношения господства и подчинения освящались идеей божественного происхождения княжеской власти. Во-вторых, формировалось тождество между понятиями «житель русской земли» и «православный», что, в свою очередь, на несколько столетий обуславливало форму российской государственности, а именно имперскую.

Подобно тому, как церковно-славянский язык осваивался на Руси не столько по учебникам, сколько через выучивание наизусть Псалтыри и Часослова, византийская модель власти усваивалась в результате регулярного отправления церковного культа. Через здравницы и проповеди священства обосновывалась власть великого князя. Пока институциональная система была слаборазвитой, ритуалы практически выполняли функции социально-политических институтов. Какие бы катаклизмы не потрясали Русскую землю, уничтожая иной раз значительную часть населения, всегда оставалось ядро, сохраняющее те ценностные доминанты, которые и были присущи общине как приходу. Через него и происходила регенерация всей системы общественных отношений, включая правовые и политические. В кризисных ситуациях мир-приход действовал как охранительная институция, религиозная вера использовалась как инструмент реализации государственных интересов. «Подобно тому, — пишет М. Вебер, — как фискальные интересы обеспечивала принудительная соседская община, для умиротворения подданных использовалась община религиозная»⁶³. Как верно отмечается в новейшем исследовании, «корпорация — особенно на патерналистской или харизматической основе — представляет собой наилучшую форму выживания общности в периоды социальной неустойчивости, причем за счет ее политизации, включения в систему взаимодействия с государственными органами»⁶⁴.

Роль общины и прихода в Древней Руси сравнима с ролью религиозных и общественных организаций как субъектов современной политической системы России с той существенной поправкой, что функции самосохранения и воспроизводства политико-правовой системы были им присущи в гораздо большей степени. Таким образом, можно утверждать, что со времени массового распространения христианства на Руси (то есть примерно со времени Ярослава Мудрого) отечественный этатизм получал прочное основание в атомарных структурах общин-приходов. В Древней Руси как части Средневекового мира именно на микроуровне посредством неформальных субъектов-институтов формировалась и воспроизводилась социально-политическая среда, от которой зависели властеотношения на других уровнях.

Подводя итоги, следует заметить, что синкретичность исполнительной, судебной и военной функций, а также двой-

ственность происхождения многих субъектов институциональной подсистемы отражают не только незавершенность процесса формирования политико-правовой системы в Древней Руси. Такое положение дел свидетельствует о том, что государство IX—XI вв. еще не сложилось окончательно в самостоятельный, доминирующий институт политико-правовой системы. Внешне декларируемая связь с землей была необходима молодой государственной власти. Ее успех зависел не только от военной силы, но и, в меньшей степени, от умения строить политико-правовые отношения с другими, более древними субъектами системы, проводя любую инновацию исключительно в рамках традиции. Все охарактеризованные выше институты нуждались во взаимной соотносительной легитимизации.

Примечания

¹ Зеркин Д.П. Основы политологии. Ростов н/Д, 1997. С. 71.

² Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 161; Политология / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1999. С. 186.

³ Белков П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 177—178.

⁴ Лузан А.А. Политическая жизнь общества: вопросы теории. Киев, 1989. С. 55.

⁵ Потестарность: генезис и эволюция. СПб., 1997. С. 92—93.

⁶ Зеркин Д.П. Указ. соч. С. 81.

⁷ Хачатурян Н.А. Авторитарный и коллективный принципы в эволюции средневековой государственности // Власть и политика в Средневековой Европе. М., 1992. С. 15.

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1967. Т. 2. С. 266; Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 201.

⁹ Новосельцев А.П. Восточные источники о славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 398.

¹⁰ Там же. С. 396.

¹¹ Повесть временных лет: В 2 т. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 24—25, 35 (далее — ПВЛ). На эту деталь обратил внимание О.М. Рапов (см.: Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XII в. М., 1977. С. 31).

¹² ПВЛ. Т. 1. С. 52.

¹³ Янин В.Л. Актовые печати X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 22; Кузьмин А.Г. Об истоках древнерусского права // Советское государство и право. 1985. № 2. С. 83; Горский А.А. Об эволюции титулатуры верховного правителя в Древней Руси // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика: IX Международный семинар исторических исследований: От Рима к III Риму. Москва, 29—31 мая 1989 г. М., 1995. С. 97—99.

¹⁴ Рапов О.М. Указ. соч.; Рогов В.А. К вопросу о развитии княжеской власти на Руси // Древняя Русь. Проблемы права и правовой идеологии. М., 1984. С. 52, 55.

¹⁵ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 26.

¹⁶ Он же. К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г.Я. Курбатова. Л., 1991. С. 84.

¹⁷ Владимирский-Буданов В.Ф. Обзор истории русского права. Петроград; Киев, 1915. С. 47.

¹⁸ Пашуто В.Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 14—19.

¹⁹ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Там же.

²⁰ Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 63.

²¹ Там же.

²² Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 219.

²³ Там же. С. 165—190; Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 36—40, 219—223; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 254—255; и др.

²⁴ Фроянов И.Я. Киевская Русь... С. 206—207.

²⁵ Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 219—222.

²⁶ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 228.

²⁷ Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 223.

²⁸ Полное собрание русских летописей: В 2 т. М., 1997—1998. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 1997. Стб. 457; Т. 2: Ипатьевская летопись. 1998. Стб. 304, 748 (далее — ПСРЛ).

²⁹ Там же. Т. 1. Стб. 298, 318; Т. 2. Стб. 349, 548—549, 691, 763, 821; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 260, 268 (далее — НПЛ); Киево-Печерский патерик / Изд. подгот. Д.И. Абрамович. Киев, 1930. С. 189.

³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293.

³¹ Там же. Т. 1. Стб. 208; Т. 2. Стб. 275.

³² Там же. Т. 1. Стб. 64—67, 72, 76.

³³ Там же. Стб. 208, 457.

³⁴ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 165—196; Свердлов М.Б. Указ. соч. С. 219; Горский А.А. Древнерусская дружина... С. 67; Толочко П.П. Указ. соч. С. 209—225.

³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130, 143, 204, 229, 237, 251, 272; Т. 2. Стб. 277, 284.

³⁶ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 228; Фроянов И.Я. Киевская Русь... С. 91.

³⁷ ПВЛ. Т. 1. С. 135, 150, 168, 179—180, 197, 201; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296, 305, 320, 427, 432; Т. 2. Стб. 286, 333, 342, 356.

³⁸ Хачатурян Н.А. Политическая и государственная история западно-европейского Средневековья в контексте структурного анализа // Средние века. 1991. Вып. 54. С. 13.

³⁹ Фроянов И.Я. Киевская Русь... С. 123.

⁴⁰ Бибииков М.Б. Категории «народ» и «граждане» в оригинальных и переводных текстах Древней Руси // Древнее право. 1997. № 2. С. 91.

⁴¹ ПВЛ. Т. 1. С. 114—115.

⁴² Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867.

⁴³ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 11—17.

⁴⁴ Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 71.

⁴⁵ Фроянов И.Я. К истории зарождения... С. 57—93.

⁴⁶ Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 181.

⁴⁷ Артамонов Г.А. «Земля» и «власть» Киевской Руси: Дис. канд. ист. наук. М., 1996. С. 87.

⁴⁸ Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Старцы градские на Руси X в. // Культура Средневековой Руси. Л., 1974.

⁴⁹ Завадская С.В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // ВЕДС: Проблемы источниковедения: Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1978. С. 55—57.

⁵⁰ Свердлов М.Б. Становление феодализма... С. 177.

⁵¹ ПВЛ. Т. 1. С. 97.

⁵² Хачатурян Н.А. Политическая и государственная история... С. 58.

⁵³ Устав князя Владимира Святославича // Российское законодательство X — начала XX в. М., 1984. Т. 1. С. 140.

⁵⁴ Церковь и государство: история правовых отношений. Звенигород, 1997. С. 278.

⁵⁵ Щапов Я.Н. «Священство и царство» в Древней Руси // Византийский временник (далее — ВВ). М., 1989. Т. 50. С. 136.

⁵⁶ Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998. С. 294; Литаврин Г.Г. Идея верховной государственной власти в Византии и

Древней Руси домонгольского периода // Славянские культуры и Балканы. М., 1978. Т. I. С. 51.

⁵⁷ Чичуров И.С. Политическая идеология Средневековья. Византия и Русь. М., 1990. С. 131—139; Подскальский Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996. С. 61—71.

⁵⁸ Дворниченко А.Ю. К проблеме восточно-славянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 300.

⁵⁹ Шапов Я.Н. О функции общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 16.

⁶⁰ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России: Прил. 1: Символизм в древнем русском праве. М., 1988. С. 205.

⁶¹ Рогов А.И., Флоря Б.Н. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X—XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982. С. 118; Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 277; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М., 1998. С. 174.

⁶² Геро А. «Анналы» и проблема динамики феодальной системы / Пер. с фр. Ю.Л. Бессмертного // Споры о главном. М., 1993. С. 144; Клибанов А.И. Духовная культура Средневековой Руси. М., 1996. С. 15—18; Лурье С.В. Указ. соч. С. 329—331.

⁶³ Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 125.

⁶⁴ Стризое А.Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия. Волгоград, 1999. С. 228.

Глава II

НОРМАТИВНО-РЕГУЛЯТИВНАЯ ПОДСИСТЕМА

1. Нормативная основа политической системы Древней Руси

Несмотря на синкретизм политической и правовой системы Древнерусского государства и обоснованную выше целесообразность их совместного рассмотрения, уже для самой ранней стадии развития государства и права можно отметить определенную функциональную специализацию правовой и политической нормативной основы.

В качестве одного из слагаемых нормативной основы политической системы общества может выступать только часть правовых норм, а именно нормы, связанные с осуществлением власти¹. Кроме того, политические нормы не обязательно получают письменно оформленное выражение. Они могут проявляться не только в нормативно-правовом акте государства, но и непосредственно в политическом акте, что особенно характерно для периода зарождения и становления политико-правовой системы.

Таким образом, нормативная основа политической системы Древней Руси выступает как сложное образование, состоящее из следующих компонентов: 1) правовые принципы и нормы, имеющие политический характер и содержащиеся в международных и междукняжеских договорах, решениях княжеских съездов; 2) политические обычаи и традиции, включающие традиционные формы правления и престолонаследования; 3) иные соционормативные принципы и нормы (в основном — религиозные и моральные).

Разумеется, древнерусские акты источники уже давно привлекали внимание историков права. Здесь нет надобности останавливаться на истории публикаций, скажем, договоров Руси с греками, и на обширной литературе, сложившейся вокруг них². Но именно русско-византийские договоры X в., подробно запечатленные русскими летописями, являются наиболее полными

источниками не только по истории дипломатических отношений Руси с Византией, но позволяют также исследовать процесс формирования политических и правовых норм, регулирующих внутренние отношения в Древнерусском государстве.

Русско-византийские договоры представляют собой акты, в которых выражена воля двух сторон — государств. Уже само подписание договоров с Византией возвышало власть киевского князя, равноправного участника переговоров и самих соглашений. Именно эти первые нормативно-правовые акты запечатлели в терминах процесс концентрации верховной власти в Древней Руси. Практика дипломатических отношений, обмена посольствами также усиливала и институировала княжескую власть. По мнению специалистов, проанализировавших типы формуляров международных договоров и тексты русско-византийских договоров, последние вырабатывались на основе византийской канцелярской практики³.

Чтобы глубже понять процесс выработки договорных начал, относящихся к периоду зарождения и формирования политико-правовой системы Древней Руси, представляется уместным использовать для сравнения любой синхростадиальный материал. Так, В.К. Ронин, анализируя динамику правовых форм, выражаемых терминами международного права в латинских памятниках VI—IX вв., приходит к выводу, что двухсторонние договоры раннесредневековой Европы, отражая еще весьма примитивную практику взаимоотношений, не создавали новых правовых норм и целиком были ориентированы на обычаи обоих партнеров, применение их неединообразных юридических концепций, которые каждым партнером понимались по-своему. Отсюда, по мнению автора, вытекают исследовательские трудности в отыскании адекватного и однозначного терминологического выражения той или иной конкретной международно-правовой формы⁴.

Но нам представляется все же, что в Древней Руси правотворческая функция являлась одной из важнейших функций договоров. Именно в процессе выработки пунктов соглашения преодолевался полисемантизм отдельных правовых терминов и исключалась возможность слишком широкого толкования правовых норм. В подтверждение этому можно привести мнение Я. Малингуди. Исследуя терминологическую лексику русско-ви-

зантийских договоров 911 г. и 944 г., она приходит к выводу, что эти договоры в основном базируются на началах византийского права⁵. Проводя в договорах принцип «своего» права, греки оговаривали исключения словами «по закону русскому». Каждая из правовых статей договоров заключает в себе две, три, четыре и больше норм греческих законов, но при выборе этих норм наблюдается интересное явление. Там, где между русским и византийским правом имеются точки соприкосновения, греки используют этот факт: они не только избирают те элементы их права, которые похожи на русские, но и лексически оформляют соответствующие статьи договоров таким образом, чтобы вызвать у правоприменителя впечатление схожести правовых норм русских и греков⁶.

Помимо международных договоров, нормативная основа политической системы Древней Руси нашла свое выражение в договорах междукняжеских. Следует отметить, что спецификой периода IX—XI вв. является немногочисленность договоров, да и вообще актового материала. Правда, это не помешало В.И. Сергеевичу обосновать свою теорию «договорного права» как основания политического порядка Древней Руси, но сам он подчеркивает, что князья-родственники по нисходящей линии в рассматриваемый период договоров не заключали⁷. Самым известным договором между братьями считается договор между Ярославом и Мстиславом Владимировичами в 1026 г.⁸, а между дядьями и племянниками — договор 1067 г., когда Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи целовали крест двоюродному племяннику Всеволоду Полоцкому в том, что не причинят ему никакого зла⁹. Договор этого же разряда явился результатом Любечского съезда 1097 г. Немногочисленность междукняжеских договоров XI в. исследователи объясняют по-разному. По мнению М.А. Дьяконова, такие ряды должны были возникать с того момента, когда налицо оказывалось несколько князей, стоявших во главе отдельных земель¹⁰. С.В. Юшков же полагал, что договоры вначале были устными, и потому мало отражены летописями. Но уже в XII в., полагает ученый, у каждой договорившейся стороны находилась грамота с обязательствами противной стороны и копия своего договора со своими обязательствами¹¹.

По выводам исследователей, реконструирующих древние грамоты в составе летописных сводов, значительное количество

«летописных грамот», имеющих в своей основе договор, может быть соотнесено с документами правового характера¹². Внимание, уделявшееся летописцами именно этим грамотам, представляется неслучайным, так как практической целью их работы было создание дипломатического обоснования политики князей, интересы которых они представляли и чьи права обосновывали. Документирование истории княжений подобными грамотами служило тому, чтобы отдельные факты и события представляли в каждом отдельном случае мотивированными и обоснованными, а действия князей получали характер прецедента.

Как особенность нормативной основы политической системы Древней Руси следует подчеркнуть отсутствие письменно зафиксированных политических норм, определяющих статус верховной власти. На Руси отношения, связанные с приобретением, использованием и перераспределением власти, традиционно регулировались неписаными нормами, выражающимися непосредственно в политической практике. Чтобы убедиться, что это не беспорядочные, произвольные действия, а действительно нормы, восходящие к обычаю, следует подробно рассмотреть процесс их формирования, начиная с IX в.

Как полагает большинство исследователей, три столетия соседства с Хазарской державой не прошли бесследно для формирования системы центральной власти на Руси¹³. Например, А.П. Толочко считает, что уже в случае с Аскольдом и Диром наблюдается заимствование Русью формы устройства государственной власти из Хазарии, которую принято определять как «диархию». По мнению этого исследователя, и Олег, и Игорь, а также Ольга и Святослав являются соправителями-диархами¹⁴. Действительно, все редакции арабо-персидской письменной традиции, повествующей о двух царях, согласуются между собой в основных моментах: верховный правитель хазар (каган) имеет заместителя. Ибн Русте, Ибн Фадлан и Йакут среди народов, практикующих аналогичное разделение власти, называют также мадьяр и славян¹⁵.

Каждый представитель двух пар дуумвиров (Аскольд и Дир, Олег и Игорь, Ольга и Святослав) так или иначе связывается летописью с иной местностью Киева, чем его соправитель. Так, в известном летописном отрывке о топографии Киева середины X в. говорится: *«Двор князь бляше в городе... и бѣ вне града двор*

другий»¹⁶. По мнению А.П. Толочко, такое положение дел в Древней Руси обуславливалось распределением сакральной и военной функций между соправителями, ведь и Олег, и Ольга носили прозвища «вещие». Вынесенность резиденции одного из соправителей обязательно за пределы города аргументированно объясняется им по аналогии с хазарской диархической моделью: согласно арабо-персидской традиции, у хазар хахан и его заместитель никогда не живут в одном месте.

Подчеркнуть вклад вышеназванного исследователя в изучение проблемы форм правления в период зарождения древнерусской государственности представляется важным, так как ранее напрямую этот вопрос не связывался с существенными чертами раннего государства. Речь, как правило, шла либо о наличии или отсутствии хазарского заимствования, либо о значении титула «каган» для Древней Руси. Вообще в литературе принятие этого титула связывается главным образом с внешнеполитическим фактором (подчеркиванием суверенитета Руси по отношению к Хазарскому каганату) и только во вторую очередь — с внутрисполитическим (подчинение правителю Руси других восточно-славянских правителей).

Следует заметить, что система организации центральной власти на Руси IX — X вв., при которой правили два князя, не является необычной для того исторического ландшафта. Кроме хазар и мадьяр система соправительства наблюдалась в то время и у основного торгового и политического контрагента Руси — Византии. По наблюдениям А.Н. Сахарова, при заключении большинства русско-византийских договоров послы имели дело не с одним, а с несколькими императорами¹⁷. «Нестор верно объединил в летописи имена соправителей, но не понимал внутренней связи между диархами, так как в его время подобная форма соправительства уже была забыта и не дискутировалась», — делает вывод А.П. Толочко¹⁸.

Уточним: была забыта не сама форма, поскольку дуумвираты XI в. (Ярослава и Мстислава Владимировичей в 1024—1036 гг.; Всеволода и Святослава Ярославичей в 1073—1076 гг.) были хорошо известны летописям, а в XII—XIII вв. данная форма правления преобладала в Древней Руси. Скорее всего, были забыты именно основания диархии IX—X вв., так как ее сущность являлась, на наш взгляд, еще протогосударственной, по-

тестарно-политической и обуславливалась глубинными соционормативными регуляторами.

Тот факт, что на ранней стадии государствообразования власть в обществе воспринималась двойственно, амбивалентно, можно считать неоспоримым. В Древней Руси власть, как и в других архаичных обществах, была сопряжена с двумя диаметрально противоположными понятиями, выражающими, с одной стороны, целиком ее благодетельный аспект, а с другой — ее опасную сторону. В первом случае речь идет о власти в качестве выражения порядка, обеспечивающего мир и процветание общества, во втором — о превосходстве, достигаемом за счет кого-то другого или ему в ущерб¹⁹. Это формировало не только стереотип восприятия власти, но и стереотип поведения властвующих и подвластных.

Особенностью «политической теории» раннего государства является то, что она целиком выражается в религиозно-мифологических категориях. В космогонических построениях практически любого мифа проводится двоичный принцип²⁰. Но поскольку все составляющие языческой картины мироздания имеют оппозицию-двойника, постольку первичные политические структуры также получают двоичное выражение. Поиск промежуточных звеньев между противоположными сущностями политической власти становится основным назначением структуры близнечного мифа, который на символическом уровне и выполняет функции объединения общества (кстати, в древности всегда имела место дуально-экзогамная организация).

Более того, нам хотелось бы шире поставить вопрос о диархии как политической форме самоуправления. Представляется, что эта древнерусская политическая норма не может быть исторически привязана к какому-либо этносу или восходить только к обычаю. Разительные типологические сходства и совпадения позволяют предполагать, что принципы построения бинарных систем являются универсалией, коренящейся в генетических предпосылках психофизического устройства человека²¹. Кибернетика как наука об оптимальном управлении также подтверждает, что двоичные информационные коды присущи не только биологическим и техническим, но и социальным системам. Дихотомическая классификация является самой простой и в то же время наиболее четкой. Очевидно, что это одна

из главных причин универсальности двоичного кода культуры. Бинарность выступает фундаментально неустранимой, предельной особенностью информации как свидетельства наличия или отсутствия изменений²².

Для темы нашего исследования представляется важным, что принцип бинарности хорошо прослеживается в способах организации власти на ранних стадиях политогенеза в значительном числе цивилизаций. Диархия как форма соправления была характерна и для Египта, и для многих других африканских стран. Она наблюдалась у инков в Древнем Перу, старом Гавайском царстве, Древней Японии, Кандийском царстве на Цейлоне, царстве Тонга в Полинезии, Восточном Индокитае, некоторых государствах Древнего Ближнего Востока и других странах²³. Из всего этого можно заключить, что исторически первая политическая норма организации верховной власти (диархия) во многом является ментально обусловленной.

При этом, благодаря последним наблюдениям ученых, становится все более очевидным, что трехчленные деления в истории культуры начинают играть существенную роль позднее, чем двухчленные, и что подобная динамика соответствует структурообразованию фольклорных сюжетов о правителях земель, где схема трех братьев/сестер вторична по отношению к схеме двух братьев/сестер²⁴.

Эта схема прекрасно «работает» и на древнерусском политическом материале, причем не только в фольклорных текстах, но и в летописных. И действительно, текст так называемого завещания Ярослава Мудрого, содержащийся в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов (далее — НПЛ), гласит: *«И преставился Ярослав, и оставаша три сына его: ветшии Изяслав, а средний Святослав, мениши Всеволод. И разделяша землю, и взяша бошии Изяслав Киев и Новгород и иные города многы киевския во пределах; а Святослав Чернигов и всю страну вѣсточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростов, Суздаль, Белоозеро, Поволжье»*²⁵.

Сам термин «триумвират» применительно к Руси летописец не знает, хотя пользуется тождественным по смыслу понятием «трие»: *«Заратися Всеслав, сын Брячиславль, Полоцке, и зая Новѣгород. Ярославичи же трие — Изяслав, Святослав, Всеволод — совокупише вои, идоша на Всеслава»*²⁶. Современные исследо-

ватели утверждают, что «триумвират сложился благодаря договору, подписанному между Изяславом, Святославом и Всеволодом»²⁷. Действительно, триумвиры почти двадцать лет совместно вершили общерусские дела, устранив от управления двух младших братьев. Но нам представляется, что подобная форма правления продиктована не только политической конъюнктурой. На это обратил внимание еще В.О. Ключевский: «В Сказании о Борисе и Глебе... читаем, что Ярослав оставил наследниками и преемниками своего престола не всех пятерых свои братьев, а только троих старших. Это — известная норма родовых отношений, ставшая потом одной из основ местничества. По этой норме в сложной семье, состоящей из братьев с их семействами, то есть из дядей и племянников, первое, властное поколение состоит только из трех старших братьев, а остальные, младшие братья отодвигаются во второе, подвластное поколение, приравниваются к племянникам: по местническому счету старший племянник четвертому дяде в версту, причем в числе дядей считается и отец племянника»²⁸.

Следует также учесть, что сам Владимир Святославович первоначально делил власть с еще двумя своими братьями — Олегом Древлянским и Ярополком Киевским — и что Титмар Мерзебургский, описывая распри князей после смерти Владимира, упоминает лишь трех его сыновей. Но подобная форма соправительства была свойственна не только Древнерусскому государству. Еще позднее, чем на Руси, триумвираты функционировали в соседней Норвегии: в первой трети XII в. одновременно правили три сына конунга Магнуса Голоногого, позднее — три сына их брата — конунга Харальда Гилли²⁹. Подобные типологические параллели наблюдаются и в современных обществах, находящихся на стадии раннего государства. Так, этнологи отмечают существование структуры «трех братьев» в доколониальном Бенине, Дагомее, государстве Ойо (йоруба)³⁰. Такая организация формы правления была широко распространена и в государствах Юго-Восточной Азии³¹. Примеры можно продолжать, но остается открытым вопрос о причинах, вызвавших к жизни подобную парадигму престолонаследия.

Исследователь В.М. Мисюгин проследил структуру «трех братьев» на материале многих народов мира. По его мнению, она была промежуточной между системой наследования в рам-

ках группы социальных сверстников (она выделилась из нее) и утверждением права наследования на основании линейного кровного родства³², то есть уходила корнями в такую архаичную форму социальной организации, как «трехродовой союз».

С опорой на трехфункциональную теорию Ж. Дюмезиля, в работах последних лет утверждается, что триумвират Ярославичей был генетически связан с институтом «троецарствия», характерным для индоевропейского мировоззренческого комплекса в целом. В феномене «троецарствия» воссоздается универсальная космическая структура, имитация которой на уровне социальных и политических институтов — непереносимое условие благополучия коллектива³³.

Существенная роль числа «три» в общем комплексе культуры уже давно отмечена исследователями³⁴. «Три» выражает вертикальную (мир нижний, средний, верхний) и диахронную (прошлое, настоящее, будущее) модель вселенной. Трехчастная структура может экстраполироваться как на пространственную, так и на социальную, и политическую организацию общества. Очевидно, именно в таком контексте может быть осмыслено широкое распространение легенд о трех братьях-основателях как южной (Кий, Щек и Хорив), так и северной (Рюрик, Синеус, Трувор) частей будущего Древнерусского государства³⁵. Такое трехчастное деление идеально совпадало с библейским геомифологическим образом и вписывалось в контекст ПВЛ, которая начиналась с общего космографического введения: расселения потомков трех сыновей Ноя.

Цели раннеисторического описания, каковым и была ПВЛ, заключались в том, чтобы включить исторические реалии в традиционную космогоническую картину мира, систематизировав их на основе «общепринятой» космологической схемы. Разделять в этих описаниях традицию и реальность нельзя также, как и нельзя механически подчинять их действию «фольклорных законов»: суть здесь как раз в переходе от «фольклора» к истории. Как верно заметил В.Я. Петрухин, проблема заключается в отборе исторических фактов. Например, никакими традиционными аргументами нельзя оправдать существование трехчастной структуры Русской земли, на которую указывают фольклорные источники: дошедшие до восточных авторов рассказы о трех видах русов IX в., их центрах — Арсе, Славии и Куйабе³⁶ и

свидетельства поздних исландских саг, которые делят Русь — Гардарики на три части³⁷. Как утверждают историки, такое распределение не подготовлено культурно-этнографическими различиями зон внутри Русской земли, которые отразились бы в разнице археологических культур. Это значит, что оно должно иметь иное объяснение.

Можно с большой долей уверенности предположить, что в силу своей невыделенности из общего мировоззренческого комплекса политическое сознание человека раннего Средневековья не разделяло вопроса о форме (со-) правления и административно-территориального устройства Руси. Проблема «трех братьев-правителей» и «трех центров» Древней Руси воспринималась как пространственно-политическая, то есть геополитическая проекция. Подобное предположение можно аргументировать выводами, к которым в последнее время приходят географы. Они раскрывают механизм формирования геоисторического образа пространства, утверждая, что образ в географии неотделим от структур пространственного мышления, с которым неразрывно связано само понятие, сама сущность мифа. Сакральное пространство и его «первоточка» так или иначе сопряжены с реальным географическим пространством, и эта сопряженность требует адекватного ей выражения. Мифологическое мышление осознает окружающий мир прежде всего пространственно, для него осознанный окружающий мир есть понятое пространство. Географический образ по определению в силу своей естественной медиативности использует позитивные стороны мифологического мышления. Исследователи отмечают, что формирование политико-географических образов как основы конкретного геополитического пространства связано не только с уровнем развития географических представлений о регионе, но и со специфической политико-идеологической направленностью заинтересованных сторон³⁸. В нашем случае это означает, что реально сложившаяся политическая комбинация — триумvirат старших Ярославичей — также оказывала обратное влияние на формирование геополитического образа и конкретного административно-территориального деления Русской земли. Это подтверждается фактом «расстроения» русской митрополии.

Как считает специалист по истории церкви Я.Н. Шапов, церковно-административное равенство столиц старших Ярославичей, одинаковое подчинение общецерковному центру в

Константинополе должно было подчеркивать их внутривнутриполитическое равенство³⁹. Но, согласно хорошо аргументированному мнению А. Поппэ, новые митрополии оставались титулярными, то есть они не исполняли функций, положенных митрополичьим кафедрам, играя таким образом сугубо символическую роль⁴⁰. После распада триумvirата митрополии в Чернигове и Переяславле были упразднены константинопольским патриархатом, с согласия которого и были учреждены.

Трехчастная структура Русской земли обусловлена как идеологическими, так и геополитическими, а точнее, ментальными основаниями, которые не сводимы ни к мировоззрению, ни к политической конъюнктуре, так как менталитет — это не система ценностей, а система способов оценивания⁴¹. Авторитет библейской традиции лишь усиливал эти основания.

Из сказанного следует, что «промежуточные» формы соправления — бинарные и тернарные — необходимо считать первыми политическими нормами. Они не только отражали переходный, становящийся характер государственной власти в Древней Руси, но и были ее результатом. Являясь нормативной основой политической системы Древней Руси, они были направлены на поддержание установленного политического порядка и в этом смысле соответствовали основным характерным особенностям традиционной политико-правовой системы.

Однако следует помнить, что форма правления отражает лишь статический аспект нормативной подсистемы, динамический аспект которой выражен в нормах наследования власти. Порядок престолонаследия в рассматриваемый период был во многом детерминирован семейно-наследственным правом. В отечественной литературе формы его конкретного воплощения впервые были подробно исследованы А.Е. Пресняковым. Он указал на существование прямых аналогий в наследственном праве народов Центральной и Южной Европы⁴². В дальнейшем отечественные исследователи нашли возможным сравнивать процесс развития древнерусского наследственного права с порядком, наблюдающимся во Франкском государстве⁴³. Такой порядок — «родовой сюзеренитет», или «*corpus fratrum*», — исследователи определяют как неременное соучастие всех наличных братьев в управлении королевством по смерти их отца, что выражалось в территориальных разделах между ними, создании

королевств-уделов при сохранении государственного единства как потенции и идеальной нормы⁴⁴.

На самой ранней стадии бытования родового сюзеренитета сыновья от наложниц были уравнены в правах с сыновьями от свободных жен. Так, королю Дании Свену Эстридсену (вторая половина XI в.) поочередно наследовали пять его сыновей, причем все они были бастардами. Сам Свен, как и его брат Харальд, также являлся сыном наложницы. Но в свое время «по обычаю варваров», как замечает Адам Бременский, они получили равную долю наследства среди детей Кнута Великого в 1035 г.⁴⁵ Как отмечается в литературе, во Франкском королевстве при Меровингах внебрачные дети были равноправными наследниками франкских королей. Но уже Каролинги оставляли за собой право по желанию признавать внебрачных сыновей в качестве законных наследников⁴⁶. При таких красноречивых параллелях наделение «робичича» Владимира Святославича Новгородом наравне с братьями Ярополком и Олегом (о матери которых летописных сведений нет) выглядит вполне естественно.

Но равное имущественное и политическое положение династий может существовать лишь непродолжительное время, что и подтверждается историей ранних государств. Логика государственного развития требует установления гарантий политического единства территории, а значит, вектор политического развития неминуемо будет направлен в сторону утверждения единой державной формы правления и передачи власти по принципу права примогенитуры. Просматривать эту логику в развитии междукняжеских отношений уже со времен Игоря и Святослава, как это делают некоторые исследователи⁴⁷, все же не представляется возможным, так как сам принцип единодержавия не мог закрепиться в качестве политического идеала, а тем более нормы до принятия Русью крещения.

Дело в том, что свойством архаического сознания власть в Древней Руси воспринималась как отличительная черта, имманентно присущая всем членам княжеского рода Рюриковичей. Лишь этим кругом кандидатов ограничивалось число претендентов на княжеские столы, и единственный случай занятия в 1211 г. галицкого стола боярином Володиславом был расценен как вопиющее беззаконие. «Только Рюриковичи и только вместе» —

этот постулат следует считать безусловным императивом, политико-правовым принципом нормативной системы Древней Руси.

Но и титул «единодержец» и «самовластец» часто употребляются в древнерусских источниках. Представляется убедительным мнение тех исследователей, которые утверждают, что они являются кальками греческих титулов — «монархатор» и «автократор» соответственно⁴⁸. Несмотря на различия в подходах, специалисты оказались солидарны в том, что титулом «самодержец» русские князья подчеркивали независимость от Византии. Как отмечает известный византист Г.Г. Литаврин, титулы «монархатор» и особенно «автократор» чаще всего носили императоры, не делившие власть с соправителями⁴⁹. Следовательно, уже в греческих прототипах русских терминов фиксировался не столько суверенитет владетеля, сколько количественный аспект его власти — наличие или отсутствие соправителей. «Единовластие» не воспринималось как альтернативная форма правления по отношению к коллективной, но исключительно — как временное состояние в рамках коллективного властвования.

Факт принятия христианства стимулировал генезис политико-правовой системы в Древней Руси, привнес идею целостности власти и вместе с тем вызвал к жизни причудливые формы сочетания автохтонных норм престолонаследия и соправления, выросших из родового мировоззрения со стремлением к утверждению принципа «от отца к сыну». Так, сохранились поздние свидетельства о десигнации Владимиром Святославичем Бориса, что может связываться с тем, что Борис был первым ребенком, рожденным в христианском, законном браке. Отсюда следовало, что именно он был единственным законным наследником Владимира. А.В. Назаренко указывает на броскую типологическую параллель: десигнацию Болеславом I Польским (992—1025 гг.) одного из своих младших сыновей, Мешка II, в обход старшего Бесприма⁵⁰. Представляется верным вывод автора о том, что здесь мы имеем дело с сознательной реформой со стороны государственной власти. Но и на Руси, и в Польше такая радикальная ломка традиционного порядка престолонаследия привела к смуте. Это лишний раз доказывает неподготовленность политического сознания к восприятию принципа единодержавия как устоявшейся политической нормы, несмотря на 35-летний период правления Владимира Святославича.

И действительно, в истории становления форм правления на Руси до падения роли великого княжения единодержавная форма правления не являлась преобладающей. Начиная со Святослава Игоревича и до конца XI в. можно назвать лишь несколько «единодержцев»: Владимира Святославича (980—1015 гг.), Ярослава Владимировича (1036—1054 гг.), Всеволода Ярославича (1076—1093 гг.)⁵¹, Святополка Изяславича (1093—1113 гг.)⁵². Остальное время, исключая Владимира Мономаха (1113—1125 гг.) и его сына Мстислава Владимировича (1125—1132 гг.), киевский стол в домонгольской Руси занимали соправители — дуумвиры и триумвиры, а после 1146 г. он потерял значение общерусского.

История смены единодержавной формы и форм соправления лишь подтверждает, что развитие идет толчкообразно, периоды стабильности чередуются с периодами изменений, что и нашло свое отражение в нормативной основе политической системы. К тому же отметим, что сам процесс государствообразования не прямолинеен. Часто процессы иерархизации и централизации сменяются распадом и возвращением к прежним формам регулирования политических отношений, преобразуются в почти застывшую структуру, практически не меняющуюся в своем развитии на протяжении довольно длительного времени. Формирование нормативной основы политической системы Древней Руси представляется нам как состояние балансирования между централизмом и автономизацией, принципом родового сюзеренитета и идеей единодержавия. В методологическом плане подобное видение поддерживается системно-синергетической парадигмой истории, которая опирается на модель пульсирующего мира, идею живого порядка самоорганизации⁵³.

Итоговый этап эволюции родового сюзеренитета — сеньорат (или родовое старейшинство) — нашел свое документальное выражение в «ряде Ярослава». Причем этот документ имеет широкие исторические параллели в политической практике соседних с Русью стран, на что со времен А.Е. Преснякова (до середины 80-х гг.) не обращалось должного внимания.

В условиях интенсивно разраставшегося рода Рюриковичей оптимальной системой престолонаследия, которая гарантировала бы сохранение государственного единства, могла быть система родового старейшинства-сеньората, по которой положение старшего из братьев становилось приоритетным по от-

ношению к остальным братьям-сонаследникам. Такой порядок закреплялся на Руси «рядом Ярослава» (1054 г.), в Чехии — завещанием Бржетислава I (1055 г.), Польше — тестаментом Болеслава Кривоусого (1138 г.), Франкском королевстве — капитулярием Людовика Благочестивого (817 г.). «*Ordinatio imperii*», в котором главной прерогативой наследовавшего императорский титул старшего брата Лотаря, отличавшей его от младших — Людовика и Карла, устанавливалось право вмешиваться в дела этих последних в случае ущемления ими интересов церкви или уличения их в каком-либо явном тиранстве⁵⁴. Таким образом, здесь, как и в «ряде Ярослава», старший из братьев выступает в роли гаранта status quo: *«аще кто хочет обидѣти брата своего, то ты помогаи его же обидѣть»*⁵⁵.

Основанная «рядом Ярослава» система замещения княжеских столов по принципу родового старейшинства в литературе часто называется «лествичной». В историографии издавна ведутся споры относительно эффективности системы «лествичного всхождения», то есть передачи столов по горизонтали: от старшего брата к следующему по возрасту. Некоторые ученые (А.Е. Пресняков, В.И. Сергеевич, Л.В. Черепнин) считают эту норму недействительной, существующей лишь в теории. Сторонники «лествичной системы» вслед за В.О. Ключевским (который называл этот порядок «очередным») пишут, что правил родового старейшинства достаточно долго придерживались в Чернигово-Северской земле, крупнейшей по площади, населению и количеству городов на Руси. Следовательно, эта система постоянно действовала на значительной территории Древнерусского государства. Современные историки и этнологи, обобщая материал позднепотестарных и раннеполитических обществ, утверждают, что на известном этапе развития раннего государства в его политической системе часто возникают элементы кругового движения, связанные с уделами членов семьи правителя⁵⁶. По их мнению, циркуляция уделов и титулов в Лоанго, Конго, Бемба, Мали и других африканских государствах является разновидностью удельно-лествичной системы. Л.Н. Гумилев открыл такую систему в Тюркском каганате⁵⁷. Позднее некоторые тюркские народы, предки которых входили в состав Тюркского каганата, также имели удельно-лествичную систему наследования титулов и кочевых владений. Такое положение в X в. Кон-

стантин Багрянородный описал у печенегов⁵⁸. Существовала она в Золотой Орде и в Древней Ирландии внутри кланов⁵⁹.

Но развитие политической жизни в государстве после кончины Ярослава сложилось не так, как предусматривал старый князь. Установленный им порядок единоличного замещения стола не осуществился, как полагают многие исследователи, в силу субъективных обстоятельств: Изяслав не имел достаточных государственных способностей, у него не хватило решительности и политической воли настоять на выполнении братьями завещания отца⁶⁰. Возобладала традиционная, архаичная политическая норма — «правление трех», основания чего были исследованы выше.

В литературе уже указывалось на особую судьбу Киевской земли как общерусского стола, объекта коллективного сюзеренитета Рюриковичей. Но наибольший интерес, на наш взгляд, представляет мнение А.П. Толочко, который трактует великокняжеский стол как «принцепский удел» и убедительно доказывает, что сама система принципата (пользуясь терминологией русских летописей — старейшинства) возможна только благодаря существованию особого юридического положения столичного удела, на который не распространяется отчинное право⁶¹. На Руси — по «ряду Ярослава», как и в Польше — по testamentу Болеслава Кривоусого, столичный удел передается вместе с титулом и властью принцепса — старейшего в роде, будучи материальным обоснованием его превосходства. Важно, что, переходя на великокняжеский стол, князь сохраняет и отчинные владения, причем такое положение уже существовало во времена Владимировичей: Святополк и Ярослав, занимая киевский стол, сохраняли за собой предыдущие уделы (Туров и Новгород соответственно). Таким образом, представляется, что вышеназванный автор близок к истине, полагая, что родовое старейшинство-сеньорат — уже не просто институт семейно-наследственного права, а, как пишет другой знаток проблемы, первый юридически оформленный порядок престолонаследия, выросший из *corpus fratrum* и опиравшийся на него⁶², то есть политическая норма.

Источники убеждают нас в том, что на Руси, как и в других раннегосударственных обществах, становление центральной власти происходило как ее узурпация сначала всем княжеским родом, а затем отдельной его семьей, ветвью. То есть взаимоот-

ношения внутри правящего рода строились по принципу формирования так называемого «кнического клана». Такая структура отличалась строгой иерархией, основанной на принципах примогенитуры — наследования по старшинству в семье и неравенства между главной и боковыми линиями, а следовательно, неравенства между семейными группами и линиями данного клана⁶³. Это подтверждается сравнительными материалами о существовании у народов раннесредневековой Европы так называемого «заместительного права», по которому на стадии родового сюзеренитета по смерти одного из братьев его удел доставался не его потомству, а оставшейся в живых братии⁶⁴. Поэтому появление князей-изгоев уже в XI в., устранение племянников от возможности участия в наследовании великого стола выглядит как необходимый этап в формировании кнического клана, и характеризовать такие действия дядьев по отношению к племянникам как близорукие вряд ли целесообразно⁶⁵. В этой связи восхищает прозорливость В.О. Ключевского, который писал: «Княжеские усобицы принадлежали к одному порядку явлений с рядами, имели юридическое происхождение, были точно таким же способом решения политических споров между князьями, каким служило тогда поле, судебный поединок в уголовных и гражданских тяжбах между частными лицами... Княжеская усобица, как и ряд, была не отрицанием междукняжеского права, а только средством для его восстановления и поддержания»⁶⁶.

В свете сказанного представляется совершенно логичным то, что привнес в нормативную основу политической системы Древней Руси Любечский съезд (1097 г.). Он юридически обосновал утвердившиеся отчины трех ветвей Ярославичей — *«каждо да держит отчину свою»*⁶⁷, но для собственно политической системы последующего времени еще более важным было признание за Святополком отчинных прав на Киев. Верховная власть, таким образом, должна была принадлежать только одной линии разросшегося рода Рюриковичей. Следовательно, вместе с Киевом за Изяславичами закреплялось политическое верховенство на Руси, становящееся наследственной прерогативой их клана. Похоже, что именно со времени Любечского съезда на Руси утверждаются и новые юридические формы поземельных отношений, аналогичные западно-европейскому бенефицию⁶⁸.

Формирующиеся сюзерено-вассальные отношения со временем получают истинно феодальную нормативную основу.

Таким образом, «толчкообразное», пульсирующее развитие форм правления и престолонаследования в Древней Руси выступает комбинацией существовавших в IX—XI вв. политических обычаев и политической практики и составляет нормативную основу ее политической системы.

Говоря о религиозных нормах как важных составляющих нормативной основы политической системы Древней Руси, в первую очередь следует обратить внимание на важное установление Владимира: согласно ПВЛ, князь дал первому храму *«от имени моего и от град моих десятую часть»*⁶⁹, поэтому киевская церковь Богородицы и была прозвана Десятинной. Соответственно, слова Устава Владимира Святославича о том, что князь дал церкви *«из домов на всякое лето десятое всякого стада и всякого жита»*⁷⁰, нельзя рассматривать без учета библейской «книжной» традиции. Большинство отечественных исследователей признают ветхозаветное происхождение русской церковной десятины⁷¹, что позволяет считать ее реально существовавшим сбором, быстро сделавшим церковь наиболее авторитетным субъектом политико-правовой системы не только в идеологическом, но и экономическом плане. Благодаря усвоению десятиной статуса политической нормы, церковь на Руси становится первым крупным землевладельцем.

Примером другой религиозной и моральной нормы, которая одновременно закрепляется в качестве политико-правовой, выступает клятва-рота и ее функциональная замена — крестоцелование. По справедливому мнению специалистов, крестоцелование как обязательная клаузула договорных грамот восходит к ритуальному действию и словесной формуле, которые сопровождали клятвенное подтверждение заключения договора⁷². Обычай целования креста при скреплении договорных отношений, укоренявшийся в междукняжеской среде в исследуемый период, был следствием возрастающей роли христианской идеологии в политической жизни Средневековой Руси. Обязательность крестоцелования при договорах и указание его в тексте договоров способствовали появлению выражений, свидетельствующих о самостоятельном значении крестоцелования при заключении договоров и написании грамот. Например: *«...при-*

ехать и отъехать, горою и водою, по старому крестному целованию и по старым грамотам... А будет согласие и мир у немецких послов с Новгородцами по старому крестному целованию и по старым грамотам, то это хорошо»⁷³.

Более того, даже в период широкого распространения письменных актов слова «крестное целование» или просто «целование» были синонимами договора, договорной грамоты или свидетельством устного договора, подтвержденного крестоцелованием⁷⁴. В летописании XI—XII вв. содержатся многочисленные известия о крестоцелованиях, подтверждающих заключение мира, договор о разделе земель, отказ от мести, вокняжение и т. д.⁷⁵ Целованию креста придавалось особое значение, поскольку нарушение договора должно было навлечь кару божественной силы: «...крестомъ бо побежени бывають силы бесовьскыя, крестъ бо князем в бранех пособить, въ бранех крестомъ согражаемы вернии людье побежають супостаты противныя, крестъ бо вскоре избавляет от напасти призывающим его с верою»⁷⁶.

В политической идеологии Древней Руси крест выступает универсальным средством, способным и спасти, и наказать. Этим объясняется тот факт, что Володарь и Василько вышли навстречу Святополку именно с тем крестом, целование на котором преступил Святополк⁷⁷. Как полагает В.М. Рычка, крестоцелование как символ скрепления междукняжеских договоров отражает особый статус князя, ответственного в своих действиях только перед Богом и сородичами, но не перед законом и людьми⁷⁸. Сознательно оставляя в стороне дискуссионный вопрос об ответственности, акцентируем внимание на удостоверительной функции крестоцелования. Сама процедура заключения договора не могла считаться завершённой, если не заканчивалась принесением клятвы на кресте. Это означает, что религиозная церемония крестоцелования являлась в Древней Руси политической и правовой нормой, так как без нее договор не обретал юридическую силу.

Подводя итоги исследованию нормативной основы политической системы Древней Руси, следует отметить, что все рассмотренные выше политические принципы и нормы, а также обычаи и традиции не являются исчерпывающими, но представляют достаточно яркий пример того, как религиозные, моральные, традиционные нормы могут получать статус политических.

2. Источники права Древней Руси и проблема правовой рецепции

С самого начала формирования политико-правовой системы Древней Руси все традиционно выделяемые источники права — правовой обычай, судебный прецедент, договор и нормативно-правовой акт — имели важное значение. Несмотря на обширную литературу, остается открытым вопрос об их соотношении и взаимодействии, о роли каждого источника в процессе генезиса политико-правовой системы Древней Руси.

Следует заметить, что историки и юристы не вполне идентично понимают природу обычного права. В отличие от большинства юристов, которые утверждают, что право не может возникнуть раньше государства, многие историки и этнографы зарождение обычного права относят к эпохе развитого племенного строя⁷⁹. Так, в понимании В.В. Мавродина, А.А. Зимина, И.Я. Фроянова, Я.Н. Шапова, обычное право возникает раньше, чем Древнерусское государство. Последний из названных исследователей пишет: «Очевидно, само “вживание” церковного суда в жизнь древнерусского общества на первых порах было возможно только при условии сохранения традиционных норм местной жизни... Естественно, что древнерусское право этого последнего этапа переходной эпохи от первобытного строя к феодальному нашло мощную поддержку со стороны византийской традиции»⁸⁰.

Теоретики и историки права, придерживающиеся узконормативной его трактовки, спешат ответить, что «законодательная деятельность присуща только государству. Правовые нормы создаются и отменяются в результате особого рода государственной деятельности»⁸¹. Действительно, политическая власть накладывает значительный отпечаток на природу права, особенно на ранней стадии развития политико-правовой системы. Однако это не означает, что право — лишь инструмент в руках власти. Поэтому более правомерной представляется другая точка зрения. По мнению А.Б. Венгерова, «право в ранних государствах на первых этапах своего появления выступает основой организации государственной власти, устанавливая и закрепляя структуру этой власти — органы государства, их полномочия, сферу действий и т. п.»⁸².

Как представляется, суть разногласий специалистов коренится не только в принадлежности к разным школам, но и в методологически разных углах зрения на существо проблемы. Если историкам важно проследить процесс зарождения, становления и развития права в его соотношении со всем социокультурным контекстом, то теоретикам — отграничить право от иных соционормативных систем, подчеркнуть его институциональный характер и опосредованность государством. При этом часто остаются без объяснения вопросы о том, как происходила трансформация обычая в обычное право и правовые нормы государства и как процесс правообразования соотносится с процессом государствообразования.

Представляется, что позитивное отношение к обычному праву у отечественных правоведов было утрачено в связи с отрицанием классического, известного еще римским юристам тезиса о том, что право есть порождение общества, а не государства. Не случайно вопрос об актуальности изучения обычного права был поднят философом, специалистом по истории морали Д.Ж. Валеевым⁸³. Его позиция также была подвергнута критике сторонниками узконормативной концепции права⁸⁴. Г.Ж. Валеев пишет: «Наряду с тем, что часть норм обычного права санкционируется государством и становится нормами действующего права, остаются нормы, которые не получают официальной санкции государства». Соблюдение таких норм обычного права обеспечивается традициями, религиозным сознанием, моралью, общественным мнением и национально-этническим фактором, полагает исследователь⁸⁵.

Известия о нравах и обычаях восточных славян до образования у них государства содержатся в древнерусской летописи и сочинениях иностранных авторов. Рассказывая о древнерусских племенах, автор Начальной летописи сообщил известные ему, видимо, по старинным преданиям сведения о языческих свадебных и погребальных обрядах, когда они *«живяху кождо съ своимъ родомъ и на своих местах, владеюще кождо родомъ своимъ»*⁸⁶. Летописец отмечает, что эти племена *«имяху бо обычаи свои, и закон отец своих, и преданья, каждо свой нрав. Поляне бо своих отец обычай имут кроток и тих... а древляне живяху звериньским образом... убиваху друг друга... Радимичи и вятичи и север один обычай имяху: живяху в лесе... си же творяху обычаи кривичи и прочии погании, не*

ведуще закона Божия, но творяше сами себе закон»⁸⁷. Из этого рассказа видно, что летописец далеко небеспристрастно и недвусмысленным образом подчеркивает превосходство культурной жизни и обычаев полян перед низким уровнем быта и обычаями других восточно-славянских племен.

Летописец, зная слово «обычай», употребляет и другие термины для обозначения этого понятия, например, «преданья», «закон», «покон». Само слово «закон», первоначально обозначавшее обычай или восходящее к нему⁸⁸, известно кроме русского болгарскому, сербо-хорватскому, чешскому и польскому языкам и, следовательно, восходит еще ко времени славянской общности⁸⁹.

По мнению А.Г. Кузьмина, русский летописец, объясняя различия в обычаях восточно-славянских племен, придавал им характер именно права. «Летописец, — отмечает исследователь, — фиксирует различия прежде всего в области семейного права. А это и есть узловой вопрос при возникновении правовых норм. Не случайно, что данный вопрос занимает большое место во всех “варварских правдах”»⁹⁰.

В обычном праве четко выражена структура взаимодействия людей, в нем содержится понимание прав, обязанностей и запретов в их взаимных связях и санкций, хотя права личности не отделены от прав общности, частью которой эта личность является. За несоблюдение определенных условий взаимодействия в качестве основной санкции выступает отторжение, а следовательно, и потеря преимуществ, связанных с принадлежностью к группе. К тому же именно в рамках обычного права вырабатывается целый комплекс позитивных обязываний, с которых, наряду с дозволениями и запретами, и начинается формирование собственно права как отдельной соционормативной системы⁹¹. Все это подготавливает общество к тому, что от синкретичного мононормативного комплекса спонтанно отделяется право и освящается государственной властью часто простым актом применения обычаев предков.

Представляется, что такая позиция вполне адекватно отражает динамику процесса правообразования в ранний период развития отечественной политико-правовой системы. Ведь нельзя же всерьез отрицать длительный исторический период сосуществования обязывающих норм обычая и норм закона суверенной государственной власти. Многие теоретики и историки права отмеча-

ют, что в исследуемое время формируются специфические способы регулирования, которые явились «промежуточными образованиями между нормами первобытно-общинного строя и правом»⁹². Сегодня можно считать доказанным, что в раннем государстве всегда присутствуют неформальные влияния на правотворчество⁹³.

В последнее время все большую популярность завоевывает подход Д. Кайзера к архаическому праву с точки зрения «вертикальных» и «горизонтальных» структур. Первые характеризуются иерархией политических учреждений и санкциями. Последние основываются на менее формальных средствах управления поведением индивида и общности. «Вертикальные» структуры используют определенный штат для разбирательства дел, в «горизонтальных» же тяжбы, как правило, условны, в разрешении конфликта участвуют сами тяжущиеся стороны, посреднический правовой и политический аппарат развит слабо. Раннему этапу свойственна примитивность судоустройства и судопроизводства, в которых очень медленно прокладывали себе дорогу упорядоченное судоговорение и рациональные методы расследования. Огромную роль продолжали играть всякого рода удостоверители авторитета социального статуса индивида в обществе. По мере развития «вертикальных» структур, усиления государственной власти все большую роль начинал играть письменный документ, который отождествляется с государственной властью⁹⁴. В новейшей литературе вышеозначенная концепция была затронута в работах, прямо касающихся становления и развития политических и правовых систем древности и Средневековья⁹⁵, и вполне применима к процессам, фиксируемым в Древней Руси.

Впрочем, в отечественной литературе еще раньше, чем это проделал Г. Классен, была проанализирована роль неформального влияния «горизонтальной структуры» (выражаясь языком Д. Кайзера) на становление «вертикальной». Как отметил Я.Н. Шапов, вервь являлась «юридическим лицом, первичной административной ячейкой общества», «автономной организацией, обладающей функциями внутреннего управления»⁹⁶. Таким образом, община являлась необходимым структурным элементом становящейся политико-правовой системы Древней Руси, поскольку писанный государственный закон не исключал, а предполагал существование обычно-правовых норм общины, регулирующих ее функции

юридического лица с коллективной правовой и имущественной ответственностью⁹⁷.

Народный опыт, отражавшийся в обычном праве, часто воспринимался исследователями как отрицательный, так как служил фактором, сдерживающим развитие. Действительно, традиция часто препятствует внедрению новых правовых норм. Как верно отмечается в литературе, насколько обычаи консервативны, неподвижны, настолько право динамично. Оно не останавливается перед модификацией и отменой обычая, если он находится в противоречии с правом, творимым государством⁹⁸. Но, на наш взгляд, проблема взаимоотношения обычного права и писаного законодательства не может быть сведена только к вопросу о наличии или отсутствии санкционирования определенных обычно-правовых норм государством. Все правовые формы на ранней стадии развития политико-правовой системы крайне заинтересованы друг в друге. Их соотношение можно охарактеризовать как соотношение статических и динамических элементов в системе. Издавая новые законы и творя суд, княжеская власть и церковь служили факторами динамического развития правовых институтов. Но при отсутствии эффективной связи центра и периферии статические элементы в праве преобладали. При этом различная степень государственного «присутствия» в праве также характеризуется некоторыми теоретиками через две регулятивные функции: статическую (более органичную для права), когда закрепляются, стабилизируются данные отношения с помощью дозволений и запретов, и динамическую (связанную с деятельностью государства), когда активизируется определенное поведение с помощью позитивных предписаний⁹⁹.

Таким образом, все известные в Древней Руси формы права: правовой обычай, судебный прецедент, договор и нормативно-правовой акт государственной власти — не могут быть противопоставлены друг другу, так как являются элементами единой системы, ее подсистемами. Уже сама идея права как социального компромисса отражает идею единства и борьбы противоположностей. Эти подсистемы обслуживали структурные пласты разной скорости развития: динамические элементы — «вертикаль», а статические — «горизонталь» в их взаимодействии. Неслучайно для характеристики реально существовавшего соотношения права и закона в правовых системах Древнего мира

правовед В.А. Муравский вводит понятие «актуальное право» и отмечает, что расхождения между правом и законом, создаваемые (или допускаемые) государством, играли конструктивную роль в эволюции права¹⁰⁰. Подводя итоги, следует заметить, что в настоящее время над проблемой соотношения обычного права и предправа юристы работают совместно с этнологами¹⁰¹.

Следует также остановиться подробнее на судебном прецеденте как источнике права Древней Руси. Еще М.Ф. Владимирский-Буданов полагал, что судебные решения основывались в большей мере на обычном праве, «собирая их, составитель собирал постановления обычного права»¹⁰². Л.С. Явич также пишет, что правовые обычаи явились исторически первой формой выражения права и наиболее частым его источником в ранние эпохи классового общества. Прецедентное право подчас трудно отличить от правовых обычаев, так как оно во многих случаях является результатом нормотворческой деятельности судов, осуществляемой путем рассмотрения конкретных дел и вынесения по сходным спорам или деликтам решений на основе прецедента. Исследователь верно замечает, что эти источники права наиболее приемлемы для эпох, характеризующихся сравнительно медленным социальным развитием¹⁰³.

Все же судебный прецедент как самостоятельный источник древнерусского права довольно отчетливо регистрируется Русской Правдой. Например, ст. 2 Пространной редакции, установившая денежный выкуп за месть, во второй части гласит: «...а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша»¹⁰⁴.

В Древнерусском государстве судебных органов как специального аппарата, отделенного от других органов власти и управления, не существовало. Судьями были князья, посадники, волостели. О князе как судье и княжеской юрисдикции летописи говорят много¹⁰⁵. Из летописи видно, что княжий двор — это место администрации и суда. Интересно, что само слово «суд» иногда означает не только процесс вершения правосудия, но и то место, где оно осуществляется¹⁰⁶. Исходя из этимологии слова, суд — условие, соглашение, имеющее отношение к определению эквивалентности ущерба и компенсации. Судья — тот, кто следит за соблюдением формульного права, имеет право изречь соответствующее правило¹⁰⁷. Таким образом, суд явля-

ется сидением, заседанием, на котором защитники порядка определяют наказание для нарушителей закона¹⁰⁸.

Следует отметить, что княжеская юрисдикция не ограничивалась его личным судом. В этом плане представляют интерес ст. 33 Краткой редакции Русской Правды и ст. 78 Пространной редакции, запрещающие «умучать» смерда и огнищанина «без княжа слова»¹⁰⁹.

В Русскую Правду проникли некоторые решения из практики судебных органов. Так, в ст. 23 Краткой Правды говорится о княжеском конюхе, за убийство которого Изяслав присудил дорогобужцам платить двухкратную виру: «А конюх старьи у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его ж(е) убиле Дорогобудьци»¹¹⁰. Комментируя эту статью, В.И. Сергеевич писал: «Это отдельный случай княжеского суда, который не имеет значения общей нормы»¹¹¹. Как верно отмечает современный историк права, это мнение не может быть принято. Сама фиксация статьи показывает, что она получила значение общей нормы сразу после установления ее судебной практикой¹¹². Действительно, логично выглядит стремление княжеской власти оградить «руководителя транспортного ведомства» такой же высокой вирой, как огнищанина и тиуна. По мнению некоторых авторов, указание на конкретные случаи судебного решения содержат и статьи 31 и 40 Краткой Правды¹¹³. Современный исследователь И.Н. Данилевский всю Краткую Русскую Правду считает кодексом норм прецедентного права¹¹⁴, хотя общепризнанная точка зрения не придает судебному прецеденту большого значения в отечественном праве.

К проблеме происхождения нормативно-правового акта как источника древнерусского права существуют различные подходы. Интересную попытку анализа процесса сложения в Древней Руси гомогенной правовой системы, состоящей из норм устного обычного права и писаного закона, предпринял М.Б. Свердлов. По его мнению, система развитого устного права, существовавшая в X в., оказалась столь совершенной и подготовленной к решению самых различных задач, которые стояли перед молодым государством, что в конкретных условиях 1015—1016 гг., в период острых конфликтов новгородцев с варягами, для создания первого писаного судебника достаточно было: 1) «тематически» подобрать уголовные и процессуальные нор-

мы в создаваемый судебник; 2) специально отметить равенство различных социальных групп южно-русского происхождения и общественных категорий, находящихся под покровительством великого князя, с одной стороны, и новгородского происхождения — с другой; 3) отредактировать две статьи в применении к иноземцам — варягам и колбягам¹¹⁵.

Проведя системное сравнение целого ряда германских Правд с Древнейшей Русской Правдой, вышеназванный автор предложил реконструкцию первоначального содержания норм Закона Русского, упомянутого летописями в договорах Руси с греками (911 г., 944 г.)¹¹⁶.

Следует отметить, что, помимо Закона Русского, некоторые исследователи выделяют «Устав земляной», который, якобы, существовал в X в.¹¹⁷ При этом они ссылаются на сообщение ПВЛ, которое практически совпадает с текстом Новгородской первой летописи младшего извода: «*Бе бо Володимир любя дружину, и с ними думая о строении зельском, и ратех, и о уставе земном*»¹¹⁸. Н.Ф. Котляр, вслед за Л.В. Черепниным, утверждает, что в данном случае речь идет «о выработке “устава”» (закона), регулировавшего общественно-правовые отношения в Древнерусском государстве. По меньшей мере — об усовершенствовании существующего кодекса обычного права, приспособлении его к условиям времени»¹¹⁹. К сожалению, состояние источников не позволяет, на наш взгляд, утверждать, что «Устав земляной» Владимира существовал в действительности и продолжил политическую линию, намеченную «уроками» и «уставами» княгини Ольги, хотя очень логично предположить преемственность законодательства первых русских князей.

Неоспоримо существовавшим самостоятельным нормативно-правовым актом Древней Руси, дошедшим до наших дней, справедливо считается Русская Правда. Ее специальному изучению посвящено огромное количество фундаментальных трудов¹²⁰. Для темы нашего исследования представляется важным подчеркнуть лишь тот факт, что Русская Правда времен Ярослава защищала интересы не только князя, дружинников и бояр, но и широких слоев населения, в частности горожан.

Следующий важный аспект характеристики нормативно-регулятивной подстемы, напрямую связанный с проблемой источников права, — правовая рецепция. Представляется, что

на современном этапе исследования нельзя всерьез обсуждать вопрос об исключительно иноземном происхождении древнерусской правовой системы. Усилиями многих поколений исследователей убедительно доказано, что рецепция любых институтов государства или права возможна лишь при наличии вызревших для нее условий. Именно поэтому норманнская теория утратила сегодня свою научную актуальность. Даже для тех исследователей, которые под рецепцией права понимают признание обязательности иноземного права и заключают, что «концепции о еврейском и византийском законодательстве как источниках норм древнерусского права являются ошибочными... трудно представить себе правовую систему, развивающуюся в совершенной изоляции от внешних влияний»¹²¹.

В последнее десятилетие как среди этнологов и культурологов, так и среди историков права утвердилось мнение, что противопоставление внутренних механизмов развития культуры и внешних влияний возможно лишь как умозрительное отвлечение. В реальном историческом процессе эти явления взаимосвязаны и представляют собой разные проявления единого динамического процесса. Как отмечает Ю.М. Лотман: «Вторжение внешних текстов играет роль дестабилизатора и катализатора, приводит в движение силы местной культуры, а не подменяет их»¹²². Таким образом, влияние византийского права обусловлено не тем, «что представители высшего духовенства на Руси, как правило, были греками»¹²³, а самим фактом принятия Русью новой религиозной идеологии.

Характер этого процесса по-разному осмысливается современными исследователями. По мнению В.М. Живова, взаимодействие русского и церковно-славянского языков в юридических текстах обнаруживает культурный статус этих текстов и общий характер их взаимоотношений. Поскольку архаическая юридическая традиция является частью языческой культуры, проблема взаимодействия византийского и русского права рассматривается исследователем в широком культурном контексте как проблема столкновения христианской и языческой культур, и в этом состоит известная заслуга автора. Но вот к каким выводам он приходит.

С момента принятия христианства в Древней Руси существуют две системы права: церковно-славянская и русская. Противопоставлением языков определяется противопоставление

юридических систем. С падением язычества русское право теряет культурный статус, хотя имеет непосредственное практическое значение. Церковно-славянское право обладает культурным престижем и в силу этого оказывает влияние на русское право, что, в частности, выражается в славянизации русской юридической терминологии, но фактически оно не применяется, а лишь дает образец христианского миропорядка. Из этой ситуации и образуется основная парадигма русского юридического сознания: культурное право не действует, а действующее право не имеет культурного статуса¹²⁴.

Представляется, что такое выведение русского права за рамки культурных границ методологически недопустимо. Как верно замечает В.В. Кучма по аналогичному поводу, «названные противоположности в чистом виде в праве практически не встречаются. Их обнаружение и фиксация — это сфера исключительно теоретических, зачастую чисто умозрительных построений. В практической же юриспруденции все элементы действующей правовой системы равноценны по степени реальной значимости»¹²⁵.

Действительно, изучение истории права переходного периода от язычества к христианству в Древней Руси представляется особенно важным, поскольку в это время происходит как активный симбиоз, так и конкуренция элементов права: обычного и государственного, отечественного и византийского, устного и письменного, традиционного и инновационного. Но, встав на путь моделирования способов интерпретации политических, правовых и религиозно-идеологических контекстов древнерусской политико-правовой системы при помощи выработанных самим же Средневековьем архетипов мироистолкования, нельзя не заметить, что все вышеназванные пары оппозиций являются семиотическими аналогами и обслуживают, по сути, различные ракурсы одной проблемы — проблемы рецепции.

Значительное количество новейших исследований позволяет считать достаточно обоснованной в литературе точку зрения, согласно которой между двумя вышеозначенными полюсами существовала «буферная зона», где происходило формирование собственно древнерусского понятийного аппарата, посредством которого и усваивались византийские сочинения. Такую зону выделяют не только филологи и культурологи¹²⁶, но и историки права. Так, Я.Н. Шапов отмечает, что «вместо оппо-

зиции: языческое (славянское) — христианское (византийское), мы имеем треугольник: византийское (христианское) — древнерусское (христианское) — древнерусское (языческое), каждое из которых обладало характерными чертами»¹²⁷.

Практическими проводниками христианской идеологии на первых порах действительно служили греческое и болгарское духовенства. Требовался определенный исторический период для того, чтобы выросли свои кадры. Время массового распространения монастырей и школ, а значит, и вновь переписанных греческих книг, приходится уже на правление Ярослава Мудрого, поэтому определенное, но непродолжительное противостояние возможно допустить в конце X — первой половине XI в.

Большинство исследователей отмечают характерную особенность древнерусской правовой системы: здесь как бы сосуществуют две подсистемы, причем их юрисдикции не пересекаются¹²⁸. З.М. Черниловский отмечает: «В то время как Русская Правда обнаруживает поразительную светскость содержания (подобно Салической), болгарский Закон судный людям полон предписаний, идущих от церковного права (включая библейское), чешский закон князя Бржетислава (первая половина IX в.) имеет своим главным содержанием церковные предписания, претворенные в государственный закон...»¹²⁹. Факту такого своеобразного «разделения труда» ведущие специалисты дают вполне обоснованное объяснение. С одной стороны, подчеркивается существование традиции княжеской опеки над культом¹³⁰, с другой — отмечается, что основная цель рецепции — не правовое регулирование, а создание новой модели церковно-государственных отношений¹³¹. Вступая в противоречие с собственной концепцией, В.М. Живов признает, что даже в пределах своей компетенции церковные суды пользовались древнерусской, местной пенитенциарной системой¹³².

Принятие христианской идеологии повлекло за собой включение в правовую сферу целого ряда действий и событий, которые до этого не являлись юридическими фактами. Совершенно прав В.Н. Синюков, утверждая, что «природа связи факта и нормы не логическая, а культурно-историческая. Идентификация поведения в качестве юридического факта детерминирована тем, включено ли это поведение в правовое пространство данной культуры»¹³³. Именно в интересующий нас период раз-

вития правовой системы древнерусского государства — с конца X в. по середину XI в. — в процессе встречи двух культур и рождается новая правовая традиция, в которой существенно расширяется круг юридических фактов. Это не означало, что право стремится вобрать в сферу своего регулирования максимально широкий круг общественных отношений. Но с принятием новой идеологии многие нормы поведения переосмысливались в христианском аспекте, что и позволяло распространять на них правовое регулирование. Происходила не просто «передача» ряда правонарушений в подсудность церкви¹³⁴, а собственно «рождение» новых юридических фактов, которые автоматически попадали в сферу церковного регулирования.

В новейшей литературе высказывается также заслуживающая внимания точка зрения, позволяющая по-новому интерпретировать парадоксальное соседство в Правде Ярослава глубоких архаизмов с юридическими новациями. Как полагает Л.В. Милов, под 996 г. в ПВЛ описывается важнейший факт проведения Владимиром юридической реформы: *«Живяше же Володимир в страхе божьи. И умножишиися (зело) разбоеве. И реша епископы Володимеру: “Се умножашиися разбойници. Пошто не казниши их?” Он же рече им: “Боюся греха”. Они же реша ему: “Ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милование. Достоит ти казнити разбойника, но с испытаном”. Володимер же отверг виры, нача казнити разбойни»*¹³⁵. Исследователи много раз обращались к интерпретации этого летописного отрывка. Но именно вышеназванному исследователю принадлежит, как представляется, небезуспешная попытка обосновать, что за этим сообщением стоит факт реальной правовой реформы Владимира Святославича. Ее основой стал, по мнению исследователя, византийский свод законов Эклога, XVII титул которой «О казнях» был переведен и значительно переработан русскими переводчиками еще в X в.¹³⁶

Правда, следом летописец отмечает и неудачу такой реформы: *«И реша епископы и старцы: “Рать многа, оже вира то на оружьи и на конех буди”. И рече Володимеръ: “Тако будет”. И живяше Володимеръ по устроенью отню и дъдню»*¹³⁷. Как следует из текста летописи, возврата к старой системе штрафов потребовали не только «старцы», но и «епископы», которые сами инициировали ее отмену. В основе провала данной реформы ле-

жали, очевидно, просчеты в недооценке природы древнерусского социума, чьи политико-правовые институты были сугубо специфичны и имели мало аналогий с византийской государственной машиной. Опираясь на данный летописный эпизод, советские историки в основном придерживались позиции отрицания византийского влияния на древнерусское законодательство¹³⁸. Между тем такое влияние Византии, как показывают новейшие исследования, было¹³⁹, но осуществлялось оно непрямолинейно. Тоньше всего специфику этого влияния подметил в свое время В.О. Ключевский. Он писал, что «составитель Русской Правды, ничего не заимствуя дословно из памятников церковного и византийского права, однако руководился этими памятниками. Они указывали ему случаи, требовавшие определения, ставили законодательные вопросы, ответов на которые он искал в туземном праве»¹⁴⁰.

3. Особенности отечественного правопонимания

В кризисный для социума период актуализируются архаические пласты сознания, поэтому даже современное отечественное правопонимание имеет ряд сходных черт с раннесредневековым. Такие особенности российской правовой системы, как глубокая связь права с государством, опора на коллективные способы хозяйствования как особую форму экономического прогресса, нежесткость линий дифференциации личности и государства и преобладание коллективистских элементов правосознания, тесная связь традиционной основы права и государства с православием¹⁴¹, дают основание некоторым авторам настаивать на том, что отечественному правосознанию исконно присущ юридический нигилизм¹⁴². Но, как верно заметил В.Н. Синуков, «российскую правовую ментальность надо в большей степени открывать, нежели порицать»¹⁴³.

Если посмотреть на феномен права как на явление культуры, то станет очевидным, что он более чем другие соционормативные системы, сопряжен со сферой рационального. Недаром наибольший расцвет права наблюдается в секуляризованных обществах Нового времени, то есть тогда, когда религия и тесно связанная с ней система нравственности оказываются «частным делом» и не способны выполнять общественно-регу-

лятивные функции. По мнению исследователей, занимающихся теорией правовой культуры, право является системой, не только исходящей из разума, но и апеллирующей к разуму. Именно в этом проявляется и сила, и слабость права, ибо нередко общественное сознание, общественное развитие приобретает иррациональные черты, и право оказывается на периферии применяемых методов регулирования¹⁴⁴.

Это не означает отрицания идеи права и ее роли для периода древнерусского Средневековья, но актуализирует потребность изучать взаимодействие соционормативных подсистем как составляющих политико-правовой системы Древней Руси. При таком подходе четче высвечиваются особенности складывающегося отечественного правопонимания.

Глубинные истоки правовых представлений, представлений о правильном, справедливом, нормальном, возможном и т. п. лежат в ментальных пластах этнического сознания, тесно сопряжены с мифопоэтическим мировоззрением. Как показали исследования В.В. Иванова и В.Н. Топорова, «при всей специфичности жанра юридических текстов в ряде важных отношений они очень сходны с текстами народной устно-поэтической традиции (наличие параллельных конструкций, постоянных повторов, обилие формул, отчасти сходных с фольклорными, рифмообразных элементов и т. п.). Это сходство свидетельствует о единстве истоков юридических и фольклорных текстов, принадлежавших некогда к единой устно-поэтической сфере»¹⁴⁵. Наличие общих языковых конструкций, формул и средств в эпических и правовых текстах свидетельствует, указывают эти авторы, о принадлежности «обоих классов текстов к некоему единому мифопоэтическому кругу... об архаизме мотивировок, самой рамки правовых текстов и набора юридических формул, предполагающих наличие переменных величин...»¹⁴⁶.

Опираясь на выводы вышеназванных исследователей, А.П. Семитко предположил прямую зависимость уровня развития правовой культуры того или иного этноса от разработанности предтеч-сюжетов, выступающих в качестве фундамента для последующего более активного развития личностного начала в праве¹⁴⁷. По его мнению, в отечественном мифопоэтическом комплексе представлений такие предправовые сюжеты разработаны крайне слабо в сравнении с античной мифологией. Это позволя-

ет в конечном счете автору сделать вывод о том, что истоки юридического нигилизма в российском правосознании отчасти обусловлены преобладанием коллективизма, слабым личностным самосознанием, смещением права с моралью и религией¹⁴⁸.

Подобная позиция выглядит, по нашему мнению, неконструктивно и недостаточно обоснованно. Проблема в том, что, приняв ее, мы не выйдем за рамки концепции «догоняющей модернизации» и оценки любых особенностей отечественного права как отклонений от западно-европейского образца. Между тем очевидно, что выделенные автором признаки отечественного правового нигилизма в целом совпадают с характеристикой особенностей отечественной правовой системы, предложенной В.Н. Синюковым и изложенной нами выше.

Рассмотренные В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым особенности выражения основной юридической формулы «если — то — иначе» в реальных раннеславянских правовых текстах показывают, что эта формула «функционировала в рамках системы более общих представлений мифологического характера, где она и получала свою первоначальную мотивировку. Речь шла о ситуации первого прецедента, то есть первого нарушения равновесия как в отношении социального, так и в отношении космического устройства»¹⁴⁹. Поскольку в основном мифе — не только протославянском, но и индоевропейском по своему происхождению — разыгрывается тема столкновения доброго и злого начал, того, что дозволено и того, что запрещено, становится очевидным, что сам сюжет по сути дела и изображает суд, приводящий к победе правого и восстановлению нарушенной гармонии или равновесия¹⁵⁰.

Такая интерпретация подтверждается и распространенным в разных средневековых культурах, в том числе и древнерусской, судебных поединков. В этом ключе они выступают инсценировкой ритуального, восходящего к основному мифу, судебного поединка, где роль третьей (нейтральной) стороны также зарегистрирована историей формирования русских юридических понятий (см., напр.: «третейский суд»)¹⁵¹. Как отмечают вышеназванные исследователи, юридическая роль «третьего» (веддийского Триты, авестийского Трайтаоны) всегда связана с его специфической приуроченностью к «правде»¹⁵². Это также подтверждают юридические контексты в договорных грамотах:

«А чего ми будеть искати на твоихъ боярех, или чего искати тебѣ на моихъ боярехъ, нам отослати от себе по боярину, тѣ тому дѣлу учинять исправу; а ци о каковѣ дѣлѣ межѣ собе сопрутся, ѣхати имѣ на третии, кого собѣ изберуть; тамо, ѣхавъ, перемолвятся»¹⁵³; «А что ся учинить межѣ насъ княземъ каково дѣло, ино съдутся боярѣ наши на рубежѣ, да на межѣ насъ поговорятъ; а не уговорятся, ини едутъ на третии на князя на великого на Ольга»¹⁵⁴; «А чьи судьи на третии не поѣдутъ, или на кого третии помолвить, онѣ взятого не отдаст, то правому отнять»¹⁵⁵.

Причем интересно отметить, что даже «творя новое право» во время судебного разбирательства, судья (часто сам князь в этом качестве) в период становления политико-правовой системы должен был делать это в понятиях и категориях тех институциональных норм и идейных принципов, которые уже были приняты и считались незыблемыми в древнерусском обществе. Задача была непростой, но решалась вполне убедительно посредством ритуального конфликта¹⁵⁶. Часто, чтобы установить какую-либо новую норму, князь должен был нарушить старую. Для такой ситуации, по-видимому, справедливо высказывание о том, что политика — это деятельность на грани возможного, так как политико-правовой ритуал инсценировал конфликт и показывал путь к его разрешению. «Во всех без исключения древних обществах, — пишет историк древнего права, — первыми законодателями считались личности легендарные, “культурные герои” или даже божества. Однако важно подчеркнуть, что общество рассматривало этот акт (фиксацию новой нормы. — *И. Ф.*) не как нововведение, а как исправление возникших несправедливостей»¹⁵⁷.

Действительно, как утверждает А.П. Семитко, в славянском предправовом мифопоэтическом комплексе мы не встретим богов и культурных героев, подобных древнегреческим и древнеримским¹⁵⁸. Но совершенно ту же функцию здесь выполняли сначала такие персонифицированные фольклорные образы как «Правда и Кривда», «Доля и Недоля», «Суд», или «Усуд», а затем первые летописные русские князья и святые полностью «взяли на себя» выполнение функций культурных героев и законодателей, прославленных «историей и сагой». Мотив «недостачи» (отсутствия порядка) и восполнения этой недостачи — один из универсальных этиологических мотивов фольклора, перешедших в раннеисторическую традицию¹⁵⁹. С учетом этого

обстоятельства и следует подходить к проблеме поиска юридической материи в древнерусском корпусе источников.

С нашим выводом о важнейшей роли ритуала, инсценирующего политико-правовой конфликт, хорошо согласуется мнение В.Я. Петрухина, по наблюдениям которого сама тематика летописных «сказаний» о русских князьях (от Рюрика до Ярослава) характеризуется определенным структурным единством и соответствующим подбором сюжетов. Призванию варягов предшествует конфликт — насилие, чинимое находниками над словенами и другими племенами, изгнание их за море и призвание князей с дружиной-русью на основе договора — «ряда». Далее правление Олега начинается с конфликта с узурпаторами — Аскольдом и Диром — и возведения на престол в Киеве законного наследника — Игоря, с последующим «уставом» — урегулированием даннических отношений со славянами. Новый конфликт и гибель князя вызвали не только вполне традиционную ритуализированную месть, но и очередное усовершенствование политико-правовой системы уже в правлении Ольги, и так далее, вплоть до конфликта новгородцев с варягами при Ярославе в 1016 г. После этого конфликта князь кодифицировал традиционное право — дал «Русскую Правду»¹⁶⁰.

Как мы убедились, подобная структура свойственна многим эпизодам «сказаний» о первых русских князьях. В эту схему ложится также и эпизод о призвании Кирилла и Мефодия (под 898 г.). В нем уже, бесспорно, исторические лица получают функции культурных героев, поскольку «Сказание о переложении книг» посвящено включению «руси» в число славянских народов, обретших просвещение. Причем мотив призвания связан не только с наставлением в правой вере, но и с «правдой — законом», который должен «исправить» призванный учитель.

Описание конфликтной ситуации и ее последующего юридического исчерпания — характерная черта не только древнерусского права, но и традиционного права вообще¹⁶¹. Как полагает В.Я. Петрухин с опорой на исследования В.В. Иванова и В.Н. Топорова, «правовая» основа, сохранявшаяся даже во фразеологии «сказаний», была, видимо, и основой для передачи, хранения в памяти преданий о первых князьях¹⁶². Для архаического общества, в том числе древнерусского, был существенен именно *casus primus*, поэтому частное столкновение первого

киевского (общерусского) князя с племенной (догосударственной) традицией и его последствия имели для формирующейся политико-правовой системы такое важное значение. Единичные исторические факты, будь то неудачный сбор дани или конфликт новгородцев с варягами, формирующаяся историческая традиция превращала в важнейшие прецеденты становления русского государства, его идеологии и права.

Исследователи подчеркивают, что в формулярах древнерусских письменных актов сохранились следы древнейших словесно-обрядовых сделок¹⁶³, из чего следует, что закон не просто санкционировал правовой обычай, а он использовал и учитывал все достижения, наработанные обычаем. Обычай как бы «прорастал» в закон. Устаревшие элементы правового обычая передавали свои регулятивно-охранительные функции новым институтам, привнесенным законом. Например, клятва на оружии как удостоверительная процедура заменялась крестоцелованием¹⁶⁴.

Проблема особенностей отечественного правопонимания имеет еще один ракурс. В системе представлений об основных правилах жизни и должного поведения, а также об их взаимных связях и соподчиненности важная роль принадлежит трактовке соотношения права и закона (римские *jus — lex*). Различение права и закона характерно практически для всех развитых политико-правовых представлений от древности до наших дней. Это различие регистрируется в языке книжной учености и повседневного обихода. Русской лексической оппозиции «право — закон» соответствуют французская — «*droit — loi*», английская — «*right — law*», немецкая — «*Recht — Gesetz*»¹⁶⁵.

В. Даль, исследуя значение слова «правда», утверждает, что в России «по первому коренному значению правдой зовется Судебник, Русская Правда, Правда Ярославова, Сборник узаконений и установлений, Правда — старое право суда, власть судить, карать и миловать, суд и расправа»¹⁶⁶.

Как показал Л.В. Черепнин, из наблюдений основных способов официального употребления слова «правда» выявляется, что разновидностями собственно юридического использования слова было истолкование его как суда — результата судебного разбирательства (в Пространной редакции Русской Правды ст. 56 говорится, что закупу, бежавшему из-за плохого с ним обращения, «дати правду», то есть справедливый и законный суд), затем как

«условия договора» и, наконец, как «Божьей Правды»¹⁶⁷. Но и слово «закон» в качестве общеобязательного требования (нормы, правила) соприкасается по значению с более многозначным термином «правда». Неслучайно все западно-европейские раннесредневековые своды законов по-русски переводятся как «Правды».

В.С. Нерсесянц обратил внимание на то, что древнерусское слово «правда» имеет ряд сходных значений с древнеримским «jus» и древнеиндийским «дхарма». Среди них такие значения, как справедливость, добродетель, долг, закон, правосудие, религиозная цель и другие¹⁶⁸. Такой полисемантизм термина обусловлен уже отмеченной выше нерасчлененностью теологических, нравственных и правовых категорий на ранних стадиях развития государства и права.

При анализе этого термина нельзя не учитывать, что общее значение, присущее как самому слову «правда», так и всему связанному с ним синонимическому ряду, включает не только юридический аспект. «Правда» рассматривается так же как «истина... без обмана, справедливость, добродетель...»¹⁶⁹.

Чтобы ближе подойти к пониманию особенностей отечественного правосознания периода раннего Средневековья, следует обратиться непосредственно к источникам. Весьма интересно и глубоко проблема соотношения значений терминов «правда» и «закон» поставлена первым русским по происхождению митрополитом Древней Руси Иларионом в его программном произведении «Слово о законе и благодати». Иларион четко различает понятие закона как внешнего установления — предписания, регулирующего системой запретов поведение человека в обществе, и истины, выражающейся в высоком нравственном состоянии человека, дающем возможность ее постижения и не нуждающемся в силу своего совершенства в регулятивной деятельности закона. В трактовке Илариона закон определяет внешние поступки людей на той ступени, когда люди еще не достигли совершенства. Он дан человечеству только *«на приуготование к истине и благодати, да в нем обыкнет человеческое естество»*, ибо человечество как скверный сосуд сначала должно быть омыто водою — законом, а затем уже станет способным принять *«млеко благодати»*. *«Закон бо предтеча бе и слуга истине»*¹⁷⁰.

По мнению специалиста по истории политических и правовых учений, «Иларион ввел категорию справедливости (вос-

принимаемой как истина) в содержание правовых понятий посредством терминологического соответствия синонимически употребляемых терминов «правда» и «закон». Как отмечает исследовательница: «Иларион одним из первых в своем произведении теоретически утвердил определенную политико-юридическую традицию, согласно которой “правда” воспринимается и употребляется как юридический термин, включающий в свое содержание и нравственную мотивацию»¹⁷¹.

Именно такое православное понимание термина «правда» наложило глубокий отпечаток даже на современное отечественное правопонимание. Так, В.В. Знаков, рассматривая психологию понимания категории истины, отмечает, что для русской духовной традиции (в отличие от западной) поиски истины в делах общественных (а следовательно, и в правовой сфере. — *И. Ф.*) неотделимы от представлений о добре и зле. По выводам автора, в российской ментальности истина — это категория не столько формальной логики, сколько нравственной философии¹⁷².

Совпадение двух значений в русском слове «правда» — правда как объективная истина и правда как справедливость — находило постоянные соответствия во многих идейных исканиях на протяжении всего XIX в., а в первой половине века стало своеобразным краеугольным камнем философской доктрины ранних славянофилов. Позднее Н.К. Михайловский, не разделяя убеждений славянофилов, толковал смысл слова «правда» так же, как и они. В «Письмах о правде и неправде» (1877 г.) он писал: «...по-русски *со-весть* и *со-знание*, в сущности, одно и то же слово. Но по-русски есть и еще более яркий пример совпадения различных понятий истины и справедливости в одном слове “правда”». Можно по этому случаю сказать: как скуден, как жалок дух русского народа, не выработавший разных слов для понятий истины и справедливости! Но можно также сказать: как велик дух русского народа, уразумевший родственность истины и справедливости, самым языком свидетельствующий, что для него справедливость есть только отражение истины в мире практическом, а истина — только отражение справедливости в области теории; что истина и справедливость не могут противоречить друг другу!»¹⁷³. Как полагает Ю.С. Степанов, Н.К. Михайловский, опираясь на общерусское значение слова «правда» со слитыми в нем понятиями «объективной истины» и «справедливости»,

переводит это значение в более узкий, но одновременно более четкий терминологический план, в котором слово «правда» оказывается синонимом гражданственности, гражданской позиции¹⁷⁴.

Современные исследователи отмечают, что российское правосознание не допускает ситуации, когда правда противоречит справедливости. В критической ситуации выбор всегда будет сделан в пользу такой правды-справедливости, даже если при этом она не соответствует истине. То, что «ложь во спасение» в отечественной правовой культуре считается вполне допустимой, хорошо демонстрируют фольклорные тексты. По наблюдениям Ю.М. Лотмана, в русских сказках и апокрифических сказаниях игра словами, обнажающая условную природу знака и превращающая договор в обман, возможна в отношении к черту, змею, медведю, но немыслима в общении с Богом и миром святости. Исследователь приводит поговорку Даниила Заточника: *«Лжи бо, рече, миру, а не Богу: Богу нельзя солгати, ни вышним играти»*¹⁷⁵. В западно-европейской традиции договор нейтрален: он не имеет оценочной природы. Хорош он или плох, но выполнен. В русской традиции договор заимствует свою «крепость», а вместе с тем и культурную ценность, от святыни которой поручается его хранение (обычно через крестоцелование). Договор же, неосвященный авторитетом неконвенциональной власти веры, «крепости» не имеет. Поэтому слово, данное сатане или его земным аналогам, надо нарушить, исполнение его греховно. При этом обычный способ нарушения такого договора — покаяние¹⁷⁶.

Как верно заметил В.Н. Синюков, «ценность права в русском правосознании не в обеспечении формальной законности, а в достижении ею тождества с глубинным образом собственного непонимания. Поэтому массовое правосознание в России может легко отказаться от правовой формы, если она перестает быть формой именно его жизненного уклада»¹⁷⁷. В исследуемый период такое правопонимание только начинает формироваться, и главным детерминирующим фактором в этом процессе, на наш взгляд, является принятие Русью христианства, уже практически сложившегося православного толка.

Как представляется, решающую роль в сохранении синкретического единства оценочного и логического аспектов в отечественном менталитете, превращению их в константу правового сознания, сыграл конфессиональный фактор, а именно

различия в православной и католической картинах мира. Так, православной традиции свойственно членение сакрального пространства на рай и ад. Промежуточных нейтральных сфер здесь не предусматривается. Соответственно, и в земной жизни поведение могло быть или грешным, или святым, что распространялось и на внецерковные понятия, в том числе на восприятие светской власти. Загробный мир западного христианства разделен на три пространства: рай, чистилище и ад. Соответственно, земная жизнь мыслится как допускающая три типа поведения: безусловно грешное, безусловно святое и нейтральное, допускающее загробное спасение после некоторого очистительного испытания. Тем самым в реальной жизни западного Средневековья оказывается возможной широкая полоса нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни «святыми», ни «грешными», ни «государственными», ни «антигосударственными», ни хорошими, ни плохими¹⁷⁸.

Интересно заметить, что в то время, как на Руси Иларион развивал в «Слове» свою политико-правовую концепцию, Ансельм Кентерберийский писал свой трактат «Почему бог во плоти». Оба произведения написаны в середине XI в. и хорошо демонстрируют различия восточного и западного подходов к правовым вопросам.

Популярный западный историк права Г.Дж. Берман в своем новейшем труде к культурологической характеристике ситуации добавляет юридическую, еще глубже входя в вопросы профессиональных различий. Как пишет ученый, ставя перед собой задачу исследовать фундаментальный характер праведности Бога в образе Христа, А. Кентерберийский невольно разрабатывал механику «божественного права». Его учение о чистилище стало связующим звеном между теологией и юриспруденцией. В результате спасение он объяснил в терминах юридической сделки¹⁷⁹. Следует согласиться с исследователем в том, что это имело глубокие последствия в формировании всей западной традиции права. Но вместе с тем со времен «схизмы» на Западе правовое отделилось от духовного, а политическое от идеологического¹⁸⁰.

Для православия же вообще не принято анализировать справедливость Бога, поскольку человеческие отношения с Богом определяются не только и не столько божественной справедли-

востью, сколько прежде всего благодатью и милосердием Господа. Здесь более уместна архитипическая модель «вручения себя», чем модель «договора»¹⁸¹. «По сути, — пишет Г.Дж. Берман, — православие так и не разработало теорий заслуг, возмещения, чистилища и превышения долга. Такие теории считались на Востоке легалистическими»¹⁸².

Таким образом, древнерусское право также имело свою весьма развитую и глубоко укорененную основу, но его специфика не сразу «прочитывается» при классическом, западническом взгляде на проблему. Как представляется, все вышеприведенные наблюдения хорошо демонстрируют отличительные особенности отечественного правопонимания, которое формировалось как на почве славянского архаического мифопоэтического комплекса, так и под влиянием православной доктрины. Представляется важным подчеркнуть, что именно конфессиональный аспект сыграл определяющую роль в формировании специфики отечественного правопонимания.

Примечания

¹ Марченко М.Н. Государство в политической системе общества // Общая теория государства и права. Академический курс: В 2 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т. 1. С. 252.

² См. литературу вопроса: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980; Хачатуров Р.Л. Мирные договоры Руси с Византией. М., 1988.

³ Каштанов С.М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 215; Малингуди Я. Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики // ВВ. М., 1995. Т. 56. С. 69—91.

⁴ Ронин В.К. Обычай, договор и реальность в международных отношениях раннего Средневековья (на материале латинских памятников) // Общество, государство, право России и других стран Европы. Нормы и действительность. Ранний и развитый феодализм. М., 1993. С.80.

⁵ Малингуди Я. Терминологическая лексика русско-византийских договоров X в. // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6. С. 65, 88.

⁶ Там же. С. 67.

⁷ Сергеевич В.И. Русские юридические древности: В 2 т. СПб., 1903. Т. 2. С. 127—128.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149.

⁹ Там же. Стб. 167.

¹⁰ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С. 29.

¹¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 330.

¹² Юрасовский А.В. Прагматический историзм древнерусских летописей // Общество, государство и право России и других стран Европы... С. 78.

¹³ Новосельцев А.П. Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте (постановка проблемы) // Древнейшие государства на территории СССР: МИ 1985. М., 1986. С. 40; Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 114; Бейлис В.М. Ибн Фадлан о «двоевластии» у русов в 20-х гг. X в. // Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы: Чтения, посвященные памяти В.Т. Пашуто. М., 1992. С. 3—5.

¹⁴ Толочко А.П. Структура княжеской власти в Южной Руси в середине IX — середине XIII в.: Дис. канд. ист. наук. Киев, 1989. С. 21—23.

¹⁵ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. С. 207.

¹⁶ ПВЛ. Т. 1. С. 12.

¹⁷ Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 145.

¹⁸ Толочко А.П. Указ. соч. С. 27.

¹⁹ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 90.

²⁰ См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.

²¹ Иванов В.В. Нечет и чет: асимметрия мозга и динамика знаковых систем // Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 1998. Т. 1. С. 516.

²² Ракитов А.И. Философия компьютерной эволюции. М., 1991. С. 155.

²³ Чеснов Я.В. Теократические начала государственности в Восточном Индокитае и миф о чудесном мече // Религия и мифология народов Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1970. С. 15—27; Иванов В.В. Указ. соч. С. 523; Кобищанов Ю.М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизации. М., 1995. С. 265.

²⁴ Стратонович Г.Г. Формы верховной власти в теократических государствах Азии // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973. С. 195—197; Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996. С. 248; Иванов В.В. Указ. соч. С. 529.

²⁵ НПЛ. С.160.

²⁶ ПВЛ. Т.1. С. 111—112.

²⁷ Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 166.

²⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории: Соч. в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 182.

²⁹ Сванидзе А.А. Смерть, убийство и царевубийство в контексте общественных конфликтов и сознания раннеклассового общества Северной Европы // Средние века. М., 1994. Вып. 57. С. 24.

³⁰ Кончакова Н.Б. Проблемы идеологии ранних государств переходного типа // Восток. 1994. № 5. С. 22—32.

³¹ Стратонович Г.Г. Указ. соч. С. 197—198.

³² Мисюгин В.М. Три брата в системе архаических норм наследования власти // Африканский сборник. История, этнография. Л., 1983. С. 85—134.

³³ Толочко А.П. Триумвират Ярославичей в свете трифункциональной теории Ж. Дюмезиля // Образование Древнерусского государства. М., 1992. С. 68.

³⁴ Лотман Ю.М. Семантика числа и тип культуры // Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. С. 18—26; Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 629—631.

³⁵ По этой же модели построены и поздние западно-славянские легенды о Чехе, Лехе и Русе (См.: Мельников А.С. Указ. соч. С. 141).

³⁶ Петрухин В.Я. Три центра Руси: фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык Средневековья. М., 1982. С. 143—158.

³⁷ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 210.

³⁸ Замятин Д.Н. Моделирование геополитических ситуаций // Полис. 1998. № 2. С. 67.

³⁹ Шапов Я.Н. Государство и церковь в Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 60.

⁴⁰ Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. // ВВ. М., 1969. Т. 28. С. 97—103.

⁴¹ Шевяков М.Ю. Менталитет: сущность и особенности функционирования: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Вологод, 1994. С. 16.

⁴² Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 7—35.

⁴³ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 31; Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: МИ 1985. М., 1986. С. 150—151.

⁴⁴ Назаренко А.В. Указ. соч.

⁴⁵ Сванидзе А.А. Указ. соч. С. 24.

⁴⁶ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 152.

⁴⁷ Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — в первой половине XII в. М., 1977; Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 33; Рогов В.А. Указ. соч. С. 55.

⁴⁸ Литаврин Г.Г. Идея верховной государственной власти в Византии и Древней Руси домонгольского периода // Славянские куль-

туры и Балканы. М., 1978. Т. I. С. 53; Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. М., 1986. С. 275.

⁴⁰ Литаврин Г.Г. Указ. соч.

⁵⁰ Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси XI—XII вв.: наследственные разделы и попытки десигнации // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика: IX Международный семинар исторических исследований: От Рима к III Риму. Москва, 29—31 мая. 1989 г. М., 1995. С. 85.

⁵¹ Хотя, по мнению некоторых исследователей, это был дуумвират с его сыном — Владимиром Мономахом (См.: Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 186.

⁵² В период правления Святополка также заметно стремление сохранить подобие триумvirата Русской земли: летопись подчеркивает согласованные действия Святополка, Владимира, Святославичей.

⁵³ Венгеров А.Б. Синергетика и политика // ОНС. 1993. № 4. С. 55—69; Гомаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // Там же. 1994. № 2. С. 99—106; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.

⁵⁴ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 152.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161; Т. 2. Стб. 150.

⁵⁶ Кобищанов Ю.М. Указ. соч. С. 279.

⁵⁶ Гумилев Л.Н. Удельно-лествичная система у тюрок в VI—VIII вв. (к вопросу о ранних формах государственности) // Советская этнография. 1959. № 3. С. 12.

⁵⁸ Багрянородный Константин. Об управлении империей: текст, перевод, комментарии / Под ред. Г.Г. Литаврина, Я.Н. Шапова. М., 1989. С. 140.

⁵⁹ Мыськов Е.П. Золотая Орда в XIII—XIV вв. (политический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2000. С. 18; Кобищанов Ю.М. Указ. соч. С. 282.

⁶⁰ Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 165.

⁶¹ Толочко А.П. Структура княжеской власти... С. 50.

⁶² Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет... С. 153.

⁶³ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983. С. 31; Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998. С. 46.

⁶⁴ См.: Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет... С. 150; Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 167—174; Franklin S., Shepard J. The emergence of Rus (750—1200). L., 1996. P. 249—264.

⁶⁵ Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 188.

⁶⁶ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 1. С. 191.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257.

⁶⁸ Толочко А.П. Структура княжеской власти... С. 58.

⁶⁹ ПВЛ. Т. 1. С. 85.

⁷⁰ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 18, 23.

⁷¹ Флоря Б.Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992. С. 5—50; Петрухин В.Я. К проблеме происхождения древнерусской десятины: «Ветхий завет» и древнерусская традиция // ВЕДС. М., 1996. С. 75—77.

⁷² Свердлов М.Б. Древнерусский акт X—XIV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины (далее — ВИД). Л., 1976. Т. VIII. С. 64; Каштанов С.М. Русские княжеские акты X—XIV вв. // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 99.

⁷³ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 43. С. 78 (далее — ГВНП).

⁷⁴ Там же. № 48; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950. № 9. С. 20 (далее — ДДГ).

⁷⁵ ПВЛ. Т. 1. С. 112, 150, 171; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 318, 320—322, 343, 351, 366—367.

⁷⁶ ПВЛ. Т. 1. С. 115.

⁷⁷ Там же. С. 178—179.

⁷⁸ Рычка В.М. Об одной религиозной традиции в междукняжеских отношениях Средневековой Руси // ВЕДС. М., 1996. С. 84.

⁷⁹ Кузьмин А.Г. Об истоках древнерусского права // Советское государство и право. 1985. № 2. С. 111.

⁸⁰ Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 310.

⁸¹ Российское законодательство X — начала XX в. М., 1984. Т. 1. С. 18; Хачатуров Р.Л. Становление права (на материале Киевской Руси). Тбилиси, 1988. С. 85.

⁸² Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1993. Вып. 1. С. 81.

⁸³ Валеев Д.Ж. Обычное право и начальные этапы его генезиса // Правоведение. 1974. № 6. С. 65—78.

⁸⁴ См.: Хачатуров Р.Л. Становление права... С. 166.

⁸⁵ Валеев Д.Ж. Указ. соч. С. 72.

⁸⁶ ПВЛ. Т. 1. С. 12.

⁸⁷ Там же. С. 14—15.

⁸⁸ Колесов В.В. Указ. соч. С. 124; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 13: Закон имуть от своих обычай.

⁸⁹ Зимин А.А. Феодалная государственность и Русская Правда // Исторические записки. 1965. № 76. С. 231.

⁹⁰ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 112

⁹¹ Венгеров А.Б., Барабашева Н.С. Нормативная система и эффективность общественного производства. М., 1985. С. 263.

⁹² Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций: В 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 18—19; См. также: Селюков Ф.Г. Отечественный опыт экологии культуры в обычном праве // Государство и право. 1992.

№ 10. С. 114; Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 86—87.

⁹³ Claessen H.J.M. The Early State: A Structural Approach. The Early State / The Hague etc. 1978. P. 559—561.

⁹⁴ Kaiser D. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, 1981. P. 3—17.

⁹⁵ Хачатурян Н.А. Политическая и государственная история западно-европейского Средневековья в контексте структурного анализа // Средние века. 1991. Вып. 54. С. 13; Дворниченко А.Ю. К проблеме восточно-славянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 309; Муравский В.А. Закон и актуальное право в правовых системах стран Древнего мира. Екатеринбург, 1996. С. 62.

⁹⁶ Шапов Я.Н. О функции общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 16.

⁹⁷ Краткая Правда // Российское законодательство X — начала XX в. М., 1984. Т. 1. С. 47, ст. 19—20; Пространная Правда // Там же. С. 65, ст. 3—8.

⁹⁸ Черниловский З.М. Русская Правда в свете других славянских судебников // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии. М., 1994. С. 9.

⁹⁹ Алексеев С.С. Теория права. М., 1993. С. 74.

¹⁰⁰ Муравский В.А. Указ. соч. С. 68.

¹⁰¹ Мачин И.Ф. К вопросу о происхождении права // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1999. С. 281—296; Думанов Х.М., Першиц А.И. Мононорматика и начальное право // Государство и право. 2000. № 1. С. 98—103.

¹⁰² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Петроград; Киев, 1915. С. 96.

¹⁰³ Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 113.

¹⁰⁴ Российское законодательство X — начала XX в. М., 1984. Т. 1. С. 64.

¹⁰⁵ ПВЛ. Т. 1. С. 142, 158; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 437; Т. 2. Стб. 321—322, 530.

¹⁰⁶ Графский В.Г. Представления о власти и законе в Средневековой Руси: римско-византийские влияния // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика: IX Международный семинар исторических исследований: От Рима к III Риму. Москва, 29—31 мая. 1989 г. М., 1995. С. 122; Иванов В.В., Топоров В.Н. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 21.

¹⁰⁷ Беневенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр. М., 1995. С. 303—305.

¹⁰⁸ Ондруш К. Семантическая мотивация основных терминов права и торговли у славян и индоевропейцев // Этимология. 1984. М., 1986. С. 178.

- ¹⁰⁹ Российское законодательство... С. 48.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 93.
- ¹¹² Хачатуров Р.Л. Становление права... С. 185.
- ¹¹³ Там же. С. 186.
- ¹¹⁴ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М., 1998. С. 154.
- ¹¹⁵ Свердлов М.Б. Правовой обычай и закон в формировании системы феодального права в Киевской Руси // Древнейшие государства на территории СССР. МИА 1987. М., 1989. С. 22—23.
- ¹¹⁶ Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 73.
- ¹¹⁷ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 152—154; Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 144; Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 90.
- ¹¹⁸ ПВЛ. Т. 1. С. 86; НПЛ. С. 167.
- ¹¹⁹ Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 90.
- ¹²⁰ См., напр.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 245—260; Юшков С.В. Русская Правда: происхождение, источники, ее значение. М., 1950; Тихомиров М.Н. Пособие для изучения «Русской Правды». М., 1953; и др.
- ¹²¹ Хачатуров Р.Л. Становление права... С. 202—204.
- ¹²² Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь. М., 1989. С. 227; Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 229.
- ¹²³ Хачатуров Р.Л. Становление права... С. 203.
- ¹²⁴ Живов В.М. История русского права как лингво-семиотическая проблема // Semiotics and the history of culture: in honor of Jurij Lotman. Slavic studies. Columbus, 1988. Vol. 17. P. 47—65.
- ¹²⁵ Кучма В.В. Феномен рецепции византийского права в Российском военно-уголовном законодательстве Петра I // Античная древность и Средние века. Ставрополь, 1995. Вып. 27: Византия и Средневековый Крым. С. 7.
- ¹²⁶ Седакова О.А. Некоторые методические аспекты зарубежных исследований древнерусской культуры // Культура и общество Древней Руси (X—XVIII вв.): зарубежная историография. М., 1988. Ч. I. С. 162—207.
- ¹²⁷ Шапов Я.Н. Некоторые новые исследования рецепции византийского права на Руси // ВЕДС: спорные проблемы истории. М., 1993. С. 86—87.

¹²⁸ Шапов Я.Н. Византийское и южно-славянское наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 275—290; Свердлов М.Б. Правовой обычай и правовой закон... С. 23; Кучма В.В. Указ. соч. С. 7.

¹²⁹ Черниловский З.М. Указ. соч. С. 9.

¹³⁰ Шапов Я.Н. «Священство и царство» в Древней Руси // ВВ. 1989. Т. 50. С. 133.

¹³¹ Вишневский А.А. Киевская Русь: введение христианства и проблема рецепции византийского церковного права // Правоведение. 1992. № 5. С. 67.

¹³² Живов В.М. Указ. соч. С. 60.

¹³³ Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 398.

¹³⁴ Графский В.Г. Указ. соч. С. 130.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126—127.

¹³⁶ Милов Л.В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослав) // Древнее право. 1996. № 1. С. 206; Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1963.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127.

¹³⁸ См., напр.: Юшков С.В. Русская Правда... С. 365.

¹³⁹ Шапов Я.Н. Византийское и южно-славянское наследие на Руси...; Милов Л.В. Указ. соч.

¹⁴⁰ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 211.

¹⁴¹ Синюков В.Н. Указ. соч. С. 176.

¹⁴² См., напр.: Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52.

¹⁴³ Синюков В.Н. Указ. соч. С. 225.

¹⁴⁴ Гузнов А.Г. Право как явление культуры: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 20—21.

¹⁴⁵ Иванов В.В., Топоров В.Н. Указ. соч. С. 10.

¹⁴⁶ Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское и балканское языкознание. М., 1978. С. 222—223.

¹⁴⁷ Семитко А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 110.

¹⁴⁸ Там же. С. 112.

¹⁴⁹ Иванов В.В., Топоров В.Н. Древнее славянское право... С. 22

¹⁵⁰ Там же. С. 23.

¹⁵¹ Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка: В 5 т. М., 1989. Т. 3. Ч. 2. С. 990—991.

¹⁵² Иванов В.В., Топоров В.Н. Древнее славянское право... С. 24

¹⁵³ Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с князем Владимиром Андреевичем, 1362 г. // Духовные и договорные

грамоты великих и удельных князей / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950. С. 65 (далее — ДДГ).

¹⁵⁴ Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем Тверским Михаилом Ярославичем, 1375 г. // Там же. С. 67.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ См.: Политико-правовые функции ритуала в следующей главе.

¹⁵⁷ Якобсон В.А. Некоторые проблемы исследования государства и права Древнего Востока // Народы Азии и Африки. 1984. № 2. С. 92.

¹⁵⁸ Семитко А.П. Указ. соч. С. 110, 112.

¹⁵⁹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1986. С. 16—23.

¹⁶⁰ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси X—XI вв. Смоленск, 1995. С. 120—121, 150—153.

¹⁶¹ Куббель Л.Е. Указ. соч. С. 102; Рулан Н. Юридическая антропология: Пер. с фр. / Отв. ред. В.С. Нерсисянца. М., 1999. С. 44, 212.

¹⁶² Петрухин В.Я. Указ. соч. С. 152.

¹⁶³ Свердлов М.Б. Древнерусский акт... С. 67; Каштанов С.М. Русские княжеские акты... С. 95.

¹⁶⁴ Рычка В.М. Указ. соч. С. 84.

¹⁶⁵ Ондруш К. Указ. соч. С. 176—178.

¹⁶⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 3. С. 279.

¹⁶⁷ Черепнин Л.В. Из наблюдений над лексикой древнерусских актов (к вопросу о термине «правда») // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии в восточно-славянских языках. М., 1974. С. 211—218.

¹⁶⁸ Нерсисянц В.С. Право и закон. М., 1983. С. 31.

¹⁶⁹ Срезневский И.И. Указ. соч. Т. 2.

¹⁷⁰ Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. Slavia; Pracha, 1963.

¹⁷¹ Золотухина Н.М. «Слово о законе и благодати» — первый русский политический трактат киевского писателя XI в. Илариона // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии. М., 1984. С. 43.

¹⁷² Знаков В.В. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М., 1993. С. 13.

¹⁷³ Цит. по: Степанов Ю.С. Слова «правда» и «цивилизация» в русском языке (к вопросу о методе в семантике языка и культуры) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. XXXI, вып. 2. М., 1972. С. 173.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архитипические модели культуры // Избранные статьи Ю.М. Лотмана. Таллин, 1992. Т.2. С. 348.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Синюков В.Н. Указ. соч. С. 217.

¹⁷⁸ Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 339—340.

¹⁷⁹ Берман Г.Дж. Указ. соч. С. 175—178.

¹⁸⁰ Там же. С. 177.

¹⁸¹ Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя»... С. 345—355.

¹⁸² Берман Г.Дж. Указ. соч. С. 179.

Глава III

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПОДСИСТЕМА

1. Особенности формирования и распределения политической власти

В исследовании функционального аспекта политико-правовой системы Древней Руси принципиальное значение имеет установление специфики и характера становящихся государственных отношений. Пытаясь ответить на вопросы, как формировались органы власти Древнерусского государства, как распределялась, кем и каким образом контролировалась власть, можно выявить сущность политико-правового режима Древней Руси.

К числу специфических условий, сопровождавших становление древнерусской политико-правовой системы, можно отнести уникальное месторасположение Новгорода и Киева. «Главными центрами были Новгород и Киев, расположенные, как в эллипсе, в двух “фокусах” области, втянутой в торговое движение... “Путь из варяг в греки” — ось не только политической карты, но и политической жизни Киевской Руси. Ее единство крепко, пока оба конца пути в одних руках»¹. Возникновение городов такого масштаба, как Новгород и Киев, которые, по данным археологии, в X в. имеют вполне сформировавшийся облик (концентрация власти и церковного управления, усадебная застройка — преобладание наземных жилых домов), связано с объединительной политикой киевских князей. На то, что объединение южного и северного протогосударственных образований с центром в Киеве (условная дата — 882 г. — поход Олега на Киев) является важнейшим этапом складывания Древнерусского государства обращают внимание и современные историки и политологи.

Исследователи единодушно ставят создание укрепленных поселений уже при Олеге в связь с обложением населения данью. Согласно ПВЛ, в 892 г. Олег «нача города ставити». Но прежде им в старом укрепленном центре вместо общинной была посажена княжеская военно-служилая знать. Вначале окняжению подверглись племенные территории, примыкавшие к глав-

ным международным торговым путям, и это не сопровождалось строительством крепостей. На этом этапе племенной центр мог являться либо «пактиотом», данником «мира деля», о чем свидетельствует история подчинения вятичей Киеву², либо, помимо дани, племя могло нести обязанность участия в военных походах киевских князей. Так, древляне уже в начале X в. находились в определенной зависимости от Киева (как полагают И.Я. Фроянов, от полянской общины в целом), принимая участие в военных походах на Византию³. В 913 г. древляне выходят из под власти киевских князей («*затворишася от Игоря*»). В 914 г. «*иде Игорь на древляны, и победивъ, и возложи на ня дань больше Олговы*»⁴.

Но создание собственно государственной сети пунктов, связанных с княжеской властью, начинается с административной реформы княгини Ольги и сопряжено, как известно, с уничтожением племенного центра древлян — Искоростеня — после хрестоматийного сюжета, описанного под 945 г. в ПВЛ. Как полагают ученые, эти завоевания завершились строительством на земле древлян княжеской крепости в Овруче⁵. Лишь после этого Древлянская земля становится составной частью Древнерусского государства. Княгиня Ольга в 946—947 гг. дала «уроки и уставы» не только древлянам, а двинулась затем по всей земле, устанавливая «места и погосты».

По последним археологическим данным, процесс возведения собственно государственных крепостей сопровождался акциями ликвидации местной общинной знати вместе с опорными пунктами ее власти. Эти данные красноречиво свидетельствуют о том, что время строительства княжеских крепостей совпадает с временем массовой ликвидации общинных центров, при этом рядовые поселения земледельцев не сжигались. После ликвидации племенных центров общины вынуждены были подчиниться новым хозяевам — княжеским крепостям⁶.

Сопоставляя время ликвидации автономии союзов племенных княжеств в тех регионах, где расположены их главные города, со временем, которым датируется основание на их территории укрепленного поселения, А.А. Горский приходит к выводу, что ни одного «чистого» случая эволюции центра племенного княжества или союза племенных княжеств в центр волости нет, и, следовательно, при переходе территории под непос-

редственную власть киевских князей обычным было создание нового центра с целью, очевидно, нейтрализовать сепаратизм знати союза племенных княжеств⁷.

Следует заметить, что аналогичное явление прослеживается при образовании западно-славянских государств — Чехии и Польши: здесь также происходит создание новых центров и вытеснение старых⁸. С точки зрения сравнительно-исторического подхода еще больший интерес представляет скандинавский материал, в первую очередь по той причине, что здесь четко прослеживается период параллельного сосуществования двух центров в каждом административно-территориальном округе. Наряду с «тунами» — племенными центрами — с VII в. здесь появляется новый тип поселений — «хусабю». Исследователями он рассматривается как королевская усадьба, управляемая слугами конунга и предназначенная для сбора дани с местного населения⁹. Происходит как бы наложение двух сетей административных центров, соответствующих двум противостоящим системам власти: центральной и местной. На Руси с хусабю сопоставимы погосты. Показательно, что крупнейшие погосты располагались вблизи древнейших племенных центров: Гнездово — под Смоленском, Шестовица — под Черниговом, Сарское — под Ростовом, Городище — под Новгородом¹⁰. Но, как показали раскопки последних лет, Новгород не просто сменил Городище: в городе открыты напластования середины X в., когда жизнь на городище продолжалась, то есть в X в. они сосуществовали. По мнению современных исследователей, подобный дуализм двух соседних центров многое объясняет. В данном случае он обусловлен дуализмом древних вечевых властей Новгорода и князя, чья экстерриториальная резиденция располагалась вблизи города¹¹.

Таким образом, в зависимости от условий, в которых происходила ликвидация политической автономии племенных княжеств, великокняжеская власть выбирала и различные способы реализации своей политики: от прямого уничтожения местной аристократической верхушки до постепенной замены администрации в случае добровольного присоединения. Возражая против непосредственной привязки археологической ситуации к указанным политическим событиям, следует указать на возможность различных причин, вызвавших гибель центров поселений. Вопрос о том, всегда ли уничтожалась местная племенная знать,

нельзя решить только с помощью археологических данных. Ответ на него зависит от того, как интерпретировать сообщения летописей, например, эпизоды с посольствами Олега и Игоря в Византию. Большинство исследователей полагают, что «всякое княжье» договора 944 г. и есть «примученная» местная племенная знать, которая еще в договорах 907 г. и 911 г. титулуется «светлые» и «великие» князья, хотя и «под Олгом сущих»¹². Но некоторые ученые считают, что весь состав посольства был кровно-родственной группой, то есть Рюриковичами¹³.

Заслуживает внимания и такой вопрос, кто эффективней мог представлять центральную власть на местах — посадники из числа высшей военно-служилой знати или сыновья князя в качестве таковых. Интересный сравнительный материал о становлении верховной государственной власти и ее административной системы дает, на наш взгляд, соседняя с Русью Норвегия. Здесь в первой половине X в. первый правитель объединенного государства Харальд Прекрасноволосый провел следующую реформу. Сначала им была создана система сидевших по волостям-фюлькам посадников-ярлов. Затем он дал своим сыновьям сан конунга и разделил между ними страну. В каждом из фюльков он дал сыновьям половину своих доходов, а также право сидеть на престоле на ступеньку выше, чем ярлы, но на ступеньку ниже, чем он сам¹⁴. И те и другие через некоторое время вступили в конфликт друг с другом.

Как полагает А.В. Назаренко, причина конфликта кроется в разнонаправленности двух процессов: наделения сыновей и организации государственной власти на местах¹⁵. Нам же представляется, что формирование династического принципа управления государством не противоречит сути становления государственной административной системы, так как в нашем случае сыновья киевского князя, уже начиная со Святослава, — именно наместники, то есть его представители-управленцы на местах. Не случайно летописец подчеркивает, что киевский князь мог свободно перемещать их из одного города в другой. Они были лично ответственны перед киевским князем за сбор и доставку двух третей дани в столицу, обязаны были защищать управляемую территорию и границы государства, поддерживать общий порядок судом от имени великого князя. Это особенно хорошо прослеживается со времен Владимира. Еще в конце XIX в.

историки обратили внимание на то, что перечень городов, в которые Владимир послал наместниками сыновей, не случаен. Летописец вложил в него особый смысл: наместников получили главным образом города, стоявшие на окраинах складывавшегося государства. Под 988 г. сообщается: *«Бе у него [Владимира] сынов 12: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посади Вышеслава в Новегороде, а Изяслава Полотыске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове. Умершю же старейшему Вышеславу Новегороде, посадиша Ярослава Новегороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимере, Мстислава Тмуторокани»*¹⁶. Современный исследователь проблемы полагает, что потомки Владимира были посланы им прежде всего в те центры племенных княжений, верхушка которых особенно стремилась к отдалению от Киева и противостояла централизации государства¹⁷. В остальных городах роль наместников великого князя, начиная со второй половины X в., исполняла высшая дружинная знать¹⁸.

По мнению Л.С. Васильева, ставка на взаимопроникновение и сращивание клановых близкородственных отношений и административно-политических функций является отличительной чертой государств с традиционным типом политической культуры. Вывод сделан на материале раннефеодального Китая, где основным тезисом формирования административной системы был: «государство — это большая семья»¹⁹. Но, поскольку черты патернализма изначально свойственны отечественной политической культуре²⁰, можно предположить, что Владимир предпочел опереться на близкую родню по сходным основаниям. И хотя исследователи верно отмечают, что система отношений в раннем государстве несводима к нормам семейного и наследственного права, указывают на политические аспекты в посадении Рюриковичей, сменивших племенных князей, существует также обширная литература, в которой подчеркивается патримониальный характер отношений внутри политической элиты в ранний период²¹.

Отсюда вытекает, что на этапе генезиса государства административная реформа Владимира, оперевшегося на сыновей-наместников, имела определяющее значение для устойчивости политической системы Древней Руси. По мнению Н.Ф. Котля-

ра, именно административная реформа Владимира, о которой летопись рассказывает под 988 г., положила конец местному сепаратизму, выбив почву из под ног племенной аристократии: «Этим был нанесен решающий удар родоплеменным отношениям в обществе», — утверждает исследователь²².

Внимание к данному аспекту складывания Древнерусского государства было привлечено с целью подчеркнуть, что оценка административной политики первых правителей как «негосударственной» может проистекать только из нашего неадекватного представления об особенностях реннесредневековых государств с доминирующим компонентом традиционного типа политической культуры. Между тем, если рассматривать формирование идеи государственности в раннесредневековой Европе не с позиций ее сличения с высокоразвитыми античными теориями о публичной власти, а с позиций оценки ее автономного развития из идеи суперсоюза племен, то мы получим совершенно иную картину. Действительно, Средневековое государство было почти полной антитезой государству античному, так как основывалось на личностных отношениях, а не на отвлеченной концепции государства и безличных институтах. По словам И.П. Медведева, в раннесредневековой Европе «место публичного права заняло патримониальное обычное право варварских “правд”, в результате чего произошла как бы приватизация государства, низведение его до ранга *res privata* военного вождя, его родовой собственности и, соответственно, как бы одомашнивание (доместикация) государственных служб»²³. Подобную особенность раннего государства отмечают и другие исследователи. Они полагают, что пока не сложилось строгой административно-бюрократической системы, ключевым элементом в управлении выступал не знак (должность), а сам человек — безотносительно к тому знаку, которым он был отмечен²⁴. Политической мысли раннего Средневековья еще только предстояло выработать основания, на которых *res privata* может превратиться в *res publica*.

Проблема формирования и функционирования административного аппарата, «передаточного звена», имея длинную историографию, все же продолжает оставаться дискуссионной. Так, остается открытым вопрос, на какой же основе складывались отношения внутри политической элиты Древнерусского госу-

дарства. В советской историко-правовой науке прочно утвердилось мнение об этих отношениях как идентичных западно-европейской модели и трактовались исключительно в терминах сюзеренитета — вассалитета²⁵. Влияние работы В.Т. Пашуто, пытавшегося обосновать существование на Руси вассальной присяги омжажа, «рыцарских правд», регулировавших отношения сеньоров с вассалами²⁶, было столь очевидным, что с этого времени феодальный вассалитет в княжеской среде стал прочным историографическим фактом²⁷.

Но некоторые исследователи сегодня настаивают на том, что вассалитет X—XI вв. нет оснований считать феодальным, поскольку отношения внутри правящего слоя опирались на патриархальный юридический быт, что и выражалось соответствующей «семейной» терминологией²⁸. По мнению И.Я. Фроянова, вассальные и семейные отношения для указанного времени практически совпадали: сюзереном выступает князь-отец, а вассалами — сыновья-княжичи²⁹. Вышеназванный исследователь считает, что семейные отношения мешали складыванию субвассалитета, поскольку они есть прямые и непосредственные отношения младших родичей к главе семейства. Промежуточных отношений здесь нет и быть не может. К тому же, отмечает ученый, отсутствие субинфеодации расценивается современными исследователями истории раннего Средневековья стран Западной Европы как проявление незавершенности процесса формирования вассально-ленных отношений³⁰.

Если же посмотреть на проблему шире, не сводя ее к западно-европейским соответствиям, то «недоразвитость» вассалитета для древнейшего периода русской государственности обернется типологически иной формой отношений внутри политической элиты. Как показывают лингвистические³¹ и этнологические³² исследования позднепотестарных и раннегосударственных обществ, первоначально политические отношения оформлялись с помощью старых категорий. В рамках традиционного политического режима большинство новых связей строилось по модели родственных и обозначалось терминами родства, поскольку традиционное мировоззрение было сориентированно на родственные связи, а само общество воспринималось как социальный организм родства. Упоминание соответствующих терминов родства наряду с титулами было обязатель-

ным при обращении к лицам старшего поколения и более высокого социального положения³³.

Это хорошо прослеживается на материале Древней Руси, причем к одному и тому же лицу нередко прилагалось по несколько обозначений: *«присяся Глебовича Всеволод и Володимер ко Всеволоду Юргевичу, рекуще ты господин, ты отецъ, брат наю старейший»*³⁴; *«послаша к нему, глаголюще, ты отец, ты господин, ты брат»*; *«поклонишася Юрью вси, имуще его отцем себе и господином»*; *«выеха князь Ярослав и удари челом князю Костянтину и рече, господине, аз есмь в твоей воли, не выдавайте мя отцю моему князю Мстиславу, ни Володимеру, а сам, брате, накорми мя хлебом»*; *«Ростислав же ему отвеча, брате и отце»*; *«вы быста уладилася с своим братом и сыном Изяславом»*; *«и посла ко Всеволоду, ко уеву своему, в Суждаль и моляся ему, отче, господине»*; *«ты мои еси отец, а ты мои сын, ты же мои брат»*.

В период генезиса раннего государства категории родственных отношений стали использоваться гораздо шире. В терминах родства выражались и отношения власти в процессе руководства всем общественным организмом, управления им. Распространенность этого феномена этнологи объясняют следующим образом. По мнению Л.Е. Куббеля, «основной смысл употребления принципов родства и выражающих их терминов в применении к отношениям власти и властвования, потестарным отношениям, заключен в том, что именно они определяют и обуславливают самым доступным массовому сознанию этого типа общественного развития способом равноправное (или, наоборот, неравноправное) членство в данном обществе, делая индивида в конечном счете субъектом или объектом власти. Универсальность этих принципов... очень скоро привела к искусственному конструированию родственных связей, к возникновению фиктивного родства»³⁵. Другие исследователи также отмечают, что именно благодаря генеалогии (иногда фальсифицированной) легализуются политические связи по восходящей и нисходящей линиям. Объясняется это тем, что в архаическом обществе человек, лишенный генеалогии — «без роду, без племени» — не мог считаться равноправным, а тем более привилегированным членом коллектива³⁶.

А.Е. Пресняков впервые обратил внимание на особое положение княжеского кормильца (с XIII в. — «дядьки»), стоявшего с князем во главе дружины. Первый известный летописям кормилец — Асмуд: «...а *Олга же бяше в Кieve съ сыномъ своимъ детьскомъ Святославомъ и кормилецъ его Асмудъ*». Асмуд упоминается и далее с воеводой Свенельдом: «...*кормилецъ бе его Асмуд и воевода бе Свенелдъ... и рече Свенелдъ и Асмудъ: князь уже почаль, потягнете, дружино, по князе*»³⁷. Иногда одно и то же лицо называется воеводой и кормильцем: при Владимире исследователи указывают на Добрыню, его родного дядю по матери, руководителя его первых выступлений, Новгородского посадника³⁸. Далее: «...и *бе у Ярослава кормилецъ и воевода именовъ Буды [Блуд]*». Кормильцем считают исследователи воеводу-тысяцкого Георгия Симоновича: «...и *бысть посланъ отъ Владимера Мономаха въ Суздальскую землю сий Георгий, дать же ему на руже сына своего Георгия*»³⁹. Дальнейшие летописные примеры также показывают, что кормильцы-дядьки часто находятся не только при малолетних князьях, но и при взрослых, притом со значительным политическим влиянием. Такова, например, фигура Свенельда. Как отмечает А.Е. Пресняков, «при Святославе видим его в положении почти соправителя. Как «воевода отень» он стоит до такой степени рядом с князем, что имя его находим вместе с княжим в договоре Святослава с Цимисхием»⁴⁰. Именно это обстоятельство послужило А.П. Толочко главным аргументом для вывода о том, что Свенельд был диархом-соправителем Святослава⁴¹. Главным же, на наш взгляд, является вывод, сделанный еще А.Е. Пресняковым о том, что «основой политического влияния педагогов-нутрикторов-кормильцев надо признать связь искусственного родства, придававшую кормильцу по отношению к питомцу влияние, аналогичное родительской опеке»⁴².

В современной отечественной литературе на данный аспект складывания отношений внутри правящей элиты обратили внимание в первую очередь этнографы, находя типологические соответствия между институтом кормильства/аталычества в разных странах⁴³. Этот институт, впервые описанный в XIV в., был широко распространен на Северном Кавказе и в Дагестане в XIV—XIX вв. Известно кормильчество в Польше, Чехии, а также в Германии X—XI вв. М.О. Косвен показал существование аталычества у знати раннесредневековых кельтов

в Ирландии, Шотландии, Уэльсе, а также Исландии и некоторых других европейских странах⁴⁴. В период римского завоевания оно было известно галлам, а во II в. до н. э. — III в. н. э. — правящей династии Боспорского царства в Крыму. Не случайно исследователями отмечено, что некоторое сходство с кормильством имеет обычай вассалов посылать своих детей заложниками ко двору правителя, где их воспитывали в соответствующем духе. В этом свете и сообщения летописей о киевских князьях, в дружинах которых были представители старой знати, выглядят более органичными⁴⁵. Г.Г. Литаврин также указывает на категорию знатных лиц в административном аппарате раннесредневековой Болгарии, которая обозначалась термином «вскормленники» хана, то есть «питомцы», связанные с ним узами личной преданности и имевшие какое-то отношение к управлению славянскими провинциями⁴⁶.

Исследователи справедливо отмечают, что кормильство упрочивало связи между правителями и их вассалами и способствовало внедрению княжеского рода в среду вассальной знати, где княжичи-«кукушата» постепенно вытесняли знатные элементы других родов. Вместе с тем сыновья князей росли чужими друг другу и под влиянием своих «кормильцев» вступали в распри⁴⁷. Хотя тот же А.Е. Пресняков указывал и на обратную сторону этого явления. Он писал: «Стремление князей Рюриковичей монополизировать в своих руках княжью власть не дало на Руси кормильству развиваться в крупную политическую силу. Те ростки, из которых у франков с развитием майордомата поднялась династия Каролингов... у нас заглохли без крупных результатов»⁴⁸.

Таким образом, кормильству было предуготовано выполнять важнейшие функции политико-правовой системы: интегративные и адаптивные. По форме кормильство уподоблялось отношениям кровного родства, по содержанию же это был один из важных системообразующих институтов внутри складывающейся политической элиты, который скреплял, дублировал или замещал кровно-родственные связи. Его «конформистская» сущность в период бурного политогенеза выступает со всей очевидностью.

Отвечая на вопрос, как реально распределяется политическая власть между различными социальными группами, не-

обходимо обратиться к рассмотрению особенностей формирования дружинной организации. Многие исследователи отмечают, что в борьбе за сохранение баланса сил лидеры стремятся связать себя с теми, кто готов был исполнять их волю и безоговорочно идентифицировать себя с ними, не претендуя в то же время на их должность. Но оценки этого феномена даются самые разные — от режима военной банды⁴⁹ до класса, совпадающего с административным аппаратом⁵⁰, — что и послужило некоторым исследователям основанием для обозначения стадии раннего Древнерусского государства X в. как «дружинной»⁵¹. Разницу исследователи совершенно справедливо видят в том, что в отличие от простой банды, требованиям которой подчиняются по принуждению, государственному органу начинают подчиняться добровольно, так как признают эту власть легитимной. Возникает «рациональный» тип господства, основанный на осознанном убеждении в законности установленных порядков, в правомочности и авторитете органов, призванных осуществлять власть⁵².

Несмотря на то, что дружина набирается и строится не по родовому принципу, а по принципу личной верности, находится вне общинной структуры общества, она является своеобразной военной общиной, которой руководил князь — первый среди равных. Ее двоичная иерархическая структура: старшая дружина (княжие мужи, члены государственного, военного и хозяйственного управления) и младшая дружина (лица низшей государственной, военной и дворцовой службы) — исследована достаточно полно⁵³. Но далеко не все аспекты данной проблемы можно считать исчерпанными.

В делении дружины на старшую и младшую исследователи справедливо усматривают потребности политической системы в организации структуры административного управления. К этому следует добавить, что этнологи на широком сравнительно-историческом материале отмечают дублирование статусно-возрастных структур общины в иерархических системах управления ранних государств⁵⁴. Кроме того, В.М. Мисюгиным убедительно показано, что «в переходный период от доклассового к классовому» повсеместно складывается ситуация, аналогичная той, что наблюдается в странах африканского региона: наследованию по правилам линейного кровного родства предшествовало наследование группой «социальных сверстников», то есть «прин-

цип смены социально-возрастных статусов доклассового общества» полностью сохранялся⁵⁵.

Так, в среде младшей дружины Древней Руси хорошо заметны подобные различия: «детские», являясь свободными воинами, обладали более высоким статусом, чем «отроки» — слуги, занятые по хозяйству. По летописи выявляется иноземное происхождение некоторой части отроков. Например, отроки князя Бориса Георгий и Моисей были уграми⁵⁶, а отрок Владимира Мономаха Бяндюк — из половцев⁵⁷. Симптоматично, что в старославянском, чешском и словацком языках слово «отрок» означало «раб»⁵⁸. Иными словами, отроки как чужаки, лишённые генеалогии, не могли обладать равным статусом с детскими, так как понятия «родственник» и «человек» совпадали в архаическом обществе Древней Руси. Отроками позднее стали обзаводиться и бояре. Детские же, напротив, сами имели шанс «дорасти» до «старейшей» дружины, то есть до боярского статуса⁵⁹.

Одним из дискуссионных продолжает оставаться вопрос об основании экономических отношений между старшей дружиной и князем. Как представляется, говорить о земельной основе этих отношений применительно к концу X—XI вв. нельзя. В отечественных исследованиях наблюдается необоснованная, на наш взгляд, экстраполяция летописных сведений о княжеских и боярских земельных владениях XII—XIII вв. на весь XI в. и даже конец X в.⁶⁰ Часто наблюдается тенденция к удревнению княжеского и боярского землевладения даже у тех исследователей, которые критически оценивают отсутствие для этого оснований в более ранних отечественных трудах⁶¹. Убедительней, на наш взгляд, выглядит мнение И.Я. Фроянова, который полагает, что «передача в кормление городов и сел носила неземельный характер. Ведь передавалась не земля, а право сбора доходов с жившего на ней населения. Стало быть, вассалитет, строящийся на пожаловании кормлений, не имел феодального содержания, поскольку был лишен земельной основы»⁶².

Пытаясь ответить на вопрос о том, почему отношения, основанные на земельных пожалованиях, развивались слабо, следует указать на несколько своеобразное представление о собственности на землю, сложившееся в Древней Руси. Согласно С.М. Соловьеву, «земли было слишком много, она не имела ценности без обрабатывающего ее народонаселения; главный

доход князя, который, разумеется, шел преимущественно на содержание дружины, состоял в дани, которую князь собирал с племен и которая потом продавалась в Грецию»⁶³. С одной стороны, земля имела в изобилии, с другой — ощущался постоянный дефицит в освоенных участках. При таких условиях земельные пожалования были в значительной степени бессмысленными. Их границы невозможно было четко закрепить. Возможно, это еще одно обстоятельство, по причине которого в Древней Руси долгое время не развивались «классические» земельные феодальные отношения. Как полагает Б.Н. Флоря, «деревенские общины — объект централизованной эксплуатации со стороны воинов, объединенных в составе военной корпорации особого типа — так называемой “большой дружины”, являвшейся одновременно и главной военной силой, и административным аппаратом... В рамках такой модели централизованная эксплуатация оказывалась и единственной формой эксплуатации общинников, и ведущей формой эксплуатации в целом»⁶⁴.

«Сущность феодальной собственности на землю, — пишет А.Я. Гуревич, — это власть феодала над людьми, ее населяющими; под вещной, экономической формой скрывалось личное отношение»⁶⁵. Следовательно, право князя как верховного собственника земли проявлялось в возможности управлять «управленцами»: передавать специальным уполномоченным лицам права сбора дани с тех или иных земель. Представляется, что только в этом смысле уместно говорить о становлении верховной собственности государства на землю. А поскольку в раннем Средневековье военно-служилая знать и государственный аппарат в основном совпадали⁶⁶, в новейшей литературе предлагается определение периода становления Древнерусского государства как «дружинного»⁶⁷, что не может вызывать принципиальных возражений, если речь идет о времени не позднее правления Владимира Святославича. Соответственно, политико-правовой режим, при котором дружина занимает одну из главных ролей в формировании и реализации основных направлений политики и права, следует считать традиционным⁶⁸.

Чтобы понять специфику отношений внутри правящей группы, следует обратиться к более глубокому анализу различий в юридических основаниях вассалитета (как системы отношений личной зависимости, основанной на договоре) и мини-

стериалитета (как службы недоговорного характера). В литературе отмечается, что отношения вассалитета и подданства-министериаляитета являются взаимосвязанными, но все же разными формами господства и подчинения внутри правящей элиты, а также между феодалами и государством⁶⁹.

Н.Ф. Колесницкий, характеризуя взаимоотношения вассалитета и министериаляитета в Западной Европе, отмечает, что в Германии королевская власть использовала государственный министериаляитет как средство, чтобы «создать себе искусственную опору», ибо «он давал то, чего не могла дать ленная система: верных королевских слуг, связанных с монархом узами личной зависимости и служивших ему в силу своего зависимого положения»⁷⁰.

Преобладание подобного типа отношений некоторые исследователи наблюдают в Византии. Как отмечал А.Я. Гуревич, Византия не знала феодального договора, принципа вассальной верности или групповой солидарности пэров. «Вместо тесных “горизонтальных” связей между лицами одинакового статуса преобладали “вертикально” направленные отношения подданных к государю»⁷¹. В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов считают, что типологически русский вариант самодержавия близок византийскому⁷². Конечно, уместно говорить лишь о схожести, но не о тождестве сущности самодержавия в Древней Руси и Византии, как это иногда утверждается в литературе⁷³. Ведь содержание понятия «самодержец» в Византии и на Руси не было равнозначным уже в теории, что можно считать убедительно доказанным⁷⁴.

Здесь, как представляется, нельзя упускать из вида одну важную особенность: влияние идеологического фактора на складывание вертикальных связей. Древнерусское государство, войдя в качестве субцивилизационной структуры в состав восточно-христианского мира, с самой ранней стадии своего развития выстраивало отношения внутри административного аппарата по-иному, нежели это происходило в государствах западно-европейского региона. «Опираясь на представление о верховенстве государства над людьми и классами, заложенное в римско-византийском праве, [эти] монархи обретали господство над всеми своими подданными от знати до простолюдинов»⁷⁵. Именно в силу своей приверженности православной идеологии, неотъемлемой частью которой являлась имперская доктрина власти⁷⁶, формирующаяся древнерусская государственность

старалась опереться не на отношения договора между вассалом и сюзереном, а на отношения «вручения себя» подданных монаршей воле.

Архетипическая обусловленность моделей обоих типов отношений исследована Ю.М. Лотманом. Он указал на глубинные, ментальные связи между различными способами установления отношений «вертикальной» зависимости в обществе и соответствующей им религиозной ориентации.

По мнению известного культуролога, «сложившееся двоеверие (сосуществование языческого и православного мировоззрений. — *И. Ф.*) давало две противоположные модели общественных отношений в Древней Руси. Нуждавшиеся в оформлении отношения князя и дружины тяготели к договорности», тогда как православная доктрина требовала установления отношений безусловного подданства, при которых отношения между властью и подчиненными не получают характера эквивалентности⁷⁷. Господством архетипической модели «договора» в Западной Европе отчасти можно объяснить тот факт, что здесь «передаточное звено» как проводник государственной политики рано становится равноправным субъектом собственности⁷⁸.

Представляется важным отметить возрастающий интерес исследователей к проблеме «вертикальных» связей в административном аппарате. Ушедший было с исторической сцены термин «клиентела» вновь включается в круг современных политических понятий. Еще М. Вебер в своем сравнительно-историческом анализе политического господства использовал понятие «патримониальная бюрократия», сочетающее в себе элементы двух основных типов господства — «традиционного» и «легального». При этом подразумевалось наличие функционального аппарата господства, руководствующегося правом, которое устанавливает господин⁷⁹. Как верно отмечается в литературе, клиентела уходит корнями в догосударственные отношения обмена деятельностью, в практику престижного поведения. Но трудно согласиться с автором, разрабатывающим эту проблему на современном отечественном материале, что клиентела как феномен исторически связана с представлением о договорной, условной природе отношений и является однотипным явлением с вассальной системой Средневековой Западной Европы⁸⁰. Нам представляется, что в паре «патрон — клиент» преобладают отношения безусловной

личной зависимости, приближенной к понятию подданства-министериялитета или «вручения себя», и это особенно характерно для периода становления политико-правовой системы Древней Руси. В другом автор совершенно прав: будучи патриархальным институтом, клиента компенсировала разрушавшиеся традиционные коммуникативные структуры⁸¹.

Исследуя особенности формирования и функционирования политико-правовой системы Древней Руси, нельзя оставить в стороне ее религиозно-идеологическую составляющую. Несмотря на такой существенный признак традиционной политической системы, как синкретичность, нераздельность власти, в изучаемый период заметно усиление функциональной специализации всех отраслей политической деятельности, в том числе выделение религиозно-идеологической. Значение сакрализации должности вождя для окончательного оформления этого политико-правового института сегодня подчеркивается в новейшей литературе⁸². При этом отмечается, что на ранних стадиях государственного развития значение религиозной, сверхъестественной санкции отношений властвования стремительно растет⁸³.

Выше уже отмечалось, что сама этимология слова «князь» указывает на совмещение им в догосударственный период функций светского и духовного правителя. Как подчеркивают исследователи, современники и в X—XI вв. придавали некоторым древнерусским князьям качества волшебников, но реально княжеская власть со времени образования государства была отделена от культа⁸⁴. Обращалось внимание также и на то, что по арабским источникам сакральный компонент власти в Древней Руси обладал приоритетом перед светским. По этому поводу О.М. Раповым было сделано вполне логичное предположение о том, что «перед принятием христианства в восточно-славянском обществе имело место разделение власти между жрецом-знахарем и князем-правителем. Это обстоятельство должно было привести к серьезному конфликту в период становления феодального строя, когда на первое место в стране выдвигался верховный правитель, а служителям культа в этой общественной структуре была отведена лишь подсобная, подчиненная роль»⁸⁵. О силе политического влияния языческих жрецов писал академик Б.А. Рыбаков в своем фундаментальном труде «Язычество Древней Руси», и, как полагает А.А. Вишневский, имеющиеся

сведения (например, события 1024 г., 1071 г.) позволяют заключить, что власть волхвов вполне могла представлять собой реальную оппозицию княжеской власти. «В этой связи, — заключает он, — принятие христианства приобретает особый смысл как попытка княжеской власти реструктурировать сложившуюся политическую организацию в целях усиления княжеской власти и ослабления политического влияния жречества»⁸⁶.

Действительно, прежде чем христианство смогло проявить себя как элемент, стабилизирующий иерархию общественных ценностей, оно привлекло правящий слой новыми политическими возможностями. Сила управленческого потенциала древнерусской церковной организации росла в связи с освоением ею новых земель и неизбежным управлением ими. Любой новый монастырь на окраине Древней Руси превращался не только в административный центр, но и в действенного коллективного пропагандиста мировой религии и идеи государственности.

Консолидирующую роль церкви прекрасно сознавали те представители государственной власти, которые претендовали на наследие единой раннефеодальной монархии XI в. Владимир Мономах предпринял даже попытку сделать духовенство непременным участником княжеских снемов. Именно в этом смысле исследователи толкуют предложение Мономаха Олегу Святославичу в 1096 г.: явиться в Киев «*пред епископы и пред игумены и пред мужи отец наших и пред людьми градскими*»⁸⁷. Сохранению политической роли Киева, за обладание которым боролись практически все княжеские линии, несомненно, способствовало среди других факторов и наличие в нем митрополичьей кафедры.

При традиционном политическом режиме религия, с одной стороны, содействовала легитимации власти через вовлечение части активного населения в политику, а с другой — служила важным средством отвлечения масс от политической деятельности и создания устойчивых сфер неполитической регуляции. Пассивная подданическая культура — норма для традиционного политико-правового режима. Лишь в периоды внешней военной угрозы или смены правителя те же религиозные институты и кадры могли стать организаторами масс и обеспечить политическую поддержку власти.

Подводя итоги изучению особенностей формирования функциональной подсистемы, следует констатировать, что в

конце IX—XI вв. Древняя Русь находилась на стадии оформления раннего государства — дофеодальной монархии. Формирующийся государственно-административный аппарат практически совпадал в это время с дружинной организацией. Иерархия внутри политической элиты еще не имела устойчивого сюзерено-вассального характера, так как не была основана на земельном пожаловании и опиралась на обычай воссоздания искусственного родства. Этот обычай, получая все более ощутимые политические коннотации, характеризовал специфику формирования и распределения власти в обществе. Некоторые институты политико-правовой системы Древней Руси (например, воеводы-кормильцы) содержали в себе механизмы контроля за отделением власти от общества, что обеспечивало ее постепенную ротацию. Лишь в конце XI в., с развитием земельной основы отношений «вертикальной зависимости», то есть по мере генезиса феодализма, произошло некоторое сближение понятий сюзеренитета-вассалитета в Западной Европе и в Древней Руси. Религия же в этот период служила важнейшим модулятором политической активности.

2. Способы и методы осуществления политической власти

Поскольку методам насильственного осуществления власти в историографии уделялось достаточно много внимания, представляется важным исследовать мирные способы движения политического процесса в Древней Руси. Тот факт, что древнерусское общество IX—XI вв., являясь в массе своей вооруженным, добровольно подчинялось эмиссарам княжеской власти — дружинникам, служит свидетельством того, что легитимность публичной власти держалась не столько на страхе наказания за неповиновение, сколько на том, что общество осознавало ее общественно-полезные функции.

Типичным методом осуществления политической власти в древнерусском обществе являлся ритуал. В сущности, политический ритуал можно рассматривать по известной аналогии с политическим процессом. Под ритуалом в широком смысле слова принято понимать стереотипизированные, знаковые формы поведения, не направленные на органически полезные дей-

ствия⁸⁸. Несмотря на то что исследователи признают опосредованное использование ритуала в практических целях⁸⁹, можно констатировать широко распространенное представление о факкультативности, необязательности ритуалов. Между тем есть основания полагать, что для носителей архаического сознания характер связи между ритуалом и соотношенным с ним событием — иной. Для людей Средневековья перемена (или подтверждение) социального статуса, вступление в правоотношения или прекращение таковых было возможно только через ритуал. Пока соответствующие процедуры не были совершены, не менялся и статус человека. Как верно отмечается в новейшей литературе, «схема “событие — ритуал” при всей своей кажущейся естественности не вполне соответствует действительности. На деле... событие существует лишь постольку, поскольку оно воплощено в ритуале»⁹⁰. Ритуал как главный механизм памяти в дописьменной культуре и ритуальная стратегия поведения во многом определяли жизнь человека еще в XIX в. Это еще одна существенная черта традиционного политико-правового режима.

Как символическое выражение важнейших социальных связей ритуал является предметом этнографических исследований. Для нас более важна другая сторона проблемы: ритуал в качестве функционального проявления политико-правовой системы. В этом случае следует учитывать, что политический и/или правовой ритуал должен обладать определенной спецификой, отличающей его от всех иных. Как форма, так и содержание политико-правового ритуала во многом сопряжены со сверхъестественной санкцией, так как должное и недолжное определяется по отношению к мировому порядку в целом как его составная часть. Немаловажное значение имеет и санкция общества, его социально-возрастных групп. Но отличие политико-правового ритуала, очевидно, состоит в том, что выполнение его сценария обеспечивается специальными органами публичной власти.

Ритуальность — неотъемлемое качество всех исторически первых систем права. Отличительной особенностью политико-правового ритуала в период раннего Средневековья является его нерасчлененность не только со сферой сакрального и социального, но и синкретизм политической и правовой нормы и процедуры. Нормы права обычно связаны с определенными процедурами и как бы воплощаются в них. Процедура имеет не

меньшее значение, чем сама норма. Нарушение предписанного ритуала, отход от общепризнанного сценария может свести на нет действенность самой правовой нормы. Это связано со свойством ритуала поглощать событие. Этнологи отмечают немало-важный для историко-правового исследования парадокс: будучи насквозь условным (символичным), ритуал в то же время безусловен в прагматическом отношении. Более того: одна из основных функций ритуала состоит в том, что с его помощью абсолютные, безусловные биологические процессы преобразуются в условные категории. Именно по этой причине появляется возможность «растягивать» во времени смерть и рождение, а с другой стороны, «сводить» в одну «точку» такие длительные процессы, как перемена социального статуса в связи с взрослением и другими состояниями⁹¹.

Конечно, утверждение о том, что процедура в раннесредневековой Руси была важнее самой нормы, было бы некорректным. Известно, что норма — абстрактная модель поведения, рассчитанная на многократное применение. Правоотношение же — результат применения данной модели к конкретному событию. Ритуал как воплощение политической или правовой процедуры собственно нормой не являлся. По своей природе он, скорее, сочетал в себе элементы информации о самой норме и элементы применения данной нормы, а потому с точки зрения общей теории права стоит ближе к правоотношениям, нежели к нормам как таковым⁹².

Важно отметить еще одну важнейшую черту политико-правового ритуала — его публичный характер. В бесписьменном обществе, каким оставалась Древняя Русь в период записи Русской Правды⁹³, соблюдение правовых норм могло быть гарантировано только в том случае, если они выливались в символические процедуры, в публичные действия, производившие глубокое впечатление на всех их участников и откладывавшиеся в их памяти. Ритуал выполнял здесь ту функцию, которую в более цивилизованном обществе выполняет письменный документ. То же можно сказать и о политическом аспекте ритуала: самопредъявление власти обществу всегда осуществлялось публично, это неперемное условие установления (или периодического подтверждения) ее легитимности. Причем на ранней стадии развития политико-правовой системы раннесредневековой

Руси взаимообусловленность политического и правового дискурса выступает особенно ярко. Даже применительно к современности правоведы отмечают, что политическая норма может быть выражена как в нормативно-правовом акте государства, так и в политическом акте непосредственно. Юридическая же норма получает политическое значение в том смысле, что к ее оценке применяется политический подход⁹⁴.

В Древней Руси политический ритуал органически вплелся в ткань очень многих событий, так или иначе имевших отношение к политике: будь то посадение князя на стол, встреча войска из победоносного похода или возведение нового храма. Самым ярким ритуалом, наиболее полно совмещающим в себе многие политико-правовые функции (интегративную, легитимационную, нормативно-регулятивную, охранительную, информационно-коммуникативную, адаптивную), являлось полюдье. Исследователи единодушно характеризуют его как «ежегодное государственное мероприятие, имеющее практическую организационную сущность»⁹⁵. Отмечается также, что полюдье — комплекс полифункциональный, соединяющий в себе экономические, политические, судебные, религиозно-ритуальные, символические и другие функции⁹⁶. Вот как выглядит «полюдье» в трактате «Об управлении империей» Константина Багрянородного: *«Зимний же и суровый образ жизни росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно — в Славинии вервианов (древлян?), друговитов (дреговичей?), кривитеинов (кривичей?), севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепре, возвращаются в Киаву»*⁹⁷.

Полюдье, сопровождаемое дарами, являлось своеобразной формой общения князя с подданными, что, помимо прочего, имело и сакральное значение. Очень примечательно свидетельство Константина Багрянородного о том, что у росов «полюдия» именуется «кружениями»⁹⁸. Примерами подобных «объездов-кружений» богата история Европы раннего Средневековья. Они зафиксированы в Германии, Франции, Нидерландах, Испании, Португалии, Англии, Ирландии, Шотландии, Швеции, Дании, Норвегии, Польше, Сербии, Болгарии, Венгрии. Тако-

го рода объезды вождями управляемой ими территории обнаружены в жизни многих народов Африки, у монгольских кочевников, в Микронезии, на Гавайях, Таити, в Полинезии⁹⁹. К обычаю таких объездов «восходят практиковавшиеся еще в XVIII—XIX вв. “путешествия” (раз или два в году) по своим владениям правителей Абхазии, Имеретии, во время которых они посещали подданных, пользовались их гостеприимством и получали от них подарки»¹⁰⁰.

В Древней Руси политическую функцию полюдья наряду с экономической выделил еще Н.М. Карамзин: «Целию сих путешествий, как вероятно, было и то, чтобы укреплять общую государственную связь между областями или содержать народ и чиновников в зависимости от великих князей»¹⁰¹. На эти две функции полюдья указывали и более поздние историки Древней Руси. Особенно тесно политическая функция переплеталась с судебной. Обходя свои владения, правитель прекращал междоусобные войны, вершил суд, штрафовал нарушителей мира и закона.

Политико-правовой аспект полюдья проявлялся также «в восприятии “объезда” как способа приобретения территории (владения), подтверждение прав на нее» со стороны правителя. Речь в этом случае должна идти скорее всего не о праве собственности на землю, а о праве властвования над определенной территорией и ее населением. Этот объезд мог осуществляться вдоль пограничья с «чужими» землями. Исследователи усматривают здесь реализацию нерасчлененной идеи о суверенитете и собственности на землю главы раннегосударственного образования. Поэтому символичен «не просто факт объезда подвластной ему территории, но объезда по периметру границ или близкому маршруту»¹⁰². Этому соответствует известный по источникам более позднего времени обряд установления границ путем обхода с выполнением определенного ритуала при земельных конфликтах¹⁰³. Ю.М. Кобищанов также отмечает, что «в семиотическом поле архаического мышления объезд территории (на коне или в лодке), обход ее пешком или опаживание ее плугом воспринимался как способ ее приобретения»¹⁰⁴. К тому же объезд сакральным правителем подвластной ему территории означал периодически возобновляемое табуирование или освящение земли, призванное обеспечить живущим на ней людям защиту от внешних враждебных сил и благоденствие¹⁰⁵.

Полюдьё X в. являлось в сущности языческим институтом. Неслучайно между исследователями нет единства мнений по вопросу об участии «полюдного» сбора в обеспечении учрежденной Владимиром древнерусской церкви¹⁰⁶.

Не углубляясь в дискуссию, отметим важную для темы нашего исследования черту: с развитием политико-правовой системы Древней Руси неуклонно усложнялась и система государственных налогов и повинностей. В этой связи языческий контекст ритуально-процессуальной символики полюдьё переосмыслялся в сторону усиления его политических коннотаций. К тому же, оставаясь средством общения князя с населением, а также способом властвования, полюдьё превращалось не столько в княжеский сбор, приближающийся к налогу, сколько в самостоятельный ритуал, аккумулирующий в себе политические (управленческие, интегративные, легитимационные) функции.

Отголосками того, что полюдьё существовало и в более поздний период, и к тому же было связано главным образом с политической функцией, являются следующие сообщения источников. В Смоленской уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича в связи с учреждением Смоленской епископии (1136 г.) в статье 4 говорится: *«И се даю святей Богородици (и) епископу: десятину от всех даней смоленских, что ся в них сходить истых (к)ун, кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдьё»*¹⁰⁷. В жалованной грамоте 1130 г. Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю сказано, что князь жалуют обители волость Буйцы: *«...съ данию, и съ вирами, и съ продажами»* и отдельно оговаривается: *«А яз дал рукою своею и осеннее полюдие даровное, полътретьядесяте гривън святому же Георгиеви»*¹⁰⁸. Экономические функции полюдьё постепенно передавало другим сборам, которые могли осуществлять лица и не княжеского достоинства, специально управомоченные на это княжеской властью.

Говоря о политико-правовом значении полюдьё, важно подчеркнуть его системообразующие, интегративные функции в раннем государстве. Ведь политические отношения и институты в нем развиты относительно слабо, и вместе с тем в нем присутствуют жизнеспособные структуры позднепотестарного, протогосударственного общества. Некоторые исследователи полагают даже, что о государстве, в полном смысле этого слова,

речь может идти только с того момента, когда князь прекращает ездить в полюдье¹⁰⁹. Но для того чтобы возник тип господства, основанный на осознанном убеждении в законности установленных порядков, в правомочности и авторитете органов, осуществляющих государственную власть, требуется не только «переходный период», но и «переходный институт». Одним из таких медиативных институтов, несущих новую иерархию ценностей политически организованному обществу и явился, на наш взгляд, полифункциональный комплекс полюдья. Его интегративные функции проявлялись в регулярности, периодичности проведения ритуала, поддержании в дееспособном состоянии, а иногда и в возрождении политической структуры раннего Древнерусского государства. Вспомним, что практически все великие князья X—XI вв. начинали свою деятельность с восстановления единого государственного пространства: отпадение тех или иных племенных территорий от полянского союза происходило всякий раз, как происходила смена правителя¹¹⁰. Надо полагать, киевские князья восстанавливали политическое единство не только силой, «примучивая» отпавшие племена, но и на добровольной договорной основе, в том числе и через ритуал «презентации» собственной власти над территорией посредством ее объезда. Иными словами, речь шла о мерах антиэнтропийного характера, пресекающих распад политической системы Древней Руси.

Функции поддержания престижа власти, выражения меры согласия общества на подчинение ей выполняли также и другие ритуалы, зафиксированные в Древней Руси: пиры и дарения. Обрядовое происхождение этих социокультурных феноменов не вызывает сомнения. Как отмечает известный историк права, «обычай встречать государя хлебом-солью восходит к древнему дару, получаемому князем в полюдье»¹¹¹. Исконный смысл пиров и общих трапез ясно выражен в том их наименовании, которое сохранилось в летописи, — это «братчина». Люди, участвующие в общей трапезе и сидящие за одним столом, объединены особыми узами — это свои, родные люди. Родство по пище наряду с родством по крови известно самым разным народам¹¹². Как отмечается в новейшей литературе, «связь между властными отношениями и пищей является, по-видимому, глубинным пластом человеческого менталитета, уходящим свои-

ми корнями к социогенезу, но отчетливо фиксируется в современных политических культурах различных народов мира...»¹¹³.

Часто повествуют о пирах эпические песни¹¹⁴. Летописное сказание об этом дано под 996 г.: *«Въ лето 6504 Володимеръ видевъ церковь свершену, вшедь в ню и помолися Богу, глаголя: “Господи боже! Призри с небесе и вижь. И посети винограда своего. И сверши, яже насади десница твоя, новыя люди си... И призри на церковь твою си, юже создах, недостойный рабъ твой въ имя рожшая тя матере, приснодевья богородица”. И помолвишюся ему, рекъ сице: “Даю церкви сей святей богородици от имения моего и от градъ моихъ десятую часть...” И вдасть десятину Настасу Корсунянину. И створи праздникъ великъ въ тѣ день боляром и старцем градским, и убогим раздавая имение много»*¹¹⁵.

Владимир устраивал такие пиры по сходному поводу не один раз. Во время битвы с печенегами Владимир дал обет построить церковь во имя святого Преображения Господня, так как в день этого праздника и произошла битва. Избегнув опасности, Владимир *«постави церковь, и створи праздникъ великъ, варя 300 проварь меду. И съзываше боляры своя, и посадники, старейшины по всем градомъ, и люди многы, и раздавая убогым 300 гривенъ. Праздновавъ князь дний 8, и възрацашеться Киеву на Успенье святыя богородица, и ту пакы сотворяше праздникъ великъ, съзывая бесчисленное множество народа. Видя же люди хрестьяны суца, радывашеся душею и тѣлом. И тако по вся лета творяше»*¹¹⁶ (выделено нами. — И. Ф.).

Сведения о пирах сохранились не только в летописях и былинах. Следы пиров-братчин обнаружены археологами в Новгороде в слое X в.¹¹⁷ Те исследователи, по мнению которых летописные и фольклорные известия о княжеских пирах не являются тенденциозным вымыслом летописца или данью литературной традиции, считают пиры важнейшим механизмом как социально-экономического, так и политического функционирования раннего государства, поскольку они были главным способом перераспределения прибавочного продукта, отчужденного во время полюдья правителем¹¹⁸. Отмечен и демократический характер княжеских пиров, которые собирали в Древней Руси не только членов княжеской дружины, но и представителей всех социальных групп. Как верно отмечает В.Е. Ветловская, такой «состав участников праздничного застолья в начале

былин киевского цикла означает, что былая родоплеменная общность уже осмысляется в более широких пределах — как общность людей, объединенных идеологически и территориально новыми узами сверхплеменной и только складывающейся русской государственности»¹¹⁹. Понятно, что в этом случае пиры могли функционировать одновременно и как политические советы при князе¹²⁰.

Показательно, что на ранних этапах политического развития участники ритуального застолья воспринимали раздариваемое как общественное достояние, что косвенно подтверждается и этимологически. Так, древнерусский книжник, переводя Эклогу, греческий термин «*δημοσία*» «казна» перевел как «людское», то есть общее¹²¹ (собранное в полюдь? — *И. Ф.*). Этнографические данные также подтверждают широкое распространение представлений в ранних государствах об обязанности богатых одаривать и о привилегии «нижестоящих» пользоваться щедрыми дарами. Без раздаривания подарков и других подобных акций невозможно сохранить авторитет и власть. Демонстративная щедрость — эталон поведения правителя в раннеполитическом обществе¹²².

Помимо редиистрибутивной функции, пиры выполняли и другие важнейшие функции — утверждения или повышения социального статуса и личного престижа. По мере нарастания социальной дифференциации в обществе место, занимаемое во время застолья, стало служить одним из главных индикаторов политической иерархии среди принимающих участие в трапезе. Статусная власть как раз и проявляет себя в первую очередь в контроле над ресурсами и регулировании их использования. «Должность, — пишет Л.С. Васильев, — была притягательной отнюдь не потому, что она сулила богатство. Притягателен был престиж. Он, и только он, создавал авторитет и приводил к власти. Власть же давала право руководить и распоряжаться достоянием коллектива, то есть была высшим воплощением общепризнанной шкалы социальных ценностей»¹²³. Пиры как общеполитические праздники являлись продолжением-инверсией ритуала полюдья. Их потлачевидные формы, описанные у многих народов, способствовали не только консолидации общества, снятию политического напряжения, но и посредством «перерегистрации» статусов восстанавливали социальную гармо-

нию в ритуально-процессуальной (самой достоверной для архаического сознания) форме. Происходило то, что современные политологи называют структурирующей политизацией.

Посредством таких ритуалов, как пиры, полюдые, посадение князя на стол и некоторых праздников, имеющих политический контекст, упрочивалась социальная база политической власти правящей элиты, так как усиливалась возможность предвидеть реакцию общества на принимаемые политические решения и корректировать ее прямо в процессе ритуала¹²⁴. Как верно отмечается в литературе, легитимация государственной власти представляет собой взаимообусловленный процесс, с одной стороны, «самооправдания» и обоснования собственной власти со стороны управляющих, а с другой — «оправдания» и признания этой власти со стороны управляемых¹²⁵. Поэтому политическая власть в лице князей Рюрикова дома, церковных иерархов и административного аппарата, обладая символическим капиталом, могла формировать в нормативно-ценностном пространстве древнерусского общества такие новые идеологемы ценностного содержания, усвоение которых изменяло внутренний мир людей и задавало определенные стереотипы восприятия социально-политической действительности.

Характеризуя приемы и методы, используемые для осуществления власти, представляется важным подчеркнуть, что типичным способом урегулирования социально-политических конфликтов также являлся ритуал. На наш взгляд, представляется справедливой точка зрения, согласно которой в доиндустриальных обществах конфликт часто не являлся выражением патологического состояния, а представлял собой адаптивный процесс: не только нормальный, но даже неизбежный и позитивный, если имел регулируемый характер¹²⁶. Ведь конфликты сами по себе — не просто сигналы о дестабилизации власти, а это способ движения политического процесса. Реальная историческая динамика была бы без них невозможна, так как политическое взаимодействие предполагает не только сотрудничество, но, порой, и жесткую конкуренцию.

Политологи определяют политический конфликт как разновидность (и результат) конкурентного взаимодействия двух и более сторон (групп, государств, индивидов), оспаривающих друг у друга распределение властных полномочий и/или ресур-

сов¹²⁷. Они также полагают, что неоднородные внутренние конфликты, налагаясь друг на друга, способны предотвратить глобальный раскол общества.

Как отмечает современный исследователь, ранее в качестве субъектов политических конфликтов рассматривались только классы и государства, а несоциальные группы, тем более — индивиды. Взаимоотношения индивидов, особенно конфликтные, часто рассматривались упрощенно с точки зрения современных моральных оценок и поиска исключительно рационального их объяснения¹²⁸. Так, о почти «звериных» отношениях между членами одной правящей семьи говорилось много в советской литературе. В частности, А.Г. Кузьмин отмечал, что в договоре Игоря с греками каждый член его семьи, включая жену и сына, имеет своего собственного посла, представляющего его интересы. По мнению историка, это свидетельство недоверия даже между ближайшими родственникам¹²⁹. Но, как показали исследования последних лет, в таких ситуациях, как посольство и других репрезентативных случаях, «людность» являлась политической нормой и, скорее, символизировала сильную и почитаемую власть, чем говорила о степени взаимного недоверия¹³⁰.

Конфликт на стадии становления политико-правовой системы Древней Руси проходил в оболочке ритуального, а точнее, являлся таковым по сути. Как уже говорилось в предыдущей главе, он инсценировал структуру нормы: «если — то — иначе». В основе ритуального конфликта изначально лежали две идеи: чередования добра и зла (то есть в применении к политическим отношениям — благотворного и опасного аспектов власти) и периодического восстановления ранее существовавшего, освященного традицией порядка вещей. При этом в ходе «восстановления» обычно создавалась на какое-то время ситуация, полностью отрицающая тот порядок, который надлежало восстанавливать¹³¹. По этнографическим данным, у многих народов ритуальным конфликтом такого рода сопровождалась любая смена правителя, так как с точки зрения архаической психологии промежуток между ушедшим правителем и будущим — время полной неустойчивости, а поэтому и исключительно опасное, требующее особого ритуального регулирования. Порой политическая практика сводилась к тому, что братья, кузены, дядья вынуждены были в честных поединках унич-

тожать друг друга, и трон доставался победителю¹³². Как отмечает Л.С. Васильев, при всем варварстве такого способа наследования в нем был немалый резон: освободившись от соперников, новый правитель чувствовал себя на троне много уверенней, что было прежде всего в интересах самой структуры¹³³. Успехи, достигнутые Древней Русью в период единоподержавного правления Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, подтверждают этот тезис.

Таким образом, рассмотренный выше ритуально-процессуальный способ функционирования политико-правовой системы позволяет заключить, что многие проявления социально-политической жизни Древней Руси выражали сущностное содержание традиционного политико-правового режима. В новейшей литературе подобный режим характеризуется как совокупность политических обычаев, традиций, нравственных норм и возникающих на их основе общественных отношений, в которых выражен традиционный образ и стиль формирования и проведения в жизнь политических интересов¹³⁴. Его важнейшая черта — воспроизведение компонентов и признаков политической системы — по сути является функцией всей политико-правовой системы Древней Руси. Ведь именно в стадии переходного периода нагрузка падает на функции самосохранения и саморегулирования общества. Наиболее органичной формой их осуществления являлся политико-правовой ритуал. Он компенсировал отсутствие четко дифференцированной инфраструктуры государственных и негосударственных, правовых и неправовых институтов. Посредством ритуала в раннесредневековой Руси осуществлялись одновременно все функции политико-правовой системы: интегративная, легитимационная, нормативно-регулятивная, охранительная, информационно-коммуникативная, адаптивная и др. Позднее, начиная с конца XI в., князья, боярство и вечевые структуры активней включились в процесс распределения и контроля власти, что и привело в конечном счете к формированию трех различных типов политических режимов: монархического — во Владимиро-Суздальской Руси, аристократического — в Галицко-Волынской Руси, демократического — в Новгородской и Псковской землях.

Примечания

¹ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 319, 324.

² См. под 966 г.: Святослав «перая» их дань у хазар; затем Владимир в 981 г. снова «вятичи победи и възложи на ня дань от плуга» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65).

³ ПВЛ. Т. 1. С. 23.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 42.

⁵ Она впервые упоминается как резиденция князей под именем Вручай под 977 г. (см.: Там же. Стб. 74—75).

⁶ Тимошук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 179—182.

⁷ Горский А.А. Политические центры восточных славян и Киевской Руси: проблемы эволюции // Отечественная история (далее — ОИ). 1993. № 6. С. 159.

⁸ Рогов А.И., Флоря Б.Н. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X—XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982. С. 260—261.

⁹ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 103.

¹⁰ Там же. С. 105.

¹¹ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси X—XI вв. Смоленск, 1995. С. 162; Ср.: Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов Древней Руси (X—XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 54.

¹² ПВЛ. Т. 1. С. 24, 25.

¹³ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 53—54; Назаренко А.В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками в связи с политической структурой Древнерусского государства // ВЕДС: политическая структура Древнерусского государства: VIII чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1996. С. 63.

¹⁴ Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1995. С. 60—61.

¹⁵ Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: МИ 1985. М., 1986. С. 155.

¹⁶ ПВЛ. С. 83; НПЛ. С. 159.

¹⁷ Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 86.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75, 125.

¹⁹ Васильев Л.С. Проблема генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983. С. 255.

²⁰ Ермоленко Т.Ф. Патернализм в политической культуре России // Российская историческая политология. Ростов н/Д, 1998. С. 223—228.

²¹ Ловмянский Г. Происхождение славянских государств // Вопросы истории. 1977. № 12. С. 188—189; Макова Е.С. К истории генезиса и развития феодальной земельной собственности у южных и западных славян // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979. С. 143; Тржешик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего Средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных государств и народностей. М., 1997. С. 126.

²² Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 28.

²³ Медведев И.П. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI—XVII вв. Л., 1990. С. 7.

²⁴ Васильев Л.С. Указ. соч. С. 169.

²⁵ Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939; Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.

²⁶ Пашуто В.Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

²⁷ См., напр.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982; Черепнин Л.В. О характере и форме Древнерусского государства // Исторические записки. 1972. № 89. С. 353—408; Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XII в. М., 1977; Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 214—219.

²⁸ Фроянов И.Я. Рабство и данничество. СПб., 1996. С. 380.

²⁹ Он же. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 53.

³⁰ Там же. С. 54.

³¹ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских терминов: Пер. с фр. М., 1995; Иванов В.В., Топоров В.Н. К истокам славянской социальной терминологии // Славянское и балканское языкознание. М., 1984. С. 87—98; Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. М., 1986. С. 278—288.

³² Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 117; Потестарность: генезис и эволюция. СПб., 1997. С. 103.

³³ Бочаров В.В. К динамике потестарно-политических процессов в Восточной Африке: проблемы исторической преемственности // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 142.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 387.

³⁵ Куббель Л.Е. Указ. соч. С. 117.

³⁶ Потестарность... С. 104; Рулан Н. Юридическая антропология: Пер. с фр. / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1999. С. 55.

³⁷ НПЛ. Т. 1. С. 9, 12.

³⁸ На особую роль дяди по матери у индоевропейских народов указывал Э. Бенвенист (см.: Бенвенист Э. Указ. соч. С. 186).

³⁹ Цит. по: Насонов А.Н. Указ. соч. С. 63.

⁴⁰ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 199.

⁴¹ Толочко А.П. Структура княжеской власти в Южной Руси в середине IX — середине XIII в.: Дис. канд. ист. наук. Киев, 1989. С. 26.

⁴² Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 200.

⁴³ Гарданов В.К. «Кормильство» в Древней Руси // Советская этнография. 1959. № 6; Косвен М.О. Аталычество // Там же. 1935. № 2.

⁴⁴ Косвен М.О. Указ. соч. С. 56—59.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 33.

⁴⁶ Литаврин Г.Г. Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в.) // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 260.

⁴⁷ Кобищанов Ю.М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизации. М., 1995. С. 292.

⁴⁸ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 200.

⁴⁹ Strayer J.R. On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton, 1973. P. 13.

⁵⁰ Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989.

⁵¹ См., напр.: Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и государственных образований в Северо-Восточной Европе // ДГВЕ: МИ 1992—1993 гг. М., 1995; Котляр Н.Ф. Между язычеством и христианством (эволюция древнерусской государственности в X веке) // ВЕДС: язычество, христианство, церковь. М., 1995; Он же. Древнерусская государственность. СПб., 1998.

⁵² Даркевич В.П. Указ. соч. С. 54.

⁵³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Петроград; Киев, 1915. С. 27—28; Юшков С.В. Указ. соч. С. 31—33; 144—146; Греков Б.Д. Указ. соч. С. 338—346; Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 185—229; Горский А.А. Древнерусская дружина... С. 25.

⁵⁴ Бочаров В.В. Указ. соч. С. 243—244.

⁵⁵ Мисюгин В.М. Три брата в системе архаических норм наследования власти // Африканский сборник. История, этнография. Л., 1983. С. 87.

⁵⁶ ПВЛ. Т. 1. С. 91; Киево-Печерський патерик / Изд. підгот. Д.І. Абрамович. Київ, 1930. С. 102.

⁵⁷ ПВЛ. Т. 1. С. 149.

⁵⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1967. Т. 3. С. 172.

⁵⁹ Наряду с посадниками у А. Боголюбского детские имели свои дома (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 370).

⁶⁰ Рапов О.М. Указ. соч.; Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983; Он же. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997; Горский А.А. Древнерусская дружина...

⁶¹ См.: Котляр Н.Ф. К истории возникновения нормы частного землевладения в обычном праве Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 152.

⁶² Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 88.

⁶³ Соловьев С.М. Истоия России с древнейших времен: Соч. в 18 кн. М., 1991. Кн. 13. С. 17.

⁶⁴ Флоря Б.Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // ОИ. 1992. № 2. С. 56.

⁶⁵ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 23.

⁶⁶ Горский А.А. Древнерусская дружина... С. 32—33.

⁶⁷ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // ДГВЕ: МИ 1992—1993 г. М., 1995; Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность...

⁶⁸ Зеркин Д.П. Основы политологии. Ростов н/Д, 1997. С. 132; Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998. С. 128; Шанин А.А. Политический режим: сущность, содержание, типология: Дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. С. 97.

⁶⁹ Колесницкий Н.Ф. К вопросу о германском министералитете X—XII вв. // Средние века. М., 1961. Вып. 20; Бессмертный Ю.Л. Система внутриклассовых отношений среди сеньоров Северной Франции и Западной Германии в XIII в. // Там же. М., 1967. Вып. 30; Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в Средневековой Руси (к постановке проблемы) // ИСССР. 1991. № 4.

⁷⁰ Колесницкий Н.Ф. Указ. соч. С. 54.

⁷¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 203.

⁷² Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Указ. соч. С. 62.

⁷³ Рапов О.М. О некоторых аспектах княжеского землевладения в Киевской Руси // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 103—105.

⁷⁴ Литаврин Г.Г. Идея верховной государственной власти в Византии и Древней Руси домонгольского периода // Славянские культуры и Балканы. М., 1978. Т. I. С. 53; Чичуров И.С. Политическая идеология Средневековья. Византия и Русь. М., 1990. С. 152.

⁷⁵ Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998. С. 334.

⁷⁶ Литаврин Г.Г. Идея верховной государственной власти... С. 51; Оболенский Д. Указ. соч. С. 310.

⁷⁷ Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архитипические модели культуры // Избранные статьи Ю.М. Лотмана. Таллин, 1992. Т. 2. С. 346.

⁷⁸ Бессмертный Ю.Л. Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д, 1980. С. 22.

⁷⁹ Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 136.

⁸⁰ Афанасьев М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. 1994. № 1. С. 121—126.

⁸¹ Там же.

⁸² Кучма В.В. Государство и право Древнего мира. Волгоград, 1998. С. 21.

⁸³ Куббель Л.Е. Указ. соч. С. 84.

⁸⁴ Шапов Я.Н. «Священство и царство» в Древней Руси // ВВ. 1989. Т. 50. С. 132.

⁸⁵ Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 53.

⁸⁶ Вишневский А.А. Киевская Русь: введение христианства и проблема рецепции византийского церковного права // Правоведение. 1992. № 5. С. 63.

⁸⁷ Бибииков М.Б. Русь и Византия: встреча культур. (Обзор новейшей отечественной историографии) // Русь между Востоком и Западом: культура и общество X—XVII вв. М., 1991. Ч. III. С. 23.

⁸⁸ Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 51; Ср.: Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 32.

⁸⁹ Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 162.

⁹⁰ Байбурин А.К. Ритуал: между биологическим и социальным // Фольклор и этнографическая действительность. М., 1992. С. 19.

⁹¹ Там же.

⁹² Прокофьев С.Г. Онтологическая и гносеологическая функции языка в правовых нормах // ВМГУ. Сер. 11, Право. 1999. № 3. С. 105.

⁹³ Свидетельства новгородских берестяных грамот о высокой грамотности среди городского населения XII—XIII вв., к сожалению, нельзя распространять на все население формирующегося Древнерусского государства.

⁹⁴ Марченко М.Н. Государство в политической системе общества // Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т. 2. С. 68.

⁹⁵ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 321.

⁹⁶ Кобищанов Ю.М. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории... С. 236.

⁹⁷ Багрянородный Константин. Об управлении империей: текст, перевод, комментарии / Под ред. Г.Г. Литаврина, Я.Н. Шапова. М., 1989. С. 51.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М., 1982. С. 169.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 106.

¹⁰² Назаров В.Д. Полюдьё и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации. (Ранний и развитый феодализм). М., 1988. Ч.1. С. 164.

¹⁰³ См.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России: Прил. 1: Символизм в древнем русском праве. М., 1988. С. 482—506.

¹⁰⁴ Кобищанов Ю.М. Указ. соч. С. 247.

¹⁰⁵ Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1983. С. 262.

¹⁰⁶ Ср.: Шапов Я.Н. Государство и церковь в Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 76—79; Фроянов И.Я. Рабство и данничество. СПб., 1996. С. 480—483.

¹⁰⁷ Российское законодательство X — начала XX в.: т. М., 1984. С. 213.

¹⁰⁸ ГВНП. М.; Л., 1949. № 81. С. 140.

¹⁰⁹ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М., 1998. С. 166.

¹¹⁰ ПВЛ. С. 20—23.

¹¹¹ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С. 185.

¹¹² См. об этом подробно: Фрезер Дж. Указ. соч.; Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1986.

¹¹³ Потестарность... С. 37.

¹¹⁴ Липец Р.С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 127—131.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124.

¹¹⁶ Там же. Стб. 125.

¹¹⁷ Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 257.

¹¹⁸ Гуревич А.Я. Нескромное обаяние власти // Одиссей. М., 1995. С. 67—75; Дворниченко А.Ю. К проблеме восточно-славянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 306; Попов В.А. «Хождение в Абомей в сухое время года», или к вопросу об инверсиях полюдьё // Там же. С. 324—330.

¹¹⁹ Ветловская В.Е. Летописное осмысление пиров и дарений в свете фольклорных и этнографических данных // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1987. Вып. 10. С. 67.

- ¹²⁰ Киево-Печерський патерик... С. 19.
- ¹²¹ Милов Л.В. О происхождении Пространной Русской Правды // ВМГУ. Сер. 8, История. 1989. № 1. С. 10.
- ¹²² См. об этом подробнее: Потестарность... С. 108—121.
- ¹²³ Васильев Л.С. Указ. соч. С. 29.
- ¹²⁴ Захаров А.В. Народные образы власти // Полис. 1998. № 1. С. 28.
- ¹²⁵ Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения // ОНС. 1998. № 6; Кислицин С.А., Кутырев Н.П. Политико-правовые системы и режимы в истории России // Российская историческая политология. Ростов н/Д, 1998. С. 55.
- ¹²⁶ Рулан Н. Указ. соч. С. 44.
- ¹²⁷ Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 1998. С. 367.
- ¹²⁸ Фроянов И.Я. Древняя Русь. СПб., 1995. С. 82.
- ¹²⁹ См., напр.: Откуда есть пошла Русская земля. М., 1986. Т. 2. С. 17.
- ¹³⁰ Гуревич А.Я. Нескромное обаяние власти // Одиссей. М., 1995. С. 67.
- ¹³¹ Куббель Л.Е. Указ. соч. С. 102.
- ¹³² Servise E.R. Origins of the State & Givilisation. The Process of Cultural Evolution. N.Y., 1975. P. 122.
- ¹³³ Васильев Л.С. Указ. соч. С. 37.
- ¹³⁴ Зеркин Д.П. Указ. соч. С. 135; Дегтярев А.А. Указ. соч. С. 128; Шанин А.А. Указ. соч. С. 97—98.

Глава IV

КОММУНИКАТИВНАЯ ПОДСИСТЕМА

1. Понятие политико-правовой коммуникации и символизма

В основе понятия «коммуникативная подсистема» лежит понятие «коммуникация». Из множества существующих определений этого термина представим несколько наиболее нам близких: «Коммуникация есть передача информации, идей, эмоций, навыков посредством символов — слов, изображений и др.»; «Коммуникация — это механизм, посредством которого реализуется власть и право»¹. Одно из определений понятия «власти» определяет ее как коммуникацию и кооперацию в отношениях между людьми². Коммуникативный подход видит в политике особый способ общения, взаимодействия субъективных интересов, благодаря которому становится возможным существование различных форм социума³. Исходя из этого политика определяется как типичный вид коммуникативной деятельности, осуществляемый также и в знаковой форме⁴.

Коммуникативная подсистема, так же как и функциональная, выражает процессуальный аспект политико-правовой системы. К тому же коммуникативная подсистема характеризует эффективность функциональной, поскольку в процессах управления основная нагрузка падает именно на обеспечение коммуникативных связей, при которых не просто совершается оборот политической и правовой информации, а осуществляется передача смыслов. В семиотической перспективе процесс возникновения и развития политико-правовой системы Древней Руси может рассматриваться, в частности, и как процесс коммуникации. При таком подходе важно учитывать, что постоянно поступающая новая информация (исходит ли она непосредственно от государственного органа или от любой другой структурной единицы системы) обуславливает ту или иную ответную реакцию со стороны общественного адресата. Другими словами, политическая коммуникация подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элит к массе, а весь диа-

пазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое различное влияние на политику. При этом важно, как осмысливаются соответствующие события, какое значение им приписывается в политико-правовой системе. Политическая коммуникация включает в себя и вертикальное, и горизонтальное политическое взаимодействие. Это постоянное движение сторон от единства к противоречию и обратно, в котором одинаково важны и конфликт, и консенсус. Как представляется, рассмотрение политико-правовой системы с точки зрения коммуникативного подхода позволит конкретизировать процесс становления норм и институтов, обеспечивающих как ее самосохранение, так и развитие.

Обращение к данной стороне проблемы отнюдь не означает смешивание историко-правовой тематики со сферами других научных дисциплин или растворение ее в гуманитарном контексте истории, социологии, культурологии. Это прежде всего необходимый учет того, что и политика, и право способны воплощаться в разнообразных проявлениях культуры, и их объективный анализ требует привлечения не только вербальных, но и невербальных источников, особенно при фрагментарности и тех, и других в исследуемый период.

Коммуникативный подход к исследованию политики не является нововведением. Еще Т. Гоббс называл политические коммуникации «нервами государственного управления». Эту основополагающую идею в нашем столетии использовал К. Дойч в своем труде «Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля» (1963), определяя политическую систему как сеть коммуникаций и информационных потоков. По мнению Дойча, правительство (как субъект государственного управления) мобилизует политическую систему путем регулирования информационных потоков и коммуникативных взаимодействий между системой и средой, а также между отдельными блоками внутри системы⁵.

Известно, что политико-правовое регулирование осуществляется преимущественно на информационном уровне. Политико-правовая информация передается посредством языковых, знаковых средств. При этом следует учитывать, что коммуникация подразумевает действия, сознательно ориентированные на их смысловое восприятие, а естественный язык является лишь одной из

систем семиосферы, объединяющей в себе различные знаковые системы⁶. Являясь совокупностью однородных символов, и политика, и право могут выступать языком особого рода, специфическим способом организации информации. В любых доиндустриальных обществах, в том числе в древнерусском, знаковые, символические коммуникации между субъектами политических и правовых отношений имели значительно большую актуальность, чем в новое и новейшее время. М. Блок справедливо считал, что «в Европе IX—XI вв. не было такой службы или технического средства, которые заменяли бы личный контакт»⁷. В силу неразвитости государственно-административной инфраструктуры, практического отсутствия дорог и слабого распространения письменности символические средства в политико-правовой коммуникации раннесредневековой Руси выступают не только специфическим, но и основным способом объективации политических и правовых отношений. Значение невербальных сигналов в осуществлении управленческих коммуникаций трудно переоценить. По некоторым сведениям даже сегодня в процессе общения людей от 60 до 80 % организационных коммуникаций осуществляется за счет невербальных средств передачи информации⁸.

Определение понятия «политико-правовая символика» сопряжено с предварительным выяснением смысла термина «символ». А.Ф. Лосев обращает внимание на тот факт, что в литературе, в той или иной мере касающейся проблем символа, насчитывается около 60 дефиниций последнего⁹. Одна из них гласит: «Символ — это некоторая знаковая структура, служащая для обозначения идеального содержания, отличная от ее непосредственного предметного бытия, открывающегося органам чувств»¹⁰.

Фактически, в качестве символа может выступать любой природный или культурный объект, получивший некое семиотическое осмысление, в том числе и по своей форме, цвету, материалу, способу изготовления и т. д., а также любое событие, действие или слово. В этом плане символ может быть охарактеризован как особый код, в котором аккумулируется и посредством которого хранится и передается определенная социальная, в том числе и политико-правовая, информация. Символ — это своего рода «знак знака». Если знак может быть сведен к своему смыслу, то символ может быть только соотнесен с другими символическими комплексами, смысл которых также неоднозначен.

Вопрос о связи между действительностью и ее символическим удвоением является одним из основных в культурологии. Для исследователей, занимающихся выявлением семантики символов и определением их семиотического статуса, представляется очевидным, что «символы — это не таинственные, не наблюдаемые образования, находящиеся вне человеческих голов, а скорее ткань каждодневной коммуникации»¹¹. Уже в Средневековье субъекты политико-правовых отношений различали степень информативности символов, различая образы «подобные» и «неподобные». При этом «мир не воображали символическим, его таким воспринимали»¹².

Несмотря на бесспорную важность изучения политической и правовой символики, в отечественной государственно-правовой науке это направление развивается недостаточно активно по сравнению с зарубежной¹³. Впервые в русской историографии этот круг вопросов был рассмотрен П.Д. Колмыковым. По его мнению, юридические символы и обряды были поэтическим выражением внешней, материальной стороны правовых идей на «младенческой» стадии развития общества. В «юношеском возрасте» человечество переходит к более абстрактным, кратким, «многозначным» изречениям-формулам, «мерным, часто рифмованным», что отражает в «умственной зрелости народа» смену «чувственной» поэзии поэзией слова. Наконец, в «мужском возрасте» человечества юридическая мысль нашла выражение в юридической прозе — «бесчисленных видах из устного и письменного делопроизводства»¹⁴. По понятным причинам исследователя критиковали за идеалистичность этого построения¹⁵. Однако несомненной заслугой П.Д. Колмыкова является определение задачи специального изучения символических обрядовых действий и словесных формул как предьстории древнейших русских актов.

Наиболее обстоятельно некоторые из вопросов, поднятых П.Д. Колмыковым, были рассмотрены А.Г. Станиславским, который указал значительное число юридических символов и формул, по обычаю используемых для закрепления сделок. Была сделана попытка определить назначение символов, формул и актов, указаны источники для исследования юридического символизма: грамоты, летописи, писцовые книги, этнографический материал¹⁶.

Уже в начале нашего столетия Н.П. Павлов-Сильванский посвятил этой теме очерк «Символизм в древнем русском пра-

ве»¹⁷. О проводниках-символах как агентах коммуникации между «коллективными единствами» в истории писал в 20-е гг. П.А. Соколин¹⁸. Проблема символизма средневекового сознания тогда же была поставлена П.М. Бицилли¹⁹. В дальнейшем это направление исследований долгое время оставалось без внимания.

В настоящее время отечественные ученые затрагивают данную проблематику, но лишь отчасти. Следует назвать имена Н.Н. Вопленко²⁰, А.И. Демидова, Д.А. Мисюрова, С.Г. Прокофьева, В.Н. Синюкова. Указанные авторы рассматривают политический и правовой символизм в приложении к современности.

Представляется, что недостаток внимания к исследуемым вопросам обусловлен преобладанием в отечественной науке узкорационалистических исследовательских концепций, для которых характерна тяга к однозначному восприятию связи «субъект — знак — обозначаемый объект». Признавая условность символов, рационалистическое сознание неизбежно стремится признать их необязательность для системы ценностей той или иной политико-правовой общности. Они объявляются «всего лишь» символами, что и ведет к невниманию к данному аспекту исследования политико-правовой системы.

Между тем политико-правовые символы раннесредневекового общества представляют непосредственный научный интерес, поскольку органически связаны с сознанием, которое иначе воспринимало и осваивало мир, нежели сознание человека нового времени. Как отмечается в новейшей литературе, «утрата исторической памяти не снимает проблему метафоричности юридического сознания»²¹. По совершенно справедливому замечанию В.Н. Синюкова, «кроме “материи” права есть еще и его “дух”, “аура”, “символы” и “образы”, которые не менее императивны и реальны, чем “правоотношения” и “акты применения”, и которые либо вообще не существовали для нашего материалистического правоведения, либо выводились им за рамки собственно юридической проблематики»²².

Политико-правовая знаковая система способна регулировать поведение только тогда, когда адресуемая информация воспринята сознанием личности (или коллективным сознанием группы, что наиболее актуально для Средневековья) и трансформировалась в мотив ее деяния. Поэтому информационный аспект нельзя отрывать от психологического.

Ученые констатируют наличие прямой связи между символом и иррациональными формами мышления. Так, психолингвистические исследования отечественного психолога А.Р. Лурии в области исторической психологии выявили слабый уровень теоретического мышления у человека доиндустриального общества, а также иную функцию слова в процессе мышления: «Слово, осуществляющее в теоретическом мышлении функции абстракции и кодирования предметов в понятийные системы, здесь служит средством воспроизведения наглядно-действенных ситуаций»²³. Современные юристы добавляют к этому, что юридическое сознание отличается высокой степенью консерватизма, что в конечном счете связано с охранительной направленностью деятельности человека в сфере права и государства. Это влечет за собой тот факт, что и сегодня правовые понятия часто представляют собой метафоры. В основе же всякой метафоры, включая и юридическую, лежит сравнение объекта с каким-либо другим предметом, явлением или процессом, которые более известны сравниваемому или считаются им более известными либо понятными. Поэтому правовые понятия-метафоры всегда связаны с уже существующими представлениями человеческого сознания об окружающем мире и играют большую роль в формировании правосознания. Политологи также отмечают, что требования рациональности неизбежно приходят в некоторое противоречие с массовым характером самого политического действия, где решающую роль играют ценностные элементы политической реальности²⁴.

Как верно отмечается в литературе по истории европейского Средневековья, мы имеем здесь дело с особым, отличающимся от современного, типом символизации, и следовательно, с иным типом мышления, нуждавшимся в наглядном, чувственно-осознаваемом воплощении абстрактных понятий и способным их заменять самыми разнообразными реалиями. Вместе с тем «“примитивное” (“архаическое”, “варварское”) сознание ни в коей мере не примитивно, но оно существенно отличается от современного рационалистического сознания иным способом расчленения и организации действительности, способом, вряд ли менее логичным и последовательным, чем наш, и — главное! — вполне соответствовавшим потребностям общества, выработавшего народное право»²⁵.

2. Символизм как специфический способ выражения политико-правовой коммуникации в Древней Руси

Оставляя вопрос о соподчинении различных видов символов, способствующих объективации политико-правовой материи, представляется достаточным охарактеризовать символы-акции и предметно-объектные символы, которые, в свою очередь, включают условно-графическую символику: геральдические и сфрагистические знаки, изображения на монетах и других предметах. Что касается символов-акций, то это не просто действия с применением символов, а действия, сами выступающие как символ²⁶. При этом, если символы-акции имеют определенный устоявшийся сценарий, их можно отождествлять с ритуально-процессуальными. Ритуал как особый способ функционирования традиционного политико-правового режима был рассмотрен в предыдущей главе. Здесь остается подчеркнуть, что ритуал одновременно выступал и способом осуществления политической и правовой коммуникации.

Понять значение символов-акций для формирующегося политического и правового сознания помогает такое явление, как борьба со знаками власти — демонстративное разрушение политико-правовой символики противника. Для современного понятия политико-правовой культуры поведение древнерусских князей, зачастую шокирующее своей жестокостью и нелогичностью, не является ни культурным, ни политическим. Но если принять, что в рамки культурного поля входят не только лучшие ее достижения, но и процесс их становления и развития (включая «теневые» явления внесистемного характера), то любое поведение приобретает статус политического, если оно характеризует отношения по поводу власти, и статус культурного, если имеет символический смысл. Поэтому ошибочно представлять войну с символами только с рационалистических позиций, с которых она справедливо оценивается как абсурдная. Следует заметить, что архаическое, во многом иррациональное мышление слабо различает символ и реальность, которые он обозначает. Более того, в периоды социально-политических кризисов усиливается тенденция к отождествлению символа и власти даже в современных политических культурах²⁷.

Так, выше мы касались политического значения проводимых Владимиром религиозных реформ: языческой и христианской. Легитимационная и интегративная функции первой из этих реформ проявились в том, что символически, через главу пантеона Перуна декларировалась гегемония полянского племенного союза в новом политическом образовании. Сразу же после принятия крещения следуют довольно характерные символические акции, декларирующие низвержение власти языческих богов и обслуживающие культ жречества (представлявшего, зачастую, политическую оппозицию княжеской власти). Важно отметить, что сама христианизация протекала как демонстративная мена местами старой (языческой) и новой (христианской) символики. Весьма значительным проявлением этого было пространственное перемещение святиль в процессе крещения: идол Перуна был свержен с киевских гор на Подол, то есть на то место, где тогда находилась христианская церковь св. Ильи, а христианская церковь (св. Василия, патрона Владимира) была построена наверху, на месте прежнего языческого капища. Согласно летописи, непосредственно после крещения Руси Владимир обращается с молитвой к Господу: «...помози, Господи, на супротивнаго врага, да, надеяся на тя и на твою державу, побегю козни его. И се рекъ, повеле рубити церкви и поставляти по местомъ: иде же стояху кумири»²⁸. Тем самым Владимир как бы переворачивает сложившуюся систему отношений. Меняя плюсы на минусы, он не просто принимает новую систему ценностей, заменяя старое новым, но вписывает старое в новое — с отрицательным знаком²⁹.

Интересно, что отечественная летописная традиция сохранила сведения не только о добродетелях первого христианского правителя. Как отметил А.И. Рогов, если Козьма Пращский и Галл Аноним предпочитали не писать о князьях-язычниках, а сербский король и писатель Стефан Первовенчаный вообще начинал историю своей страны с жизнеописания своего отца — православного христианина Немани, то в ПВЛ, напротив, бережно сохранены сведения о правлении князей языческой поры, дополненные свидетельствами греческих источников и грамотами великокняжеского архива³⁰. Так, под 980 г. летопись сообщает о «неблаговидном» поведении Владимира, который, победив Ярополка, «залеже жену братьню Грекиню»³¹. Представляется, что сообщая далее о многоженстве Владимира и о несмет-

ном количестве его наложниц, летописец не просто противопоставлял его «нового» ему же некрещеному, сравнивая его с ветхозаветным царем Соломоном, но и донес до нас фольклорные свидетельства о символах потестарной, предгосударственной власти. Так, по многочисленным этнографическим свидетельствам, количество жен, которыми обладает мужчина, является дополнительным маркером его социального и часто политического статуса³². К. Леви-Стросс в терминах концепции «языковой» коммуникации между мужчинами говорит о женщинах как о «ценностях», «знаках»³³. То же касается права на преимущественный выбор женщин в составе военной добычи или права овладения женой поверженного противника. В свете этих свидетельств в одном ряду стоят известия летописи о стремлении древлянского князя Мала завладеть Ольгой, женой убитого Игоря; насилие Владимира над женой побежденного им Ярополка; захвате Мстиславом жены поверженного Редеди. То, что летописец считал эти эпизоды символически значимыми, а значит, достоверными, заслуживающими фиксации, является, на наш взгляд, косвенным свидетельством становящегося, раннеполитического характера государственной власти в Древней Руси в рассматриваемый период. Политико-правовой контекст имели не только акции, направленные на приобретение и разрушение символов власти и права, но также любые другие действия, совершаемые по поводу достижения или удержания власти. Оставляя в стороне рассмотрение летописного эпизода мести княгини Ольги древлянскому князю Малу³⁴, в качестве примера можно привести эпизод с расправой над Васильком Теребовльским³⁵.

Учитывая высокую семиотичность средневековых наказаний, способ, выбранный Давидом Волынским для устранения Василька как политического противника, становится не просто проявлением варварства, а получает глубокое символическое звучание. Как известно, расправа над Васильком произошла сразу после Любечского съезда 1097 г., на котором при провозглашении принципа «каждо да держитъ отчину свою»³⁶ было закреплено политическое верховенство Изяславичей в лице Святополка. Если рассматривать установления съезда как новый этап в политико-правовом развитии древнерусского общества, а именно как окончательный отход от принципов родового ста-

рейшинства и установления «классических» с точки зрения феодальной Европы сюзерено-вассальных отношений, то факт применения именно ослепления как уголовного наказания позволяет думать, что власть Святополка уже осознавалась в политических кругах как государственная в феодальном смысле. Ведь такая санкция, как ослепление незаконного претендента на престол, реально существовала в Византии, была достаточно широко известна в странах Центральной и Северной Европы³⁷ и очевидно, что ее символический смысл был понятен в княжеской среде Древней Руси XI в. Таким образом, в ракурсе семиотического подхода акт ослепления Василька выглядит как применение византийской пенитенциарной нормы «по аналогии», так как местный действующий кодекс — Русская Правда — не содержал не только составов, но даже и понятия государственного преступления.

Овладение символом как способом фиксации права на вещь или объект — важнейший прием в архаическом, в том числе древнерусском, праве. Как писал П.М. Бицилли: «...символическими актами сопровождаются действия, при помощи которых средневековый человек вступает в правоотношения с себе подобными, и символическими знаками отмечено большинство объектов его обихода»³⁸. П.Д. Колмыков привел примеры использования у разных народов куска земли или дерна при решении спорных вопросов о земельных участках и последующего употребления выражения «продать в дерн, одерень» как словесной формулы. Исследователь отметил, что «символ земли и дерна есть древний обычай, общий для всей Руси, но он сохранился в писаном праве, в грамотах юридических, только в странах северной России... а в средней России... он был, вероятно, вытеснен из законов, как памятник древнего языческого обычкновения, и заменен подобным символическим обрядом, но уже облагороженным понятиями христианскими: хождением по межам, отводом земли по Пречистой (Богородице) или с иною иконою»³⁹. А.Н. Филиппов, говоря о начальной стадии процесса виндикации, отмечает важное значение обычая наложения руки с произнесением формулы «се — мое». Он также дает семиотически обоснованное объяснение древнерусскому юридическому обычаю, зафиксированному фольклорными текстами, продавать скот непременно вместе с уздой⁴⁰.

К символам-акциям, на наш взгляд, тяготеют такие архаические термины славянской юридической лексики, которые могли быть связаны с вопросно-ответной процедурой заключения договоров — стипуляцией. Сюда, например, относятся «сущий» в сочетании «сущая правда» и термины «истец», «истое», «се» и т. п.⁴¹ Немногочисленные словесные формулы, которые имели для древнерусского судопроизводства определенное юридическое значение, были отмечены исследователями уже в XIX в.: «се — мое», «се дал», «се приказываю», «се порядися» и т. д.⁴² Сведения же о стипуляции как словесно-формульном оформлении сделки были собраны А.Г. Станиславским⁴³.

Одним из звеньев в цепи явлений, характеризующих становление древнерусской государственности, является предметно-объектная символика. Еще Аристотель писал в своей «Политике», что когда одни властвуют, а другие находятся в подчинении, появляется стремление провести различие между теми и другими в их внешнем облике, в их речах и знаках почета. Подобные различия и в современном обществе продолжают маркировать социально-политическую иерархию, но все же особенно актуально такое разделение на ранних этапах развития государства. Здесь оно приобретает наиболее важное символическое значение и выступает агентом структурирующей политизации общества. «В самом деле, — пишет П. Сорокин, — как иначе объяснить все эти атрибуты власти: скипетр, державу, порфиру, гербы, знамена, аксельбанты, петлицы и т. д. и т. п... Почитать и считать священными эти комплексы различных то металлических, то деревянных предметов... было бы каким-то недоразумением. Мало ли есть металлических вещей и корон, мало ли есть жезлов и т. д., однако они не почитаются. Значит... суть дела не в скипетрах и жезлах и т. д., а в том, что последние только “предметные” символы определенных психических переживаний, мыслей и чувств, именуемых государством»⁴⁴.

На связь процесса объективации политики и права с особенностями психологического восприятия субъекта власти или его символа обращают внимание и современные государствоведы. «Есть основания утверждать, что через эмоции образ государства становится алгоритмом политического поведения», — пишет Л.С. Мамут⁴⁵. Но в целом, государственная символика еще не стала предметом пристального научного анализа исто-

риков права. Отчасти это можно объяснить успехами археологии и вспомогательных исторических дисциплин⁴⁶.

Развитие системы государственного фиска проходило при непосредственном участии геральдической и сфрагистической символики, которая могла включаться в ритуально-процессуальные действия, но также могла являться самостоятельным комплексом знаков, удостоверяющих властные полномочия княжеской администрации. В письменных источниках нет описания знаков, однако и ПВЛ сообщает о «знаменьях» Ольги, и в древнейшем русском законодательном памятнике — Русской Правде — в ряде статей говорится об отличительных княжеских знаках⁴⁷.

Так, например, монеты конца X — начала XI вв. дают представление о безусловном знаке княжеской власти, так называемом трезубце. Несмотря на обширную литературу, в основном археологическую, нет устоявшейся версии о прототипе «знаков Рюриковичей». В настоящее время многие считают истоком этого знака тамгу. При этом в новейшей литературе отмечается, что скандинавское происхождение правящей элиты не дает само по себе оснований возводить знак Рюриковичей к северо-европейским реалиям. В самой Скандинавии практика использования владельческих знаков возникает не ранее XI в., тогда как на Руси знаки, символизовавшие верховную власть, появляются в конце IX—X вв. Ближайшие аналогии знаку Рюриковичей, причем сначала именно в форме двузубца⁴⁸ с отростком книзу, исследователи находят в Причерноморском степном регионе, где они известны со времени Боспорского царства как «царские знаки», а традиции использования владельческих тамг и символических знаков верховной власти были архаичны и устойчивы⁴⁹.

Исследователями установлено, что появление знаков княжеской власти совпадает с появлением института наместничества⁵⁰. Анализ различных разрядов актовых печатей привел исследователей к выводу о том, что именно эта группа сфрагистических памятников материализовала существовавшую в домонгольской Руси структуру управления⁵¹. Следует согласиться с мнением С.В. Белецкого, что отсутствие массового материала, датируемого ранее XII в., свидетельствует о разветвлении сети княжеского аппарата — явление сравнительно позднее и, очевидно, связано с результатами административного переустройства Руси после Любечского съезда 1097 г.⁵²

Не только пломбы и печати конца XI — XII в., но и подвески начала XI в. со знаками Рюриковичей являлись официальными регалиями власти княжеских уполномоченных лиц⁵³. Вышеназванный исследователь выдвигает вполне правдоподобную, на наш взгляд, гипотезу о принадлежности одного из таких верительных знаков началу — середине XI в. Держателем подвески, по мнению исследователя, являлся новгородский посадник Коснятин Добрынич — двоюродный дядя Ярослава и Мстислава Владимировичей. Дуумвират братьев был символически выражен в том, что на одной стороне подвески изображен лично-родовой знак Ярослава, а на другой — Мстислава⁵⁴.

Все же памятники домонгольской сфрагистики имели хождение с 70-х годов X века не только в Новгороде, как считал В.Л. Янин⁵⁵, но и по всей Руси⁵⁶. Само изображение лично-родового знака указывает на суверенный характер княжеской власти в лице княжеской администрации, выступавшей от имени владельца знака и представлявшей его интересы. Держатель знака не просто действовал в рамках предоставленных ему полномочий, но располагал всей полнотой власти, заменяя князя при совершении юридических действий, однако при этом не являлся самостоятельным юридическим лицом, что отразилось в «анонимном» характере регалии и косвенно подтверждается результатами сравнительного анализа процедур заключения международных договоров, проведенного исследователями.

Таким образом, с усложнением государственно-административной инфраструктуры посредством политико-правовых символов постепенно осуществлялась функциональная специализация власти. Ее суверенный компонент оставался в руках правителя, тогда как управленческий переносился на управленческий аппарат. Значение символа в раннем русском государстве трудно переоценить, ведь даже письменный документ вначале рассматривался как символ власти (на всех изображениях держатель свитка — всегда наделенное властью лицо), а не только как носитель информации. Поскольку свойством архаического сознания власть и символ отождествлялись, наличие символов власти у членов княжеской администрации было непременным условием признания их властных полномочий. Ведь передавая их наместникам, князь одновременно передавал им как бы часть своей харизмы, заключенной в символе власти. В

свою очередь, управленческое звено, принимая от правителя знаки его достоинства, приобретало этим не только утверждение в должности, но и приносило своеобразную клятву верности. Конклюдентность подобных «клятв» косвенно подтверждается существовавшим в древнерусском обществе обычаем поступления на княжескую службу в ключничество «без ряду»⁵⁷, где принятие ключа от господина символизирует принятие бессрочной зависимости. Легко предположить публичность подобных церемоний (пиры, дружинные сходы, вече).

Стремление архаического сознания отождествлять символ власти и саму власть как сущность сыграло, на наш взгляд, непоследнюю роль в процессе деперсонализации власти в целом. Как уже было показано выше, в Древней Руси княжеская власть долгое время считалась принадлежностью всего рода Рюриковичей. Монархические тенденции не сразу пробили себе дорогу. Через такой предметный символ власти, как княжеский престол, можно проследить, как, собственно, происходило отделение понятия «власти» от конкретной личности, формировалось абстрактное представление о высшей государственной должности.

Формула, столь типичная для самого раннего текста ПВЛ, «сел», «посадил» (на княжение) — «сел Рюрик в Новгороде» — уже предполагает некоторое овеществленное сидение, которое очень скоро проявляется в летописи как «стол» (в ПВЛ упоминается 22 раза), символ верховной власти, престол: «...*поиди сяди Киевѣ на столь отни...*», — обращается дружина к Борису Владимировичу⁵⁸; «*Ярославъ же седе Киеве на столь отъни и дедни*»⁵⁹; «*Поиди княже на столь отень и дѣдень*», — призывали киевляне Владимира Мономаха⁶⁰; «...*сѣде на дѣдни и на отни столь, тогда же сѣдѣ, раздая волости дѣтем своим*», — сообщает летопись о Юрии Долгоруком⁶¹. Как видно из приведенных примеров, понятия «стол» и «княжение» идентифицируются, то есть отождествляются власть и символ. Первые русские монеты декларируют власть князя формулой «Владимир на столе, а се его серебро». Они же, как и миниатюры рукописей XIV—XV вв., демонстрируют и форму этого стола, хотя многие исследователи считают, что подобные изображения являются символическими⁶².

Причем немаловажно, что стол как материальный объект символизировал по-началу только киевское (стол-ичное!) княжение. Поскольку сама земля принадлежала не князю, а столу,

перемещения князей происходили всякий раз, когда на киевский стол всходил новый претендент⁶³. Таким образом, именно факт обладания трон-столом делал любое лицо княжеского достоинства легитимным правителем в глазах подданных. Даже с началом периода феодальной раздробленности значение киевского княжения как консолидирующего фактора продолжало сознаться Рюриковичами. Это происходило вплоть до последних трети XII в., когда киевское княжение стало утрачивать значение «золотого стола», и летопись донесла до нас пословицу: *«Не идти место к голове, но голова к месту»*. Эта поговорка приобретает истинно политическое звучание в устах энергичного и способного внука Владимира Мономаха Изяслава Мстиславича, поскольку регистрирует формирование абстрактного понятия высшей государственной должности, не совпадающей ни с личностью, ни с символом власти. Уже через два десятилетия Боголюбский вносит свой вклад в этот процесс. «Андрей впервые отделил старейшинство от места», — писал о нем В.О. Ключевский⁶⁴. Между тем именно на правление этого князя, на протяжении всей своей деятельности пытавшегося перенести «великое княжение» из Киева во Владимир, приходится копирование столичных атрибутов: Золотые ворота во Владимире, учреждения параллельной митрополии и т. п.⁶⁵

Представляется уместным привести этнографический пример пословицы, отражающей политическое значение стола как материального объекта, воплощающего власть. Поговорка ашантийцев (юго-западные районы Ганы), находящихся на раннегосударственной стадии развития, гласит: *«Вожди приходят и уходят, а джуа остаются»*. Слово «джуа» означает «трон» и в традиционном мировоззрении ашантийцев считается синонимом власти, а вожди рассматриваются как обладатели тронов⁶⁶. Обряд усаживания был широко известен и в европейских раннесредневековых королевствах⁶⁷. В Древней Руси, очевидно, он являлся византийским заимствованием, поскольку, помимо теремного стола (иллюстрации Радзивилловской летописи), в Киеве были установлены столы в Богородичной церкви и Софийском соборе, где, по мнению исследователей, и проводился ритуал «посаждения на стол». Как показывает А. Поппэ, обряд «настоления» князя как символ его вступления в свои полномочия в конце XI в. имел уже прочную традицию в княжеском

дворцовом обиходе (например, «настолование» Святополка имело место в воскресенье 24 апреля 1093 г.), причем он становился религиозным церковным ритуалом: восхождение на княжеский трон происходило в соборе в окружении клира⁶⁸.

В письменных источниках этого времени нет никаких упоминаний о таких атрибутах, как венец, скипетр. Но спорадическое использование императорских атрибутов, например, державы, представляется возможным. Понятие «держать» в смысле «владеть» 28 раз встречается в ПВЛ, часто и в других летописных и литературных памятниках. Первичный смысл этого понятия — «небесная сила, которая держит весь мир»⁶⁹. «Слово “державна” связано с глаголом “держать”. Даже для нас, а тем более для наших предков было ясно фундаментальное значение этого слова как скрепы, соединения, обеспечивающего целостность», — отмечает современный исследователь политической лексики со ссылкой на В.И. Даля⁷⁰. В слое XI в. в Новгороде найдена деревянная мелкая пластика, выполненная на очень высоком уровне: рука, сжимающая шар. Так что использование символа державы как регалии власти подтверждается и новейшими археологическими открытиями⁷¹.

Представляется, что весьма значительными предметно-объектными политико-правовыми символами в Древней Руси являлись архитектурные сооружения. Основанием для выделения их в отдельный вид служит не только хронологическое, но и семиотическое совпадение начала государственного строительства и строительства в прямом смысле этого слова. (На связь процессов урбанизации и государствообразования нами уже обращалось внимание в III главе.) Мысль о том, что архитектура является одной из форм массовой коммуникации, распространена достаточно широко⁷². Как полагают специалисты, появление вертикалей на фоне горизонтального ландшафта раннего Средневековья регистрировалось сознанием как знак политического отличия, демонстрации силы власти⁷³. Важно отметить, что архитектурные символы изначально имели политико-идеологическое наполнение. Особенно это касается церковных сооружений. «То, что каменное строительство в Киеве изначально велось в подражание Константинополю, — пишет И.Н. Данилевский, — ни у кого не вызывало и не вызывает сомнения. Мало кто не догадывался и о том, что сама городс-

кая структура Константинополя отстраивалась во образ Иерусалима, чем подчеркивалась преемственность новой христианской столицы в деле спасения человечества... По этой логике, организация городского пространства Киева во образ Константинополя также могла восприниматься современниками как претензия на право стать новым центром мира»⁷⁴. Основанием для такого предположения послужил анализ городской структуры Киева, какой она начала складываться при Ярославе Мудром. В годы его правления в Киеве (1018—1054 гг.), видимо, в связи с интенсивной христианизацией русских земель стало формироваться некое представление о богоизбранности Руси. В столице Древнерусского государства появились аналогичные константинопольским Золотые ворота, храм св. Софии, 13 куполов которого могли ассоциироваться и с 12 апостолами вокруг Христа, и с единством всех христианских земель Руси под главенством Киева⁷⁵. Появились также монастыри св. Георгия и св. Ирины, была создана первая летопись, которая должна была рассказать, *«како избѣра Бог страну нашу на последнее время»*.

Но церковная архитектура — это не только религиозная, но также и политическая, и правовая философия в камне. Как отмечает современный историк и теоретик права, «особого внимания заслуживают религиозные формы источников права... [поскольку] основополагающей идеей отечественной ветви христианства выступает идея храма как вместилища духовного начала, объединяющая всех живущих на земле людей в стремлении к высшему нравственному идеалу»⁷⁶.

Яркий пример выражения политических идей языком архитектуры находим в искусствоведческой литературе. По мнению специалиста, архитектурное своеобразие Спасо-Преображенского собора в Чернигове было изначально рассчитано на соединение княжеской и митрополичьей функций храма, что было продиктовано «дуумвирным самосознанием» Мстислава Владимировича⁷⁷. Этот же исследователь обращает внимание на то, что политико-идеологическая функция архитектуры хорошо осознавалась некоторыми историками церкви. А. Голубцов, например, считал, что в возведении соборных храмов видели тогда одно из средств к «объединению княжеских владений, к возвышению одних княжеств над другими и усилению их»⁷⁸.

Как видно на примере символической мены местами храмов и капищ, сам факт возведения церковей осмыслялся, по-видимому, как часть административной реформы: коренное изменение представлений о власти, рождение собственно государственной ее сущности происходило в тесной связи с усвоением новой картины мира, в том числе и через архитектурные символы.

Храм как политический символ выполнял не только информационно-коммуникативную функцию, но также интегративную. Как было показано выше, осознание конфессионального единства — ключевой признак политической общности в Средневековье. Следует добавить, что городская архитектура также способна символически выражать политические особенности конкретной цивилизации. Город в Древней Руси идеологизирован и политизирован. Поскольку теремные жилые и административные сооружения князя и знати не выносились за пределы города, можно говорить, что древнерусский город был не частно-гражданской альтернативой государственной власти, как в западных культурах, а воплощением этой власти. Здесь не только в религиозном, но и в политическом контексте просматривается олицетворение соборного единства над приватными интересами.

Подводя итоги, можно констатировать, что в изучаемый период ритуально-процессуальные, предметно-объектные символы и символы-акции выполняли важнейшие функции в становящейся политико-правовой системе Древней Руси. Поскольку все охарактеризованные виды символов являются ценностными признаками политической власти и права, они дают дополнительную информацию о политико-правовой системе Древней Руси, полнее раскрывая ее особенности и выступая маркером уровня ее развития. Для извлечения этой информации и требуется расшифровка значения того или иного символа путем соотнесения контекстов всего комплекса источников.

Примечания

¹ Политология / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1999. С. 361.

² Философия власти / Под ред. А.С. Панарина. М., 1993. С. 40.

³ Стризов А.Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия. Волгоград, 1999. С. 99—100.

⁴ Демидов А.И. Понимание в политике // Полис. 1999. № 3. С. 131.

- ⁵ См.: Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998. С. 125.
- ⁶ Лотман Ю.М. О семиосфере // Избранные статьи Ю.М. Лотмана. Таллин, 1992. Т. 1. С. 11—14.
- ⁷ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 118.
- ⁸ Зуб А.Т. Невербальные коммуникации в управленческой деятельности: эволюционно-биологический аспект // ВМГУ. Сер. 18, Социология и политология. 2000. № 2. С. 112.
- ⁹ Лосев А.Ф. Проблема становления символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 11.
- ¹⁰ Пигалев А.И. Культурология. Волгоград, 1999. С. 349.
- ¹¹ Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 96.
- ¹² Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. М., 1995. С. 87.
- ¹³ См., напр.: Kertzer D.I. Ritual, Politics and Power. L., 1988; Kevelson R. The law as a System of Signs. N.Y.; L., 1988; Ruch P. Semiotics in the Trial of Jurisprudence // Mod. law rew. Vol. 53. № 1. L., 1990. P. 121—129.
- ¹⁴ Колмыков П.Д. О символизме права вообще и русского в особенности. СПб., 1839. С. 12—19.
- ¹⁵ Свердлов М.Б. Древнерусский акт X—XIV вв. // ВИД. Л., 1976. Т. VII. С. 51.
- ¹⁶ Станиславский А.Г. Об актах укрепления прав на имущества. Казань, 1842. С. 108—129.
- ¹⁷ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России: Прил. 1: Символизм в древнем русском праве. М., 1988. С. 482—506.
- ¹⁸ Почепцов Г. История русской семиотики. М., 1998. С. 32—36.
- ¹⁹ Бицилли П.М. Указ. соч.
- ²⁰ См.: Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4—5. С. 71—73.
- ²¹ Рубанов А.А. Понятие источника права как проявление метафоричности юридического сознания // Судебная практика как источник права. М., 1998. С. 47.
- ²² Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 54.
- ²³ Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974. С. 105.
- ²⁴ Демидов А.И. Указ. соч. С. 135.
- ²⁵ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 95.
- ²⁶ Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. № 5. С. 62.
- ²⁷ Бочаров В.В. Власть и символ // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996. С. 17—18.
- ²⁸ ПВЛ. Т. 1. С. 81.
- ²⁹ Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1: Семиотика истории. семиотика культуры. С. 343.

³⁰ Рогов А.И. Первые славянские князья в памятниках древней письменности и искусства // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1988. С. 146—147.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 78.

³² Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М. 1988. С. 155; Белков П.Л. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 79.

³³ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 61—62.

³⁴ По данному вопросу имеется обширная литература, свое толкование эпизода предлагало не одно поколение историков (из последних работ см.: Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси X—XI вв. Смоленск, 1995; Фроянов И.Я. Древняя Русь. СПб., 1995.

³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 260.

³⁶ Там же. Стб. 257.

³⁷ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 201; Вернадский Г.В. Киевская Русь. М., 1996. С. 101; Медведев И.П. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI—XVII вв. Л., 1990. С. 33; Сванидзе А.А. Смерть, убийство и цареубийство в контексте общественных конфликтов и сознания раннеклассового общества Северной Европы // Средние века. М., 1994. Вып. 57. С. 31.

³⁸ Бицилли П.М. Указ. соч. С. 15.

³⁹ Колмыков П.Д. Указ. соч. С. 75—91.

⁴⁰ Филиппов А.Н. Учебникъ исторіи русскаго права. Юрьевъ, 1914. Ч. I. С. 28—29.

⁴¹ Иванов В.В., Топоров В.В. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское и балканское языкознание. М., 1978. С. 228—229.

⁴² Беляев П.И. Очерки права и процесса в эпоху Русской Правды: Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1895. Т. 5. С. 4—6.

⁴³ Станиславский А.Г. Указ. соч. С. 83—84.

⁴⁴ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 45; Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4.

⁴⁵ Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения // ОНС. 1998. № 6. С. 89.

⁴⁶ См., напр.: Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; Янин В.Л. Актовые печати X—XV вв. М., 1970. Т.1; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

⁴⁷ Краткая Правда // Российское законодательство X — начала XX в. М., 1984. Т. 1. С. 48, ст. 34; Пространная редакция Русской Правды // Там же. С. 69—70, ст. 71—73, 80.

⁴⁸ В параграфе «Нормативные основы политической системы» уже рассматривались ментальные основания бинарных и тернарных архаических символов и их связь с идеями власти.

⁴⁹ Мельникова Е.А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // ВЕДС: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996. С. 50.

⁵⁰ Янин В.Л. Указ. соч.; Молчанов А.А. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // ВИД. Л., 1976. Вып. VII; Он же. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв. // Там же. Л., 1984. Вып. XVI.

⁵¹ Белецкий С.В. Данные сфрагистики о княжеском аппарате домонгольской Руси // Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы: Чтения, посвященные памяти В.Т. Пашуто. М. 1992. С. 7.

⁵² Там же. С. 8.

⁵³ Белецкий С.В. К вопросу о принадлежности Новгородской подвески № 22-2-1181 // ВЕДС. М., 1996. С. 4.

⁵⁴ Там же. С. 4—5.

⁵⁵ Янин В.Л. Указ. соч. С. 40.

⁵⁶ Белецкий С.В. Данные сфрагистики... С. 6—8.

⁵⁷ Пространная редакция Русской Правды... С. 72, ст. 110.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132.

⁵⁹ Памятники литературы Древней Руси XI—XIII вв. М., 1978. С. 156.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 345.

⁶² Franklin S., Shepard J. The emergence of Rus (750—1200). L., 1996. P. 167—168.

⁶³ Толочко А.П. Структура княжеской власти в Южной России в середине IX — середине XIII в.: Дис. канд. ист. наук. Киев, 1989. С. 61.

⁶⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории: Соч. в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 393.

⁶⁵ Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 48—79.

⁶⁶ Попов В.А. Символы и атрибуты власти в традиционной политической культуре ашантийцев // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996. С. 223.

⁶⁷ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 70.

⁶⁸ Poppe A. The entronement of the prince in Kievan Rus // The 17th international Byzantine congress: Abstr. of shot papers. N.Y., 1986. P. 272—274.

⁶⁹ Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. М., 1986. С. 278.

⁷⁰ Ильин М.В. Слова и смыслы: Деспотия. Империя. Держава // Полис. 1994. № 2. С. 128.

⁷¹ Янин В.Л. Феноменальные находки Новгородской археологической экспедиции в полевом сезоне 1993 г. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 171.

⁷² Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. М., 1998.

⁷³ Гутнов А., Глазачев В. Мир архитектуры. М., 1990. С. 260.

⁷⁴ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М., 1998. С. 356.

⁷⁵ Вагнер Г.К. Искусство мыслить в камне. М., 1990. С. 38.

⁷⁶ Синюков В.Н. Указ. соч. С. 215.

⁷⁷ Вагнер Г.К. Указ. соч. С. 49.

⁷⁸ Там же. С. 59.

Заключение

Подводя общий итог исследованию, следует заключить, что понятие «политико-правовой системы Древней Руси», будучи более широким по объему, чем понятие «государство Древней Руси», охватывает все государственно-правовые явления изучаемого периода.

В период IX—XI вв. происходил процесс активного формирования государственных и правовых институтов. Слабая дифференциация политико-правовых функций княжеской власти компенсировалась опорой на социальные институты, генетически связанные с позднепотестарными отношениями, например, на вечевые сходы и воевод-тысяцких.

Спецификой исследуемого периода является тот факт, что церкви как субъекту системы принадлежала важная системообразующая роль. Это было обусловлено как организационными, так и идеологическими причинами (укоренение единой ценностной основы, закрепление самой идеи государственности).

Вхождение местных, неформальных по своей сути институтов в политико-правовую систему Древней Руси определялось тем, что на ранних этапах развития системы и формирования в ее недрах государства подобные институты осуществляли важные политические функции. Например, община принимала активное участие в выполнении редистрибутивной функции и функции самовоспроизводства системы. При этом община обеспечивала своим членам «юридическое представительство». При отсутствии иных корпоративных структур церковный приход как неформальный институт политико-правовой системы также был включен в процесс политизации древнерусского общества. Через него осуществлялись информационно-коммуникативная, адаптивная и интегративная функции.

Таким образом, в рассматриваемый период государство еще оформлялось в главенствующий институт политико-правовой системы и не могло развиваться без поддержки ее более древних институтов.

Изучение нормативной основы политической системы Древней Руси позволяет сделать вывод, что ее составляли правовые и религиозные принципы и нормы, имеющие политический характер и содержащиеся в международных и между-

княжеских договорах, решениях княжеских съездов, княжеских уставах, а также политические обычаи и традиции, включающие традиционные формы правления и престолонаследования.

В истории становления форм правления на Руси до падения роли великого княжения единой формой правления не являлась преобладающей. «Промежуточные» формы соправления — бинарные и тернарные — следует считать первыми политическими нормами. При этом на широком сравнительном материале подтверждается, что, отражая переходный, становящийся характер государственной власти в Древней Руси, дуумвираты и триумвираты являлись не столько результатом политического компромисса, сколько были обусловлены архетипами традиционной политической культуры. Их основания коренились в ментальных пластах архаического сознания и оказывали опосредованное влияние на формирование геополитической карты «Русской земли».

Развитие нормы престолонаследования по направлению от «родового сюзеренитета» к единой форме в Древней Руси выступает комбинацией существовавших в IX—XI вв. политических обычаев и политической практики и по форме приближается к нормативной модели «книжеческого клана». Эта модель имеет широкие исторические аналогии в раннеполитических обществах и на ранней стадии развития содержит элементы «лестничного восхождения». В исследуемый период в Древней Руси сначала закрепляется принцип «родового старейшинства», но затем младшие братья и племянники отстраняются от наследования. Вектор развития нормы престолонаследования направлен на закрепление столичного удела за старшей княжеской линией. Это положение было отражено в решении Любечского съезда 1097 г.

Подводя итоги рассмотрению всех известных в Древней Руси форм права: правового обычая, судебного прецедента, договора и нормативно-правового акта государственной власти — следует сказать, что их взаимодействие может быть охарактеризовано как соотношение статических и динамических элементов системы. Они обслуживали структурные пласты разной скорости развития: динамические элементы — «вертикаль», а статические — «горизонталь».

Исследование истоков отечественного правопонимания свидетельствует, что сравнительно-исторический анализ не всегда и не во всех отношениях применим к феномену древнерус-

ского права. В данном случае цивилизационный подход является более плодотворным.

В мифопоэтических и раннелетописных текстах основным выступает сюжет недостачи порядка или справедливости и их последующего восполнения. Это позволяет утверждать, что в завуалированной форме правовой смысл содержался в большинстве древнерусских текстов. Одной из важных особенностей отечественного правопонимания явилось отождествление логического и морально-этического компонентов понятия «правда». Такое отождествление было опосредовано конфессиональным фактором и нашло свое доктринальное выражение в произведении киевского митрополита Илариона «Слово о законе и благодати».

Анализ начального этапа формирования политико-правовой системы позволяет заключить, что в конце IX — XI в. Древняя Русь находилась на стадии оформления раннего государства — дофеодальной монархии. Формирующийся государственно-административный аппарат практически совпадал в это время с дружинной организацией.

Иерархия внутри политической элиты еще не имела устойчивого сюзерено-вассального характера, так как не была основана на земельном пожаловании. На ранней стадии развития большинство политических отношений строились по модели родственных и обозначались соответствующими терминами. В частности, важные интегративные и адаптивные функции выполнял так называемый институт кормильства-атальчества, обеспечивая постепенную ротацию политической власти. Институты, подобные кормильству и клиентеле, опирались на обычай искусственного воссоздания родства и конструирования фиктивной генеалогии. Этот обычай выступал методом политического властвования и способом урегулирования конфликтов между властью и обществом.

В конце XI в. с закреплением «золотого стола» за одной княжеской линией и развитием земельной основы отношений «вертикальной зависимости», то есть по мере генезиса феодализма, стало происходить некоторое сближение понятий сюзеренитета — вассалитета в Западной Европе и в Древней Руси.

В рассматриваемый период все главные функции политико-правовой системы осуществлялись в рамках традиционного режима. Наиболее органичной формой осуществления этих фун-

кий являлся политико-правовой ритуал. Яркими примерами ритуально-процессуального способа функционирования политико-правовой системы являлись комплексы полюдья и праздников-пиров. Они хорошо демонстрируют, как происходило перераспределение социальных статусов и ресурсов в древнерусском обществе.

Привлечение теоретических разделов семиотики и философских основ теории информации позволяет заключить, что в изучаемый период объективация политико-правовых явлений в Древней Руси осуществлялась преимущественно особым, символическим способом, предполагающим слитное существование нормы и информации о ней. В силу неразвитости государственно-административной инфраструктуры, практического отсутствия дорог и слабого распространения письменности символические средства в политико-правовой коммуникации раннесредневековой Руси имели значительно большую актуальность и выступали одним из основных способов объективации политических и правовых отношений.

Понимание власти как владения соответствующим символом было свойственно сознанию человека древнерусского общества. Ритуально-процессуальные, предметно-объектные символы и символы-акции выполняли важнейшие функции в становящейся политико-правовой системе Древней Руси. С их помощью формировались семиотические механизмы коммуникации внутри системы, проявлялись ее интегративные и регулятивные качества. При этом происходило формирование легитимационных структур массового сознания, что и обеспечивало эффективность работы всей системы, в том числе управленческого аппарата государства на ранних этапах его развития.

Список сокращений

- ВВ — Византийский временник
ВЕДС — Восточная Европа в древности и Средневековье
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ГВНП — грамоты Великого Новгорода и Пскова
ДГВЕ — Древнейшие государства на территории Восточной Европы
ДДГ — духовные и договорные грамоты великих и удельных князей
МИ — Материалы исследований
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ОИ — Отечественная история
ОНС — Общественные науки и современность
ПВЛ — Повесть временных лет
Полис — Политические исследования
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ИСТОЧНИКИ

Багрянородный Константин. Об управлении империей: текст, перевод, комментарии / Под ред. Г.Г. Литаврина, Я.Н. Шапова. М., 1989. 211 с.

ГВНП. М.; Л., 1949.

Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. 239 с.

Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем Тверским Михаилом Ярославичем, 1375 г. // ДДГ / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950.

Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с князем Владимиром Андреевичем, 1362 г. // ДДГ / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950.

ДДГ / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: В 2 т. М., 1967. Т. 2: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. 210 с.

Изборник Святослава 1073 г.: Сборник статей. М., 1977.

Изборник, собранный «из мног книг княжих». 1076. // Изборник 1076 г. М., 1965.

Изборник 1076 года: (Текст и исследования) / Под ред. С.И. Коткова. М., 1965.

Киево-Печерский патерик / Изд. подгот. Д.И. Абрамович. Киев, 1930.

Краткая Правда // Российское законодательство X — начала XX в. М., 1984. Т. 1.

НПЛ. М.; Л., 1950.

Памятники литературы Древней Руси XI—XIII вв. М., 1978. 643 с.

ПВЛ: В 2 т. М.; Л., 1950.

Пространная Правда // Российское законодательство X — начала XX в. М., 1984. Т. 1.

Пространная редакция Русской Правды // Российское законодательство X — начала XX в. М., 1984. Т. 1.

ПСРЛ: В 2 т. М., 1997—1998. Т.1: Лаврентьевская летопись. 1997. 733 с.; Т. 2: Ипатьевская летопись. 1998. 604 с.

Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. Slavia; Pracha, 1963. R. XXXII.

Российское законодательство X — начала XX в.: В 9 т. М., 1984.

Русская Правда // Российское законодательство X — начала XX в.: В 9 т. М., 1984. Т. 1.

Русская Правда. Краткая редакция. Текст по Академическому списку. Правда Роськая // Российское законодательство X — начала XX в.: В 9 т. М., 1984. Т. 1. С. 47—48.

Русская Правда. Пространная редакция. Суд Ярославль Владимирович. Правда Роськая // Российское законодательство X — начала XX в.: В 9 т. М., 1984. Т. 1. С. 64—80.

Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1995. 688 с.

Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных // Российское законодательство X — начала XX в.: В 9 т. М., 1984. Т. 1. С. С. 137—142.

Устав князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X — начала XX в.: В 9 т. М., 1984. Т. 1. С. 168—172.

Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1963. 156 с.

Список литературы

- Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций: В 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. 396 с.
- Алексеев С.С. Теория права. М., 1993. 224 с.
- Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М., 1982. 252 с.
- Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. 830 с.
- Артамонов Г.А. «Земля» и «власть» Киевской Руси: Дис. канд. ист. наук. М., 1996. 156 с.
- Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. 247 с.
- Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. 354 с.
- Афанасьев М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. 1994. № 1. С. 121—126.
- Байбурин А.К. Ритуал: между биологическим и социальным // Фольклор и этнографическая действительность. М., 1992. С. 16—24.
- Бейлис В.М. Ибн Фадлан о «двоевластии» у русов в 20-х гг. X в. // Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы: Чтения, посвященные памяти В.Т. Пашуто. М., 1992. С. 3—5.
- Белецкий С.В. Данные сфрагистики о княжеском аппарате домонгольской Руси // Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы: Чтения, посвященные памяти В.Т. Пашуто. М., 1992. С. 5—8.
- Белецкий С.В. К вопросу о принадлежности Новгородской подвески № 22-27-1181 // ВЕДС: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996. С. 3—7.
- Белков П.Л. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993.
- Белков П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 162—187.
- Беляев П.И. Очерки права и процесса в эпоху Русской Правды: Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1895. Т. 5.
- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр. М., 1995. 454 с.

Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. 592 с.

Бессмертный Ю.Л. Система внутриклассовых отношений среди сеньоров Северной Франции и Западной Германии в XIII в. // Средние века. М., 1967. Вып. 30. С. 46—61.

Бессмертный Ю.Л. Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д, 1980.

Бибиков М.Б. Русь и Византия: встреча культур. (Обзор новейшей отечественной историографии) // Русь между Востоком и Западом: культура и общество X—XVII вв.: В 3 ч. М., 1991. Ч. III. С. 212—262.

Бибиков М.Б. Категории «народ» и «граждане» в оригинальных и переводных текстах Древней Руси // Древнее право. 1997. № 2. С. 90—92.

Бицилли П.М. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4—5.

Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. М., 1995.

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. 197 с.

Бондаренко Д.М., Коротаев А.В. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // ОНС. 1999. № 5. С. 128—138.

Бочаров В.В. К динамике потестарно-политических процессов в Восточной Африке: проблемы исторической преемственности // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 136—158.

Бочаров В.В. Власть и символ // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996. С. 15—38.

Вагнер Г.К. Искусство мыслить в камне. М., 1990. 255 с.

Валеев Д.Ж. Обычное право и начальные этапы его генезиса // Правоведение. 1974. № 6. С. 65—78.

Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983.

Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. 702 с.

Венгеров А.Б. Синергетика и политика // ОНС. 1993. № 4. С. 55—69.

Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1993. Вып. 1. 126 с.

Венгеров А.Б., Барабашева Н.С. Нормативная система и эффективность общественного производства. М., 1985. 288 с.

Вернадский Г.В. Киевская Русь. М., 1996. 446 с.

Ветловская В.Е. Летописное осмысление пиров и дарений в свете фольклорных и этнографических данных // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1987. Вып. 10. С. 58—72.

Вишневецкий А.А. Киевская Русь: введение христианства и проблема рецепции византийского церковного права // Правоведение. 1992. № 5. С. 62—67.

Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Петроград; Киев, 1915.

Гарданов В.К. «Кормильство» в Древней Руси // Советская этнография. 1959. № 6.

Геро А. «Анналы» и проблема динамики феодальной системы / Пер. с фр. Ю.Л. Бессмертного // Споры о главном. М., 1993. С. 142—144.

Гомаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // ОНС. 1994. № 2. С. 99—106.

Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989. 198 с.

Горский А.А. Политические центры восточных славян и Киевской Руси: проблемы эволюции // ОИ. 1993. № 6. С. 157—162.

Горский А.А. Об эволюции титулатуры верховного правителя в Древней Руси // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика: IX Международный семинар исторических исследований: От Рима к III Риму. Москва, 29—31 мая 1989 г. М., 1995. С. 97—103.

Графский В.Г. Представления о власти и законе в Средневековой Руси: римско-византийские влияния // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика: IX Международный семинар исторических исследований: От Рима к III Риму. Москва, 29—31 мая. 1989 г. М., 1995. С. 120—136.

Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. 568 с.

Гузнов А.Г. Право как явление культуры: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 24 с.

Гумилев Л.Н. Удельно-лестничная система у тюрок в VI—VIII вв. (к вопросу о ранних формах государственности) // Советская этнография. 1959. № 3.

Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. 224 с.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. 326 с.

Гуревич А.Я. Нескромное обаяние власти // Одиссей. М., 1995. С. 67—75.

Гутнов А., Глазачев В. Мир архитектуры. М., 1990. 277 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 3. 556 с.

Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М., 1998. 399 с.

Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов Древней Руси (X—XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. № 10.

Дворниченко А.Ю. К проблеме восточно-славянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

Деттярев А.А. Основы политической теории. М., 1998. 239 с.

Демидов А.И. Понимание в политике // Полис. 1999. № 3. С. 131—137.

Дробишевский С.А. Историческое место политической организации общества и права: спорные вопросы // Правоведение. 1991. № 4. С. 80—85.

Думанов Х.М., Першиц А.И. Мононорматика и начальное право // Государство и право. 2000. № 1. С. 98—103.

Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. 489 с.

Ермоленко Т.Ф. Патернализм в политической культуре России // Российская историческая политология. Ростов н/Д, 1998. С. 223—236.

Живов В.М. История русского права как лингво-семиотическая проблема // Semiotics and the history of culture: in honor of Jurij Lotman. Slavic studies. Columbus, 1988. Vol. 17. С. 46—128.

Завадская С.В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // ВЕДС: Проблемы источниковедения: Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1978.

Захаров А.В. Народные образы власти // Полис. 1998. № 1.

Зеркин Д.П. Основы политологии. Ростов н/Д, 1997.

Зимин А.А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. 1965. № 76.

Знаков В.В. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М., 1993. 116 с.

Золотухина Н.М. «Слово о законе и благодати» — первый русский политический трактат киевского писателя XI в. Илариона // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии. М., 1984. С. 31—47.

Зуб А.Т. Невербальные коммуникации в управленческой деятельности: эволюционно-биологический аспект // ВМГУ. Сер., 18. Социология и политология. 2000. № 2.

Иванов В.В. Нечет и чет: асимметрия мозга и динамика знаковых систем // Избранные труды по семиотике и истории культуры: В 3 т. М., 1998. Т. I. С. 381—592.

Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское и балканское языкознание. М., 1978. С. 219—234.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 10—30.

Иванов В.В., Топоров В.Н. К истокам славянской социальной терминологии // Славянское и балканское языкознание. М., 1984. С. 87—98.

Ильин М.В. Слова и смыслы: Деспотия. Империя. Держава // Полис. 1994. № 2. С. 117—130.

История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение / Под ред. В.С. Нерсисянца. М., 1986. 352 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. 639 с.

Каштанов С.М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 209—215.

Каштанов С.М. Русские княжеские акты X—XIV вв. // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 94—116.

Кислицын С.А., Кутырев Н.П. Политико-правовые системы и режимы в истории России // Российская историческая политология. Ростов н/Д, 1998.

Клибанов А.И. Духовная культура Средневековой Руси. М., 1996. 368 с.

Ключевский В.О. Курс русской истории: Соч. в 9 т. М., 1987. Т. 1. 356 с.

Кобишанов Ю.М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизации. М., 1995. 320 с.

Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в Средневековой Руси (к постановке проблемы) // ИСССР. 1991. № 4. С. 54—64.

Колесницкий Н.Ф. К вопросу о германском министралитете X—XII вв. // Средние века. М., 1961. Вып. 20.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. М., 1986. 341 с.

Колмыков П.Д. О символизме права вообще и русского в особенности. СПб., 1839.

Кончакова Н.Б. Проблемы идеологии ранних государств переходного типа // Восток. 1994. № 5. С. 22—32.

Королюк В.Д. Раннефеодальная государственность и формирование феодальной собственности у восточных и западных славян (до середины XI века). М., 1970.

Косвен М.О. Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2.

Котляр Н.Ф. К истории возникновения нормы частного землевладения в обычном праве Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989.

Котляр Н.Ф. Между язычеством и христианством (эволюция древнерусской государственности в X веке) // ВЕДС: язычество, христианство, церковь. М., 1995. С. 25—28.

Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. 445 с.

Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М. 1988. 270 с.

Кузьмин А.Г. Об истоках древнерусского права // Советское государство и право. 1985. № 2.

Кучма В.В. Феномен рецепции византийского права в Российском военно-уголовном законодательстве Петра I // Античная древность и Средние века. Ставрополь, 1995. Вып. 27: Византия и Средневековый Крым. С. 7—19.

Кучма В.В. Государство и право Древнего мира. Волгоград, 1998. 237 с.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. 536 с.

Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987. 216 с.

Липец Р.С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. 257 с.

Литаврин Г.Г. Идея верховной государственной власти в Византии и Древней Руси домонгольского периода // Славянские культуры и Балканы. М., 1978. Т. I. С. 50—56.

Литаврин Г.Г. Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в.) // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 237—285.

Ловмянский Г. Происхождение славянских государств // Вопросы истории. 1977. № 12.

Лосев А.Ф. Проблема становления символа и реалистическое искусство. М., 1976. 367 с.

Лотман Ю.М. Семантика числа и тип культуры // Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970.

Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь. М., 1989. С. 227—235.

Лотман Ю.М. О семиосфере // Избранные статьи Ю.М. Лотмана: В 2 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 11—23.

Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архитипические модели культуры // Избранные статьи Ю.М. Лотмана: В 2 т. Таллин, 1992. Т. 2. С. 345—355.

Лузан А.А. Политическая жизнь общества: вопросы теории. Киев, 1989. 152 с.

Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974. 172 с.

Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997.

Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. 432 с.

Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Старцы градские на Руси X в. // Культура Средневековой Руси. Л., 1974. 216 с.

Макова Е.С. К истории генезиса и развития феодальной земельной собственности у южных и западных славян // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979. 207 с.

Малингуди Я. Русско-византийские связи в X в. с точки зрения дипломатики // ВВ. М., 1995. Т. 56.

Малингуди Я. Терминологическая лексика русско-византийских договоров X в. // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6.

Мамут Л.С. Государство: полюсы представлений // ОНС. 1996. № 4. С. 45—54.

Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения // ОНС. 1998. № 6. С. 85—97.

Марченко М.Н. Очерки теории политической системы современного буржуазного общества. М., 1985.

Марченко М.Н. Государство в политической системе общества // Общая теория государства и права: Академический курс / Отв. ред. М.Н. Марченко: В 2 т. М., 1998. Т. 1. 416 с.

Мачин И.Ф. К вопросу о происхождении права // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1999. С. 291—305.

Медведев И.П. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI—XVII вв. Л., 1990. С. 7—45.

Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. 229 с.

Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // ДГВЕ: МИ 1992—1993 г. М., 1995.

Мельникова Е.А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // ВЕДС: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996. С. 45—51.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985.

Милов Л.В. О происхождении Пространной Русской Правды // ВМГУ. Сер. 8, История. 1989. № 1. С. 3—29.

Милов Л.В. Легенда или реальность?: (О неизвестной форме Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. 1996. № 1. С. 201—218.

Мисюгин В.М. Три брата в системе архаических норм наследования власти // Африканский сборник. История, этнография. Л., 1983.

Молчанов А.А. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // ВИД. Л., 1976. Вып. VII.

Молчанов А.А. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв. // ВИД. Л., 1984. Вып. XVI.

Муравский В.А. Закон и актуальное право в правовых системах стран Древнего мира. Екатеринбург, 1996. 79 с.

Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996. 320 с.

Мыськов Е.П. Золотая Орда в XIII—XIV вв. (политический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2000.

Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: МИ 1985. М., 1986. С. 149—157.

Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси XI—XII вв.: наследственные разделы и попытки десигнации // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика: IX Международный семинар исторических исследований: От Рима к III Риму. Москва, 29—31 мая. 1989 г. М., 1995. С. 83—96.

Назаренко А.В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками в связи с политической структурой Древнерусского государства // ВЕДС: политическая структура Древнерусского государства: VIII чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1996. С. 58—64.

Назаров В.Д. Полюдье и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации. (Ранний и развитой феодализм): В 2 ч. М., 1988. Ч.1. С. 164—172.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. 271 с.

Новейший философский словарь. Минск, 1999.

Новосельцев А.П. Восточные источники о славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 355—419.

Новосельцев А.П. Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте (постановка проблемы) // Древнейшие государства на территории СССР: МИ 1985. М., 1986.

Нерсесянц В.С. Право и закон. М., 1983. 366 с.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998. 656 с.

Ондруш К. Семантическая мотивация основных терминов права и торговли у славян и индоевропейцев // Этимология. 1984. М., 1986. С. 176—182.

Основы теории политической системы / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.Е. Чиркин. М., 1985. 248 с.

- Откуда есть пошла Русская земля. М., 1986. Т. 2. 704 с.
- Павленко Ю.В. Сравнительно-исторический анализ политогенеза в Восточной Европе и Западном Судане // Восток. 1998. № 2. С. 44—58.
- Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России: Прил. 1: Символизм в древнем русском праве. М., 1988. 696 с.
- Пастухов В.Б. От государственности к государству // Полис. 1994. № 2.
- Пашуто В.Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 76—118.
- Петрухин В.Я. Три центра Руси: фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык Средневековья. М., 1982. С. 143—158.
- Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси X—XI вв. Смоленск, 1995. 320 с.
- Петрухин В.Я. К проблеме происхождения древнерусской десятины: «Ветхий завет» и древнерусская традиция // ВЕДС. М., 1996. С. 75—77.
- Пигалев А.И. Культурология. Волгоград, 1999. 420 с.
- Подскальский Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996. 572 с.
- Политическая наука: новые направления. М., 1999. 786 с.
- Политология / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1999. 668 с.
- Политология / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1999. 770 с.
- Попов В.А. «Хождение в Абомей в сухое время года», или к вопросу об инверсиях полюдья // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 318—331.
- Попов В.А. Символы и атрибуты власти в традиционной политической культуре ашантийцев // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996. С. 215—229.
- Поппэ А. Русские метрополии Константинопольской патриархии в XI в. // ВВ. М., 1969. Т. 28. С. 97—103.
- Потестарность: генезис и эволюция. СПб., 1997. 215 с.
- Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий и для подхода к проблеме // Полис. 1999. № 5. С. 62—75.
- Почепцов Г. История русской семиотики. М., 1998. 336 с.

Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. 635 с.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. 432 с.

Прокофьев С.Г. Онтологическая и гносеологическая функции языка в правовых нормах // ВМГУ. Сер. 11, Право. 1999. № 3. С. 101—110.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1986. 365 с.

Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 1998. 447 с.

Ракитов А.И. Философия компьютерной эволюции. М., 1991. 287 с.

Рапов О.М. О некоторых аспектах княжеского землевладения в Киевской Руси // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 90—105.

Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XII в. М., 1977. 261 с.

Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. 416 с.

Рогов В.А. К вопросу о развитии княжеской власти на Руси // Древняя Русь. Проблемы права и правовой идеологии. М., 1984. С. 51—75.

Рогов А.И. Первые славянские князья в памятниках древней письменности и искусства // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1988. 355 с.

Рогов А.И., Флоря Б.Н. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X—XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982.

Ронин В.К. Политическая организация славян Центральной Европы и их отношения с западными соседями в VII — начале IX в. // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных государств и народностей. М., 1987. С. 86—94.

Ронин В.К. Обычай, договор и реальность в международных отношениях раннего Средневековья (на материале латинских памятников) // Общество, государство, право России и других стран Европы. Нормы и действительность. Ранний и развитый феодализм. М., 1993. С. 79—81.

Рубанов А.А. Понятие источника права как проявление метафоричности юридического сознания // Судебная практика как источник права. М., 1998. С. 41—48.

Рулан Н. Юридическая антропология: Пер. с фр. / Отв. ред. В.С. Нерсисянц. М., 1999. 310 с.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. 592 с.

Рычка В.М. Об одной религиозной традиции в междукняжеских отношениях Средневековой Руси // ВЕДС. М., 1996. С. 84—85.

Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. 358 с.

Сванидзе А.А. Смерть, убийство и царубийство в контексте общественных конфликтов и сознания раннеклассового общества Северной Европы // Средние века. М., 1994. Вып. 57. С. 7—45.

Свердлов М.Б. Древнерусский акт X—XIV вв. // ВИД. Л., 1976. Т. VIII.

Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. 240 с.

Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. 176 с.

Свердлов М.Б. Правовой обычай и правовой закон в формировании системы феодального права в Киевской Руси // Древнейшие государства на территории СССР. МИ 1987. М., 1989. С. 19—26.

Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. 321 с.

Седакова О.А. Некоторые методические аспекты зарубежных исследований древнерусской культуры // Культура и общество Древней Руси (X—XVIII вв.): зарубежная историография: В 2 ч. М., 1988. Ч. I. С. 162—207.

Селюков Ф.Г. Отечественный опыт экологии культуры в обычном праве // Государство и право. 1992. № 10. С. 113—122.

Семитко А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 108—113.

Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей М., 1867. 414 с.

Сергеевич В.И. Русские юридические древности: В 2 т. СПб., 1902—1903. Т. 1. 1902; Т. 2. 1903.

Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. 664 с.

- Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. 534 с.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. 578 с.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен: Соч. в 18 кн. М., 1988—1991. Кн. 1. 1988; Кн. 13. 1991.
- Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. 543 с.
- Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка: В 5 т. М., 1989.
- Станиславский А.Г. Об актах укрепления прав на имущества. Казань, 1842.
- Степанов Ю.С. Слова «правда» и «цивилизация» в русском языке (к вопросу о методе в семантике языка и культуры) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. XXXI, вып. 2. М., 1972. С. 169—175.
- Стратонович Г.Г. Формы верховной власти в теократических государствах Азии // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973. С. 195—217.
- Стризов А.Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия. Волгоград, 1999. 339 с.
- Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. 672 с.
- Тимошук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. 262 с.
- Тихомиров М.Н. Пособие для изучения «Русской Правды». М., 1953. 192 с.
- Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. 478 с.
- Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. 256 с.
- Толочко А.П. Структура княжеской власти в Южной Руси в середине IX — середине XIII в.: Дис. канд. ист. наук. Киев, 1989. 198 с.
- Толочко А.П. Триумвират Ярославичей в свете трифункциональной теории Ж. Дюмезиля // Образование Древнерусского государства. М., 1992. С. 66—69.
- Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 629—631.
- Тржешик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего Средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных государств и народностей. М., 1997. С. 124—131.

Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 49—54.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. 286 с.

Успенский Б.А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. М., 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 9—71.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1967.

Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Юрьевъ, 1914. Ч. I. 824 с.

Философия власти / Под ред. А.С. Панарина. М., 1993.

Флоря Б.Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992. 172 с.

Флоря Б.Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // ОИ. 1992. № 2.

Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1983. 703 с.

Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. 256 с.

Фроянов И.Я. К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г.Я. Курбатова. Л., 1991. С. 57—93.

Фроянов И.Я. Древняя Русь. СПб., 1995. 703 с.

Фроянов И.Я. Рабство и данничество. СПб., 1996. 512 с.

Хачатуров Р.Л. Мирные договоры Руси с Византией. М., 1988. 113 с.

Хачатуров Р.Л. Становление права (на материале Киевской Руси). Тбилиси, 1988. 262 с.

Хачатурян Н.А. Политическая и государственная история западно-европейского Средневековья в контексте структурного анализа // Средние века. 1991. Вып. 54. С. 6—22.

Хачатурян Н.А. Авторитарный и коллективный принципы в эволюции средневековой государственности // Власть и политика в Средневековой Европе. М., 1992. С. 14—23.

Церковь и государство: история правовых отношений. Звенигород, 1997.

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв.: В 2 ч. М.; Л., 1948. Ч. 1. 472 с.

Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Черепнин Л.В. О характере и форме Древнерусского государства // Исторические записки. 1972. № 89. С. 353—408.

Черепнин Л.В. Из наблюдений над лексикой древнерусских актов (к вопросу о термине «правда») // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточно-славянских языков. М., 1974. С. 211—218.

Черниловский З.М. Русская Правда в свете других славянских судебных актов // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии. М., 1994. С. 3—35.

Чеснов Я.В. Теократические начала государственности в Восточном Индокитае и миф о чудесном мече // Религия и мифология народов Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1970. С. 15—27.

Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. 400 с.

Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858.

Чичуров И.С. Политическая идеология Средневековья. Византия и Русь. М., 1990. 175 с.

Шанин А.А. Политический режим: сущность, содержание, типология: Дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. 202 с.

Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. 572 с.

Шевяков М.Ю. Менталитет: сущность и особенности функционирования: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1994. 24 с.

Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. 318 с.

Шапов Я.Н. О функции общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М., 1975.

Шапов Я.Н. Византийское и южно-славянское наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.

Шапов Я.Н. Государство и церковь в Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. 232 с.

Шапов Я.Н. «Священство и царство» в Древней Руси // ВВ. М., 1989. Т. 50. С. 131—139.

Шапов Я.Н. Некоторые новые исследования рецепции византийского права на Руси // ВЕДС: спорные проблемы истории. М., 1993. С. 85—88.

Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. М., 1998.

Юрасовский А.В. Прагматический историзм древнерусских летописей // Общество, государство и право России и других стран Европы. Нормы и действительность. Ранний и развитой феодализм. М., 1993. С. 76—79.

Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.

Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. 543 с.

Юшков С.В. Русская Правда: происхождение, источники, ее значение. М., 1950.

Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976.

Якобсон В.А. Некоторые проблемы исследования государства и права Древнего Востока // Народы Азии и Африки. 1984. № 2. С. 89—96.

Янин В.Л. Актовые печати X—XV вв.: В 2 т. М., 1970. Т. 1. 326 с.

Янин В.Л. Феноменальные находки Новгородской археологической экспедиции в полевом сезоне в 1993 г. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 170—171.

Claessen H.J.M. The Early State: A Structural Approach. The Early State / The Hague etc., 1978.

Franklin S., Shepard J. The emergence of Rus (750—1200). L., 1996. 450 p.

Kaiser D. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, 1981.

Kertzer D.I. Ritual, Politics and Power. L., 1988.

Kevelson R. The Law as a System of Signs. N.Y.; L., 1988.

Poppe A. The entronement of the prince in Kievan Rus // The 17th international Byzantine congress: Abstr. of shot papers. N.Y., 1986.

Ruch P. Semiotics in the Trial of Jurisprudence // Mod. Law Rev. L., 1990. Vol. 53, № 1. P. 121—129.

Strayer J.R. On the Medieval Origins of the Modern State. Prinston, 1973.

Servise E.R. Origins of the State & Givilisation. The Process of Cultural Evolution. N.Y., 1975.

Содержание

Введение. Методологический подход к исследованию политико-правовой системы Древней Руси	3
Глава I. Институциональная подсистема	11
Глава II. Нормативно-регулятивная подсистема	30
1. Нормативная основа политической системы Древней Руси	30
2. Источники права и проблема правовой рецепции	49
3. Особенности отечественного правопонимания .	61
Глава III. Функциональная подсистема	81
1. Особенности формирования и распределения политической власти	81
2. Способы и методы осуществления политической власти	98
Глава IV. Коммуникативная подсистема	117
1. Понятие политико-правовой коммуникации и символизма	117
2. Символизм как специфический способ выражения политико-правовой коммуникации в Древней Руси	123
Заключение	139
Список сокращений	143
Источники	144
Список литературы	146

Для заметок

Научное издание

Фалалеева Ирина Николаевна

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА
ДРЕВНЕЙ РУСИ IX–XI вв.**

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редактор *О.Н. Лысенко*
Технический редактор *Е.А. Мальченко*
Художник *Н.Н. Захарова*

Подписано в печать 16.07.03. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 9,5.
Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 100 экз. Заказ . «С» .

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.